

ВОСПОМИНАНИЯ

Посвящаются ушедшему поколению – людям трудной судьбы.

Родился я в глухом захолустье Дубровского уезда Радичевской волости в поместье Каменецких в километре от ближайшей деревни Кохоново и в 8-ми километрах от уездного центра – Дубровки (ныне в Брянской области).

Большой одноэтажный дом располагался на берегу искусственного озера. Рядом было несколько хозяйственных построек для двух-трех лошадей, нескольких коров и других домашних животных.

Небольшая речушка, перегороженная земляной плотиной, наполняла водой протяженную долину, и нельзя было предположить, что эта уходившая вдаль зеркальная гладь озера с противоположным берегом, заросшим камышом, была обязана ей своим существованием.

На фотографии, сделанной в 1914 году, мы видим озеро со стороны усадьбы Каменецких. Слева вдали - мельница.

Сад окаймляла липовая аллея. В саду росли еще молодые фруктовые деревья: яблони и груши, а по периметру – вишни.

Ниже плотины как бы присела деревянная мельница с двумя большими колесами, на которых многочисленные емкости наполнялись водой, и можно было долго смотреть, как лилась и лилась вода, и колесо медленно вращалось. Мама говорила, что там делают муку. Что из муки мама печет хлеб – это уже знал старший из троих братьев.

Этот день из раннего детства запомнился мне очень хорошо. Взрослых в доме не было, все работали: кто на мельнице, кто - в поле. Мама ушла к стаду – доить коров. Старшему - Вячеславу - 5 лет, среднему - Анатолию (мне) - 3 года, а младшему брату Гене – год. Вечик, как мы звали старшего брата, серьезен и самостоятелен. Он должен смотреть, чтобы братья не расползлись, кто куда. Больше всего требовалось присматривать за Геннадием, который неустанно полз к двери, на улицу, и далее к озеру. А тут еще я стал хныкать – есть хочу! Не лезть же в печь? Вечик решил дать мне хлеба. Он достал из тумбочки краюшку круглого хлеба, большой столовый нож, прижал хлеб к голому животу, чиркнул по хлебу - неудача. Хлеб - черствый. Пришлось повторить попытку - посильнее нажать на нож.

Опять – чирк! - и я с удивлением увидел поперек живота у брата белую линию, которая вдруг стала краснеть все более и более и, наконец, вниз побежали ручейки крови. Вячеслав зажал рану руками. И последнее, что я запомнил – мой собственный крик: «Держи крепче, а то кишки вылезут! Сейчас приложим подорожник!».

Шел 1929 год.

Из того времени, из той жизни еще помню: большой дом, некрашенные доски пола, теплые и светлые, зал с массивным столом с резными ножками и зеленым сукном на крышке, с резным окаймлением из темно-коричневого дерева. Две тумбы были всегда закрыты. У стола и вдоль стен стояли красивые стулья с зеленой драпировкой сидений и спинок. У окна - легкая плетеная качалка. На подоконниках и на отдельном столике было много цветов. Всех поражал фикус, посаженный в большой бочонок. Фикус достиг потолка и по нему через дверь устремился в другую комнату.

Проем в спальню закрывали красивые драпировки. Но самое интересное было в сундуке: бумаги с красивыми завитушками, открытки с картинками, на которых – голуби, свечи, елки и дети с крылышками, а в самом низу – перья, переливающиеся всеми цветами радуги, может быть даже, сказочной жар-птицы. Однако заветный сундучок мать открывала редко.

Летом 1929 года в этом доме проживали только мы с родителями. Как же случилось, что такое большое поместье было столь малолюдным?

Семья Каменецих

Моя мать – Мария Матвеевна Каменецих – родилась в 1896 г. 4-го декабря - в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. Семья Каменецих, по рассказам моей матери – Марии Матвеевны, была дворянского сословия, обедневшая и приехавшая, возможно, из Польши в д. Александровку, (ныне Шкловский район Могилевской области), в неизвестное ей время. По национальности Каменецихи были поляки, по вероисповеданию – католики. Имела ли семья собственную землю - неизвестно. Но достоверно, что до революции 1917 года арендовал Матвей Иосифович у помещика землю, обрабатывал ее

семьей и наемными работниками, содержал лошадей и коров. Помещик сдавал землю с условием, что арендатор будет содержать определенное количество скота, чтобы плодородие земли не убывало. По воспоминаниям моей матери, в семилетнем возрасте покинувшей семью, по праздникам и воскресеньям вся семья ездила на бричке в костел, где все молились сидя, и особо запомнилось ей бракосочетание: красивые платья с длинными шлейфами, которые несли дети.

Семья была большая: мать Анна, отец Матвей, пятеро сыновей - Иосиф, Карл, Владимир, Михаил и Наполеон - и две дочери - Казимира и Мария.

Отец был небольшого роста, работающий, заботливый, добрый, по характеру мягкий и спокойный. По воспоминаниям Марии, ее мама была на голову выше отца. Крепкая и сильная, деятельная и умная, она руководила и работами по дому, и по ведению хозяйства.

Семья была дружной и в труде, и в отдыхе. Все любили друг друга. Было легко и весело. Еще много предстояло Марии увидеть праздников, но таких, как в Александровке, больше не было. Приготовления к Рождеству или Пасхе, украшение елки и дома, подарки, поездки в костел или в гости – все это на всю жизнь запомнила Маня. У девочки дух захватывало от предвкушения праздника, к которому готовились загодя. Делались всевозможные закуски и кушанья: запеченный поросенок в окружении зелени овощей, свойские колбасы, мясные блюда с картошкой, а также с кашей и шкварками, сальтисон, холодец, жареный гусь или утка, салаты Оливье, салаты с капустой и чесноком, сырокопченая колбаса, торт Наполеон, мусс, самодельное мороженое, различные соусы, булочки, бисквит и печенья. На пасху подавались сладкий творог, крашеные яйца и пасхи разных размеров. А потом спокойное и дружное застолье, песни и декламации. И подарки! Если праздники были несколько дней, то со стола кушанья не убирались. Желаящие поесть могли сделать это в любое время.

Но приходит время - и все кончается. Приехал брат отца - Франц Иосифович. Высокий, стройный, статный, красивый, умный и образованный. В это время работал он управляющим на одном из заводов города Красный Сулин – на Украине.

На фотографии стоит Франц у дома на хуторе Каменецкий.

Случилось это в 1902 году, когда маленькой Марии не исполнилось еще 7 лет. В то время самому старшему ее брату было не более 20 лет, а младшему Наполеону – год – два. Работников своих было мало, а работ – много. Приходилось нанимать поденщиков. Так что особенного достатка в семье не было.

Приехал Франц Иосифович с необычной просьбой: отдать ему, одинокому холостяку, младшую дочь – Марию – на воспитание и постоянное жительство. Зарабатывал он хорошо, и имел кое-какие накопления, и хотел бы, чтобы они, со временем, достались родному человеку. Отец не хотел расставаться с маленькой дочерью. Но практичная Анна, подумав и все взвесив, согласилась. Правда, она высказала опасение: как молодой, работающий мужчина сможет дать то, что дает общение девочки с матерью и с женщиной вообще. Франц успокоил ее: женщина, и хорошая женщина, жена его лучшего друга, тоже из поляков дворянского происхождения, всегда будет рядом, так как, где бы ни работал Франц, там же работал и его друг. Его жена – Наталья Павловна – была бездетной. Анна, как умная и проницательная женщина, подозревала, не является ли она причиной тому, что Франц, такой видный жених, все не женится. Как ни любила мать младшую дочь, но взвесив все обстоятельства и перспективы, согласилась расстаться с Манечкой.

Горько плакала девочка, узнав, что увезет ее дядя Франц далеко-далеко. Она не хотела уезжать от дружной и веселой семьи, от отца и мамы, от сестры и братьев. И не пойдет она больше в недалекий от их дома молодой лес за ягодами и грибами! И не радовали уже всех богатые подарки Франца, которые он привез для каждого члена семьи.

Чтобы не передумали родители, видя горькие слезы дочери, Франц ускорил свой отъезд в далекий город Красный Сулин, хотя предполагалось, что он погостит неделю – другую. Отец украдкой плакал, но мать показывала пример бодрости и уверенности в том, что это – хорошее предложение, и делают они доброе дело. И чего не сделает любящая мать ради счастья своих детей! Только надо верить в то, что делаешь доброе дело.

Но недаром говорится: человек предполагает, а Господь – располагает! Не пройдет и года, как закончится детство Марии, и начнется у нее трудовая жизнь. И только один раз приедет она домой в Александровку на торжество. Это счастливое событие, когда собралась почти вся семья, и запечатлено на фотографии.

В Сулине пошла Мария в школу, в первый класс. Повезло ей с учительницей. Не молодая, но приятная женщина сразу полюбила старательную, аккуратную и умную девочку. Особенно прониклась к ней, когда узнала, что воспитывает ее одинокий мужчина.

Маня еще дома научилась читать не только по-русски, но и по-польски. И чтение стало для нее источником радости: они рассказывали ей о другой жизни, полной красивой любви, экзотических странах, захватывающих приключениях.

Дядя Франц познакомил девочку со своим другом и с его женой – Наталией Павловной. Мужчины работали, поэтому делом воспитания Мани занялась «тетя Наталья». Дядя Франц полностью ей в этом доверял, считая ее отличной женой и домохозяйкой. И если первый год это воспитание не отличалось от обычного, то на второй год оно кардинально изменилось.

Манечку тетя (а именно так было велено ее называть) начала приучать к выполнению домашних работ. Так как обычно по утрам в столовой оказывалось много посуды после вечернего приема друзей и подруг, ее необходимо было помыть до школы. Все тарелки, ложки, рюмки и фужеры нужно было помыть, протереть и расставить по

своим местам. Тетя объясняла, что аккуратность и чистота – залог не только здоровья, но и счастья в будущей семье. Вскоре она показала, как стирать белье, в том числе и ее батистовые трусы и панталоны. Девочка начала частенько опаздывать к первому уроку. Узнав причину опозданий, учительница не ругала Манечку, так как та по-прежнему хорошо училась.

Тетя вела малоподвижный образ жизни и любила сласти и сдобы. Возможно поэтому она, когда-то стройная и красивая, стала такой пышкой, что ей стало трудным длительное стояние на ногах. Не удивительно, что объем работ по дому для девочки все возрастал, а требовательность - повышалась. Тетя была строга и не любила дважды повторять одно и то же. Так, Манечка запомнила на всю жизнь, что трусы тети нужно стирать особенно старательно, так как проверять качество тетя будет на просвет при хорошем свете.

Вскоре Маня начала опаздывать в школу все чаще, а перед праздниками и после них, когда работ было невпроворот, она в школу не ходила вовсе.

Вскоре дядю Франца пригласили работать в Бежицу (Брянская область) главным референтом директора машиностроительного завода «Красный профинтер». Поменял местожительство и его друг с Наталией Павловной. Однако здоровье его подорвала болезнь, и он в скорости умер. Перед смертью он просил Франца не бросать его жену на чужой стороне. Дядя Франц обещал и обещание свое сдержал. В 1902 году он и тетя стали жить вместе, сообща купили вблизи деревни Кохоново хутор с большим домом и хозяйственными постройками с пахотной землей и лугом, а также садом на берегу озера. В компании с несколькими собственниками приобрели мельницу.

С трудом дали Марии закончить второй класс. В третий класс ее уже определять не стали: в сентябре еще стояла хорошая теплая погода, и уезжать тете с хутора не хотелось. Не ехать же преждевременно с природы в город из-за школы? Тетя не уставала повторять: «Женщине не следует забивать голову школьными знаниями. Она должна быть хорошей хозяйкой и хорошей женой. Ее предназначение - служить мужу и вести домашнее хозяйство. Я научу тебе всему этому».

Дядя Франя по обыкновению и в это раз не перечил Наталье Павловне, и вопрос с учебой Манечки отпал раз и навсегда. Теперь уже не узнать, мучили ли угрызения совести этого интеллигентного человека, не выполнившего своих обещаний. Был и еще один резон не связываться со школой: появилась новая собственность, требующая дополнительного труда и забот. И по-прежнему у них были гости - подруги тети и дядины друзья по работе. Наезжали они в теплое время года – на природу, с детьми и престарелыми родителями – для оздоровления. Пообедают ли, позавтракают ли – на столе гора посуды, ложек вилок, фужеров и рюмочек – не счесть! Хозяйка с гостями уходит к озеру, в сад, а Мария должна все убрать, перемыть, перетереть, расставить по местам. Тетя ее еще в прошлом году всему этому обучила. Сама в детстве прошла эту школу. Некогда, и нечего девочке гулять без дела! Еще многому ее следует научить! Варить, печь, жарить! И как правильно тушу разбирать, и как кишки вымыть и фаршем набить, сало засолить, птицу общипать, опалить, разрезать, варить борщи и супы, знать секреты приготовления вкусных каш, колбас, сальтисонов, пирогов и булочек, тортов и бисквитов, киселей и муссов, сметаны и творога, масла и мороженого. Сейчас девочке трудно – зато потом спасибо скажет! Любая работа будет ей знакома и не трудна! А труды ее - для дяди и тети - окупятся: ведь все недвижимое и движимое ей достанется!

Перед отъездом в город необходимо было обеспечить хозяйский присмотр за домом. Пришлось пригласить для постоянного жительства брата Натальи – пожилого человека, больного туберкулезом. С увеличением хозяйства придется оставлять с братом на зиму и Манечку. Надо только, чтобы она подросла скорей. Для работ в поле и на мельнице, на лугах и в саду, в конюшне и коровнике пришлось нанимать крестьян из соседних деревень – Кохоново и Радич.

Учила Наталья Павловна Марию методично, основательно и последовательно. Сначала – как мыть посуду, убирать со стола и подавать к столу; какие столовые приборы подавать к первому блюду, ко второму и т. д.; в каком порядке ставить рюмки и фужеры, где должны лежать ложки: столовая, десертная и чайная, а также вилки и салфетки; каков должен быть порядок подачи блюд и их своевременной уборки со стола. Напоминала, что соблюдение этикета – неперенный атрибут дворянской семьи.

Затем обучила уборке комнат, уходу за цветами. Мыть полы для тети было уже затруднительно из-за ее комплекции, поэтому этой работе было уделено особое внимание. Полы были некрашеными, и половые доски должны быть светлыми и приятными для глаз. Затем, настал черед освоению стирки и глажения белья. Последнее было особенно важным для дяди Франца, так как на работу он ходил в свежей отглаженной рубашке и брюках.

Постепенно подключалась Мария, в свободное от перечисленных работ время, к изучению обширных и разнообразных сведений и процессов кулинарного искусства. Но это не сразу, не вдруг! Одно дело – ежедневный стол, другое дело – праздничный. И опять тетя поучала, что польская кухня – лучшая в мире, как по объему, так и по содержанию. Негоже поляку – дворянину довольствоваться тем, что готовят и едят простолюдины.

Кулинарное искусство оказалось делом сложным, и потребовался не один год, чтобы постичь все тонкости приготовления пищи. Учеба включала и первичную обработку продуктов, приемы тепловой обработки и особенности приготовления каждого вида кушаний: холодных закуски, супов (молочных, мясных, рыбных и т.д.), соусов, блюд из рыбы, мяса, круп, вермишели; производство домашних колбас горячего и холодного приготовления; правильную разделку туш и др. Не были забыты особенно любимые тетей изделия из теста, фруктов, творога: печенья и торты, бисквиты и папушники, и пирожки с мясом или ливером, с капустой или картошкой, а также компоты и пудинги.

Дел по дому было такое множество, что об учебе каждый день в школе и не могло быть речи. Не стало и времени читать Марии и полюбившиеся ей книги. Тем не менее, уходя куда-либо, тетя говорила девочке: «Как закончишь дела, то отдохни, книжку на польском языке почитай, чтобы не забыла родной язык».

В это время и появились на работах в усадьбе крестьяне по фамилии Новиковы из соседней деревни Радичи.

Семья Новиковых

Новиков Кирилл Устинович был малоземельным крестьянином. Его хата и сарай для скота располагались в середине села Радичи, что в трех километрах от усадьбы Каменецких и в пяти километрах от железнодорожной станции Сещенская (Сеща). Жена его Анна раз за разом, когда через год, когда через два, рожала Кириллу одного за другим мальчиков – будущих помощников в крестьянском деле. Набралось их пятеро: Родион, Михаил, Павел, Филипп и Арсений. От частых родов или от тяжелых крестьянских работ

Анна умерла в 1900 году, когда младшему сыну было два года. Филиппу тогда было четыре года, но он впоследствии ее не помнил. В деревне звали ее Анюшкой, и была она из рода Платоновых.

Кирилл был невысокого роста человеком с типичным лицом русского крестьянина, которое принято изображать в русских народных сказках. Был Кирилл не богат. Да и какое богатство, если детей пятеро, один меньше другого. Но был он мужчина самостоятельный, трудолюбивый и жену любил – помнил, и не женился, пока всех детей не вырастил и не отправил «в люди». На здоровье не жаловался, и в 60 лет вторично женился на женщине с двумя детьми: девочкой и мальчиком. И вырастил с новой женой и этих детей. Причем дети и родные, и приемные были дружны, и, позже собирались все вместе, как одна семья.

С раннего детства трудились сыновья и освоили все крестьянские дела делать. Все дети выросли работящими, и односельчане уважали всю семью. А главное: воспитал их Кирилл людьми добрыми, уважительными и отзывчивыми на чужую беду или невзгоду. Когда пришло время жениться старшим сыновьям – Родиону, Михаилу и Павлу – Кирилл выделил их для самостоятельной жизни. Земли было мало, и Родион уехал в Чернетово – на производство. На своем же огороде поставили две избы: для Михаила и Павла. Из богатства отец оставил себе добротный сундук. Неженатым Арсению и Филиппу ничего не досталось. Филипп ничего не просил, так как он уже работал в усадьбе Каменецких, а Арсений просил отца дать хотя бы по новым анучкам для лаптей и полотенцу.

После трудового дня или в праздник видели Кирилла чисто одетого в черной шляпе, стоящего у дома на пригорке.

Маленький Филипп рано начал работать по хозяйству, но отец решил, что нужно ему освоить профессию, так как иначе не прокормишься – земли мало. И отдал его в ученики к сапожнику – подручным – подавать, принести, дратву сучить и промасливать ее, деревянные гвозди делать. Но смышленный парнишка присматривался, пробовал сам и учился у мастера, и вскоре тот стал поручать ему работы по починке обуви. Процесс обучения, однако, отец прервал, так как по совету Павла решили, что более выгодным будет работать Филиппу у Каменецких, где уже на их мельнице работал старший брат. В начале его взяли работать подпаском. Мальчик был тихим, старательным, уважительным и трудолюбивым. В жаркий полдень загонят скот в сарай отдохнуть от овода, но он не ляжет передохнуть, а поможет молодой хозяйке – племяннице дяди Франца Марии посуду вымыть или что другое по хозяйству сделать. Была она старше его на три года. Неудивительно, что она угощала мальчика чем-либо вкусным с господского стола.

Отец дал сыну образование. Церковно-приходскую школу закончил Филя с отличными отметками, за исключением чтения и письма. Несмотря на старания Марии приучить его к чтению книг, читать он и впоследствии не любил, предпочитая полезные, с его крестьянской точки зрения, работы. И говор его, несмотря на ежедневное общение с господами, хорошо и без акцента говорившими по-русски, остался в большой мере деревенским.

Памятным событием для Филиппа стала его поездка с отцом в уездный город Рославль. Вот как рассказывал он об этой поездке.

« Было в ту пору мне 10 лет. В далеком 1908 году. Повез отец в уездный город Рославль продавать воз сена и взял с собой меня. Случись ему отойти от воза - то я должен был смотреть, чтобы не украли лошадь или сани. На базаре не зевай – смотри в оба! Там рассказали, что будто был такой случай. Пала у одного крестьянина лошадь. А

как жить без нее? Собрал кое-какие гроши, в долг взял, и приехал на базар лошадь покупать. Лошади есть, и хорошие, но не по деньгам! Дешевле всех цыган продает, но кобыла у него какая-то печальная. Подошел к нему крестьянин, спросил, почему она такая печальная. «Задумалась» – отвечает цыган, а сам незаметно кнутиком под брюхо стегнул. И повеселела кобыла: головой замотала, ногами перебирает, на месте не стоит. Долго ходил мужик вокруг, и в зубы заглядывал, и по шее похлопывал. А цыган знай приговаривает: «Гаму, сам смотри. Кобыла смотреть не будет!»! Купил мужик лошадь, отъехал, а она как пошла по прямой – и в стену уперлась. Помахал мужик рукой перед ее мордой, а она и глазом не моргнула. «Обманул цыган! Кобылу слепую продал!»! Он – назад, привел цыгана к мировому судье. А цыган судье объясняет: «Я не обманывал, я его не один раз предупреждал: «Смотри, гаму, сам. Кобыла смотреть не будет!»! Так и ушел крестьянин со слепой кобылой».

Как продали свой товар, отец не помнил, но хорошо запомнил, что зашли они после этого в чайную, где заказали трехлитровый чайник чаю с рафинадом – кусковым сахаром. «Отец взял себе сотку (100гр) водки, а мне несколько больших конфет и горсть леденцов. Отец выпил свои сто грамм водки, и мы долго чаевничали, пока не опорожнили весь чайник. Выпивкой отец себе не баловал, и жизнь прожил без болезней. До конца жизни сохранил в целости зубы, и память, и рабочие руки. Но бедность не покидала его ни в молодости, ни в старости».

Филипп сохранил любовь к чаю с кусковым рафинадом: откалывал маленькие кусочки сахара щипчиками или ножом, и пил «в накладку», как в детстве.

Из года в год приходил Филиппок в усадьбу: пас скот, а затем выполнял новые, все более сложные работы. Если летом рабочий день начинался с восходом солнца, то пастушок не ходил домой в свое село Радичи, а постоянно жил на усадьбе. Зимой он приходил позже, но ночевать отпраплялся домой.

И вот уже, действительно, неисповедимы пути Господни! Кто бы мог подумать, что этот деревенский пастушок, этот Филиппок, так прочно и нераздельно свяжет свою судьбу с судьбой польских дворян – Каменецких.

Мария зарабатывает себе наследство

На ночь уходили по домам и работавшие у Каменецких крестьяне близлежащей деревни Кохоново. Тогда в усадьбе оставались Мария и брат Натальи Павловны. Дядя Франц и тетя в это скучное время года, жили в городе, где дядя работал главным референтом директора паровозостроительного завода в г. Бежица.

Вот как Мария позже рассказывала об этом времени.

«Усадьба в сугробах, дорога занесена снегом, мороз и ветер. Кругом темень, ветер завывает в трубе, тревожно шумят деревья. Я, одетая в полушубок, сижу на стуле в кухне и дремлю, положив голову на руки. Спать хочется, но нельзя. Каждые полчаса – час иду в хлев, чтобы не прозевать отёл: вот-вот, должна телиться очередная корова. И сразу же нужно унести в теплый дом теленка: в такой мороз и замерзнуть может. Не ждать же до утра, когда придут работники! И вторую корову необходимо часто раздаивать, так как ее вымя может воспалиться. Доить и массировать. И телёнка нести – мне, девочке – подростку – тяжело! А рассчитывать на помощь больного пожилого брата тети не приходится. А потом много забот и с коровой, и с теленком».

Поэтому не гасит Мария керосиновый фонарь – летучую мышь. А свет от него – никакой. Кругом темень и мрак, кажется, что ночь никогда не закончится. Страшно одной дома. А вдруг - бандиты? Зови, не зови на помощь – никто не услышит. Невольно вслушиваешься в звуки извне. К шуму ветра вдруг прибавляется плач ребенка, а затем звуки, похожие на хохот. Мороз пробежал по коже. Кажется, волосы встали дыбом. Не ребенок это - успокаивает Мария себя – это, наверное, филин кричит. И уже нет сна. Кажется, рядом начали подвывать волки. Вчера деревенские из Кохонова рассказывали, что у них они утащили уже не одну собаку. А за саями одного односельчанина гнались волки, когда он поздно возвращался домой. Вчера она сама видела большие следы на снегу возле сарая. Как добежать до сарая? Вот и собака захлебывается от лая - охрипла. Нет, нужно разбудить единственного в доме взрослого человека!

И тот выходит и стреляет в темноту из нагана, предусмотрительно купленного дядей Францем.

В эти часы вспоминается счастливое детство с родными отцом и мамой, с братьями. И горько, и обидно, что отдали они ее для лучшей жизни в город, а она опять в деревне, одна с нескончаемыми работами, должна работать и угождать дяде и не очень любимой тете. А утром опять мыть картошку, резать свеклу для скота, топить печи и варить себе и коровам, свиньям, собакам, курам, индейкам и двум павлинам. Все кудахтают, кричат, гогочат, требуют пищи, воды, внимания, уборки, прогулки.

Нет, не нужно ей это богатство! С какой охотой поехала бы она к своим родным!

Но вот наступает день, когда из Дубровки привозят письмо от тети: ее с друзьями и подругами необходимо встретить на станции. К определенному часу нужно прислать возок – зимой, или коляску – летом. Но сейчас зима, дядя и тетя будут встречать Новый год и Рождество в деревне. И хотя работ Марии прибавится, и некогда будет почитать книгу, но жизнь станет веселее и разнообразнее. К праздникам будут резать свинью и готовить разнообразные изделия. Теперь уже только Марии можно поручить вымыть и тщательно вычистить тонкие и толстые кишки и желудок с тем, чтобы набить их фаршем и гречкой или картошкой со шкварками. Мелко порезать сало и внутренности (не перегонять на мясорубке!), особенно печень, и сделать вкуснейший сальтесон. Но потом будет установка елки-красавицы (здесь их много!), навешивание украшений, сверкающего дождика и свечей. Потом будут гости, дети и подростки знакомых и подарки. Это так интересно: игры и хороводы, поездки гурьбой на розвальнях. Жаль, что это счастливое время быстро проходит...

Юность Марии

Моя мать, Каменецкая Мария Матвеевна, действительно получила хорошую подготовку к трудностям жизни. Однако эта подготовка не была свойственной ни ее происхождению, ни материальному положению ее опекунов. Видимо, последние и, в первую очередь, тетя, заботились о собственном благополучии больше, нежели о ее будущем, и считали, что наследство, которое она получит после их смерти, нужно отработать. Первые годы девочка плакала и даже писала письма родным, чтобы ее взяли назад в Александровку. Но приехал отец - тихий, нетребовательный и неконфликтный, приласкал девочку и помог уговорить ее смириться. Ведь всё это ей пригодится в жизни, да и богатство не отдавать же чужим людям. Подрастет – станет сама хозяйкой.

Ведь дома у родителей – тот же труд. И бедность пока. Лучшей перспективы следует ждать, когда подрастут сыновья и дочь Казимира.

И Мария продолжала работать. Уединенность жилья, отсутствие детей-сверстников, постоянное обучение и труды – все это способствовало постижению всех видов работ, исключая шитье, столь необходимое в обыденной жизни. Чтение книг и общение со сверстниками были, в основном, по праздникам и летом. Вот, пожалуй, и все радости краткого отдыха.

На фотографии – вторая слева - юная Манечка на пикнике с гостями из города. Она сидит, обняв свою подружку. На следующем фото – она под яблоней с тетей и, возможно, тетиным братом. Она смотрит в объектив и, кажется, чем-то рассержена.

Прошло еще пару лет, и Манечка стала Марией, она похорошела. Теперь к Каменецким зачастили ее сверстники и сверстницы.

Здесь она в кругу своих друзей – в центре.

Среди них: сыновья помещика Цацурина, богатого предпринимателя Орехова, дочь и сын Фомина – священнослужителя, Ларичева и Макарова.

Братья Орехова - страстные охотники, но хорошие, трудовые ребята. В сенокос косят наравне с мужиками. Вот нужно сгребать сухое сено, которое лежит валках, и укладывать в копны: приближается грозная туча. Спешат, задыхаясь от жары и влажного ветра. Вдруг, где-то далеко, у леса, в кустах тонко и часто залаяла собака, переходя на визг! И уже непрерывно, в такт бешеному бегу, залилась лаем, как бы на выдохе: ах, ах... - одна собака, а за нею вторая. Звуки погони быстро перемещаются: собаки погнались зверя или зайца и теперь будут гнаться долго и старательно, пока не потеряют след или пока охотник не застрелит беглеца. В тот же миг сжимается сердце охотника, кровь бьет в лицо, и сердце начинает бешено биться, и не слышит он уже просьб поторопиться с работами, и не видит, что уже начинает накрапывать дождик. Он уже там, где собаки. Он знает, куда нужно бежать на перехват зайца. Он верит, что не зря кормил и поил и учил собаку, за которую отдал корову. Гончая пригонит зайца к нему, если не на первом круге, так на втором. Для сыновей Ореховых нет более срочных дел. Ореховы – с ружьями - бегом, за охотничьим счастьем!

Вместе с родными

В это же время, очевидно по какому-то торжественному случаю, вся семья Каменецких, собралась в Александровке, кроме Владимира, который работал токарем в Петербурге, где проживал с женой Геленой, тоже полькой. На групповой фотографии запечатлены мать и отец – в среднем ряду, а вокруг – сыновья и дочери.

Слева направо: старший сын Иосиф, дочь Казимира, сын Карл, дочь Мария. Внизу, слева - сын Михаил, справа - младший сын Наполеон.

Это была первая поездка Марии в Александровку после того, как ее увёз дядя Франц. Какая прекрасная семья! Если учесть, что это - жители бедной белорусской деревни, то становится понятным, что это - элита среди ее жителей. И вид их, и одежда, и достоинство, с которым каждый член семьи позиционирует себя на снимке, их честный и серьезный взгляд, наконец, их одежда - все указывает на то, что они помнят о своем дворянском происхождении и гордятся им.

Снимок подтверждает рассказы Марии о том, что главой семьи была ее мать – Анна, женщина сильная духом и телом, деятельная, предприимчивая и требовательная. Для фотографии ей не потребовались украшения: ни колец, ни кулонов. Густые волосы

собраны так, чтобы не мешали в работе: можно сказать, короткая стрижка деловой женщины. Простейшая блуза с белым жабо. Тонкие губы плотно сжаты.

Муж Матвей, напротив, являет все атрибуты джентльмена: костюм застегнут золотой запонкой, на руке кольцо, часы Павла Буре на золотой цепочке, жилет и галстук. Небольшие усы и аккуратная бородка, большой лоб, переходящий в лысину; полные губы, как бы в усмешке; взгляд – серьезный и добрый. Ростом Матвей ниже жены. Мария оперлась на его плечо отца: она всегда с большей теплотой вспоминала отца.

Старший сын Иосиф смотрит напряженно и с некоторым вызовом. Думается, он довольно упрям. Не трудно предположить, что мать отговаривала его от женитьбы на девушке – крестьянке, простой и недалекой. Он все же женился на ней по любви, и у них родился сын Геннадий. Позже этот факт, сослужил ему хорошую службу – его семью не раскулачили и не сослали на Север. Казимира - к этому времени засидевшаяся невеста (она родилась в 1889 году) - так и не встретила любимого человека, вначале из-за дворянского происхождения, а позже из-за положения изгоя – врага советской власти.

Карл - главный помощник семьи, человек предприимчивый. Служил во флоте, а затем плавал на торговых кораблях. Это на его деньги семья приобрела необходимую технику для сельскохозяйственных работ: конную молотилку, веялку и др. Бывал он и Америке. Его друг там и остался. Именно благодаря ему Мария познакомилась с молодым инженером Андреем. Они влюбились друг в друга и решили вместе уехать работать в Америку. Но это будет позже, через несколько лет. На фото одета Мария традиционно, как старшеклассница. Шел 1911 год. Быстро течет время, быстро взрослеет Мария.

Планы с кардинальными переменами в жизни воспитанницы представляются реальными, так как любовь Марии и Андрея всеми одобряется и считается делом решенным. Уже уехали всей семьей в Америку ее две лучшие подруги и ждут – не дождутся ее приезда. Мария получила от них красивые открытки с ангелочками и фотографию, где они стоят на коньках, одетые в одинаковые беленькие шубки, а руки спрятаны в пушистые беленькие муфты.

Мария со дня на день ждет оформление бумаг на выезд из страны. Билет на пароход она уже получила от жениха Андрея. Хотя предстоящий переезд через океан страшит ее: ведь началась война Германии и Австро-Венгрии с Францией и Англией, и газеты пишут, что немецкие подводные лодки топят корабли, пока только военные.

Попрощаться с Марией приехали в усадьбу Каменецких братья - Иосиф и Михаил и сестра Казимира. Все трое запечатлены на большом фото: Иосиф и Казимира сидят в легком возке, в который впряжена красивая кобылица белой масти с пышным хвостом и гривой. Казимира смотрит в объектив фотокамеры. Рядом стоит в длинном пальто с черным воротником Михаил. На заднем плане – дом или вернее старый дом, приспособленный под сарай или амбар. Состояние крыши характеризует хозяина – дядю Франю не с лучшей стороны: крыша во многих местах повреждена, окна забиты досками с внутренней стороны. Шел 1914 год.

Мария невеста

За истекшие три года после ее поездки в Александровку Мария еще более похорошела и стала настоящей невестой: красивое лицо овальной формы, волосы заплетены в косы и уложены на голове, небольшой чубчик с завитушками, длинная шея, стройная фигура, спокойный доброжелательный взгляд. Рядом с ней на карточке

высокий красивый молодой человек в военной форме. Это ее брат Михаил. Пришло время служить в армии, и он в краткосрочном отпуске. Здесь же стоит сестра Казимира. Она меньше ростом и менее эффектна на фоне своих родственников.

В этот же приезд сделан еще групповой снимок: дядя Франц смотрит в объектив, взгляд открытый, задумчивый, рядом тетя - сосредоточенно и смотрит в даль, как бы пытаясь что-то разглядеть. Мария тоже серьезна и тоже как бы уже не здесь, а где-то далеко. Здесь же брат Иосиф.

На обратной стороне этой фотографии написано следующее:

«Дорогой, Андрюша! Письмо Ваше я получила, но еще не успела ответить. К августу я к Вам не приеду, потому что бумаги к этому времени не будет, а к концу августа, может быть, приеду, хотя я немного боюсь ехать. Посылаю я Вам свою карточку, только групповую. У меня нет фотографии, где я была бы одна. Мы снимались на Пасху. Остаюсь известная Вам Ваша Маня».

Только разъехались гости, как внезапно умерла тетя. Тотчас заболел, затосковал дядя. Возможно, пугала также перспектива лишиться не устававшей никогда воспитанницы и ее постоянной помощи и заботы. Возможно, тяжело переживал войну. Она уже сказалась на их жизни. На фронт ушли молодые парни и мужчины. Обезлюднили деревни, и непросто стало нанять работников, повысили налоги. И с каждым днем переезд

Марии в Америку становился все более опасным. Но день отъезда, определенный присланным билетом на пароход, приближался.

И здесь больной дядя повел себя самым неожиданным образом: он плакал и просил Марию не уезжать сейчас, не бросать его – больного и одинокого, тем более, что сейчас очень опасно ехать, а война вот-вот закончится, так как Германию теперь уж точно скоро разгромят. А потом она может и уехать.

И Мария осталась. Так закончился почти счастливый период ее жизни. Не знала она - как не знал никто - что ожидало ее в самом ближайшем будущем.

Мария остается в усадьбе.

Уже не было тети, был болен дядя, а гости из города по-прежнему находили много приятного в усадьбе Каменецких. Нагрузки на Марию возросли еще более. Только братья Новиковы продолжали работать. Молодых мобилизовали в армию, на фронт. С армии шли похоронки и возвращались раненые – хмурые, недовольные. Более враждебно стали смотреть и говорить о зажиточных и богатых. Пошли разговоры о захватах земель, о разграбленных поместьях, о самовольных вырубках леса и покоса угодий, воровства стогов сена. Хорошо, что у дяди есть наган! Но страшно стало жить вдаль от селений.

Душевное состояние Марии было особенно тяжелым. Впервые она полюбила и почувствовала, что была любима, и почти уехала к возлюбленному – уже распрощалась с родными и обещанным наследством! Уехал любимый жених Андрюша, уехали подруги и пишут, что не дождутся ее приезда, стоят на фотографии счастливые на коньках! Но нужно опять в ярмо, так как некому больше обслуживать людей и животных. Мало рабочих рук! Только сильная духом женщина смогла выстоять, выжить, сохранить чувство сострадания к больным и старым. Пожертвовать своей жизнью, своей судьбой!

Теперь почти все дни со скотом и по дому работает Филипп. Он подросток, но по-прежнему худ и легок на подъем. Ему жаль молодую барышню, которую эксплуатирует всяк, кому не лень. Взять, хотя бы, ежегодный наезд на все лето гостей, старух с детьми. Уже нет их подруги – Натальи Павловны, а они все равно в саду, на озере загорают с утра до обеда. Затем покушают и поспят. И никто не поможет Марии приготовить обед или убрать за гостями. Нет, Филипп этого бы не потерпел бы – будь он хозяином!

Удалось-таки Марии выполнить просьбу жениха Андрюши – сфотографироваться одной. Но получил ли он эту фотографию – не известно. Остался для нас, потомков, только запечатленный миг в ее жизни: МИГ между ее прошлым и будущим! Красивая молодая девушка с правильными чертами лица, спокойным и независимым взглядом, с длинной шеей и стройной фигурой.

Докатилась и до их глухомани: Революция! Фабрики – рабочим! Землю – крестьянам! Власть – советам! И война подошла близко. Вот и Филиппа призвали в армию – защищать Революцию! Деникин будто наступает. И одели его в шинель и дали длинную винтовку. Стрелять, правда, ему в жизни ни разу не приходилось. Но на пути Деникина положили его в окоп, ружье на бруствер, сказали - по команде «Пли!» – стрелять. Как целиться – не сказали. Да и страшно вперед смотреть. Поэтому стрелял, не глядя. Может быть, и убил кого. Так позже делился с молодыми, как он отстоял Советскую власть. Но коронным его номером был театрализованный рассказ о том, как учили их там классовому сознанию. «Выступает меньшевик и обещает: как все будет хорошо! Аплодируем. Потом выходит Троцкий с почти пустым мешком. Спрашивает у солдат: кто у него в мешке? Никто не знает. Достает большого кота и спрашивает: кто это? Все отвечают – кошка! Но докладчик поворачивает животное хвостом к зрителям и кричит: « Не кошка это, а КОТ! Не верьте меньшевикам!» Оглушительный хохот солдат. Меньшевик посрамлен, других доказательств не потребовалось.

Многое забыл Филипп из своей жизни на войне, а это врезалось в память – не забыть! При изучении истории ВКПБ его каждый год приглашали поделиться воспоминаниями о борьбе с Деникиным с односельчанами. И только это он и вспоминал. Впрочем, ему удалось после того боя с Деникиным вернуть винтовку и уехать домой. Хорошо еще, что братья Новиковы продолжали работать у Каменецких. Мельница мелет: хлеб нужен и в Революцию. Это - главный источник доходов. Собственно, о доходах позаботилась власть: работа была, а доход отдавали Революции: продовольственный налог, самообложение, продразверстка, реквизиция излишков...

Мировая война закончилась, на смену ей пришла гражданская. На долгие годы скрылась родная Александровка и навсегда – далекая Америка: залитый морем света каток и милые подружки в красивых белых шубках. Остались лишь фотографии, поздравительные открытки с ангелочками и голубями, да воспоминания! Тоскливо, одиноко и беспросветно потянулись годы. Затаились усадьбы. Поместья разграбили, хозяева или разбежались кто – куда, или были арестованы. Исчезли - как испарились - сверстники Марии. Особенно тягостно стало хозяину усадьбы Францу и его воспитаннице Марии в холодном и большом доме в темные осенние и зимние вечера.

Еще не трогают усадьбу Каменецких: сами работают и другим работу дают. Да и ехать Францу некуда. В Бежице нет работы и квартиры нет. Как - то быстро постарел дядя, ослаб и часто смотрит вдаль невидящим взглядом, а на глаза накапываются дорогие мужские слезы. Этот умный, образованный человек понимал, что не достанется Марии нажитого ими наследства. С детства она лишилась дорогих: отца и матери, сестры и братьев, в отрочестве – жениха, а теперь и всего того, что должно было принадлежать ей как плата за прилежный долготелый труд. В этом и его – Франца - большая доля вины. При живых родителях была она сиротой, и теперь оставляет он ее на этом свете сиротой во враждебном окружении все ближе подступающих пролетариев и тех, кто был ничем, а теперь становится – ВСЕМ.

Умер дядя как-то тихо и незаметно. Вероятней всего – в г. Бежица.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Шел 1929 год. Намаялась советская власть с крестьянами, начиная с 1917 года. В городе нет продовольствия, хлеба, а получить от крестьян все это бесплатно не так – то

просто. У бедняка его почти совсем нет, а зажиточные, «справные» крестьяне уклоняются. Пробовали и «продразверстки», и продналог, и твердый налог. А захочешь силой взять «излишки» - сопротивляются, прячут, в земля закапывают. Жмоты, «кулаки». Но давно уже придумано вождями революции, как сделать это проще. Согнать всех в артель, отобрать орудия труда, скот, всем работать по наряду, получать плату в конце года, предварительно выполнив государственные заготовки. Семена на посев - чтобы не поели - взять под охрану государства. Плохо поработают - мало получают. Да и как можно оставлять им много, когда страна строится, зерно не только для города необходимо, но и на экспорт – машины покупать нужно. Артель назвали колхозом – коллективным хозяйством. Беднякам было сдавать практически нечего, а зажиточные крестьяне понимали: сдашь трудом добытое - и ты уже не хозяин. Раб.

Партия и правительство начали Коллективизацию. Бедняки вступали добровольно, «кулаки» сопротивлялись до последней возможности. Пробовали загнать их в колхоз налогами. Выполняют - еще присылают дополнительный. Ведь Владимир Ильич учил, что каждый момент крестьяне зарождают капитализм. Тогда партия поставила задачу – ликвидировать «класс кулаков».

Раскулаченные

Тяжким бременем придавило молодую хозяйку усадьбы Каменецких – Марию - полученное от дяди Франца наследство. Земли: 8 десятин пашни, 2 луга, породистая кобылица белой масти, корова, дом, баня, двор с постройками, водяная мельница (на паях с другими). Породистых свиней - 2 шт., бычок, овец - 5 шт. пчел – 7 семей, курей -26 шт., ржаного хлеба в зерне – 30 пудов, овса – 30 пудов, ячменя – 15 пудов, сала свиного – 4 пуда, окорока свиные – 8 шт., дрожки летние, санки прогулочные, сани крестьянские, сельхозинвентарь, хура на железном ходу. И часы настенные с боем!

Считается, что зимой мало работы в хозяйстве. Но только убрать стойла и хлева - за час не управишься. А сколько времени на то, чтобы почистить племенную лошадь, обмыть корову и бычка от навоза, подогреть воду и напоить, сварить свеклу и картофель для свиней и кур, подоить и накормить, отделить новорожденных от взрослых, раздоить молодую маму? Пока есть снег, нужно вывезти на пахоту навоз, выхлопотать лес в лесничестве и вырезать его. Не просто вывезти спиленные деревья и разделить их на дрова, обеспечить работу мельницы, позаботиться о безопасности во время паводков – навозить навоз и землю, обслуживать и ремонтировать инвентарь и оборудование, обрезать плодовые деревья, побелить стволы, чтобы весеннее солнце не сожгло кору; резать свиней, овец, готовить и для себя, и для работников. Ведь ни в лес, ни на луг не пошлешь мужиков работать без сала или ветчины. Не покормишь хорошо - и работы не будет. А тяжелая работа требует хорошего питания. Все было бы просто, если бы были рабочие руки. И днем, и ночью работает Филипп по возвращении из армии. Жаль ему барышню. Нанять работников - и то труд: нужно ехать в соседнюю деревню Кохоново. Да и не девичье это дело - с мужиками договариваться.

Благоговейно смотрит Филипп на свою хозяйку, помогает во всем, старается. Не ругается, не матерится, как другие мужики. Да, не амбал он, худой, но жилистый,

трудолюбивый и уважительный. Простой, со всеми – свой. Но себе на уме, любит прикинуться простаком. Собеседник всегда чувствует, что он его уважает, и что его достоинства, и даже превосходство, Филипп признает.

Марию же не покидает чувство одиночества и враждебного окружения. Страшно одной оставаться не только ночью, но и днем. Филипп знает об этом. Он и домой в Радичи теперь не уезжает: без него теперь в хозяйстве нельзя.

Батраком был – это теперь ценят. Батрак – это как раньше дворянин. Как пропуск в счастливую жизнь. Поэтому Филипп бодр и даже весел, видя, что барышня все теплее относится к нему. Он и подбодрит и посочувствует Марии в минуты надвигающего страха и тоски.

Как развивались их отношения – точно неизвестно, но в 1924 году в Радическом сельском совете был зарегистрирован гражданский брак Новикова Филиппа Кирилловича с Марией Матвеевной Каменецкой.

Ничего после этого не изменилось в распорядке дня, в трудовых буднях. Не было ни перерыва в работах, ни свадебного путешествия, ни уменьшения или облегчения повседневных трудов ни для Марии, ни для Филиппа. Не было лишних денег, чтобы нанять работников за высокую плату. За натуральную же плату работали то одни крестьяне из ближней деревни, то другие, когда была у них крайняя необходимость в пропитании или свободное время. Постоянно трудились только братья Новиковы. Павел работал то на мельнице, то в поле на своих двух конях, то на сенокосе, то вез и продавал скот или зерно, чтобы заплатить за все увеличивающийся налог. Михаил и Арсений также выполняли разнообразные работы. К вечеру братья разъезжались по домам, и все работы со скотом переключались на Филиппа и Марию. Но вскоре и этому порядку пришел конец: Мария уже в мае сказала мужу, что у них будет ребенок. Выход из этого положения предложил Филипп. Решили, что на их усадьбе поселится младший брат со своей молодой женой Аксиньей. Для этого поставили ему дом и выделили землю под огород.

Прочитав перечень наследства и обилие скота, читатель может спросить: «Зачем им столько скота? Им, двоим? Объедались, что ли?»

Скот необходим был, чтобы натурой расплачиваться с работниками. Продавать, чтобы заплатить налог, и не только деньгами, но и натурой – например, зерном. Скот необходим был и для того, чтобы не только питаться самим, но и удобрять поля навозом.

7 января 1925 года было не только радостным праздником Рождества Христова, но и рождением первенца – сына. Назвали его по желанию матери Вячеславом. Ребенок был крепким и спокойным. Родители были счастливы.

Незаметно прошел год, и Мария хотела теперь девочку. Но на четвертый день Рождества в 1927 году родился я. Но сложились такие обстоятельства – холода на улице и в доме, и в первые же дни жизни я заболел. Растирали мне грудь скипидаром и гусиным салом. Поначалу родители думали, что вскоре болезнь пройдет, но кашель и хрип в легких были слышны по всему дому. И только 20 января поверили, что я будет жить, и мое рождение зафиксировали в церкви и заодно – крестили. На всей последующей жизни сказалась эта болезнь.

Вероятно, не только холод или инфекция могли сказаться на здоровье ребенка, но и непосильная работа матери до родов. Это запечатлено на фотографии заезжего фотографа не очень высокой квалификации. Снимок сделан без особой подготовки на фоне дешевого раскрашенного полотна с двумя лебедями, похожими на гусей, с беседкой

и прудом, похожим на лужу. Филипп сидит на стуле, а рядом стоит высокая и худая Мария. Одежда ненарядная. Отец тоже худ, одет в военную форму. На коленях у него сижу я. Бросается в глаза большая голова с белыми, как снег, волосами. Кажется, не случайно, что она наклонена, что ее с трудом держит шея. И еще: у меня необыкновенно тоненькие ножки. Взгляд печальный, какой-то мученический. Вячеслав (Вечик) стоит крепко, в коротких штанишках, лицо загорело, за маму не держится – самостоятельный. Снимок сделан летом в 1928 году.

Как изменилась Мария за последние годы! Где та девица - красавица, что изображена на фотографиях, когда она собиралась замуж за Андриюшу, который так и не дождался ее в Америке?

Мария была рада мальчикам, но ее мечта была не осуществлена. И она еще раз решила сделать попытку: но не может же такое быть, чтоб родились только одни мальчики! И на второй день Рождества в 1929 году она родила. Но не девочку, а еще одного мальчика – Геннадия.

Налоги все увеличивались, а цены на скот вблизи усадьбы были низкими. Для следующих налоговых выплат решил Филипп продать годовалого бычка. И прослышал он, что цены на базаре города Бежица существенно выше, чем на базарах Рославля и Жуковки. Правда путь для бычка был не ближний, порядка 70 километров.

Чуть свет запряг Филипп лошадь, привязал бычка к телеге и поехал, рассчитывая к ночи доехать до знакомых дяди Франца, которые продолжали каждый год отдыхать у них летом всем семейством. Усталый и довольный, Филипп еще до темноты доехал до места. Рассчитывая на радушный прием, он был сконфужен тем, что хозяева были очень удивлены его приезду, так как до этого он никогда их не навещал. Удивились тому, что приехал он не поездом, а на лошади, даже не поверили этому и убедились лишь тогда, когда вышли из дома. И когда увидели здорового быка, привязанного к телеге, и узнали, что гость собирается здесь же заночевать, и представили, что будет утром около их чистенького дома, то возмутились. Они не могли понять: как можно было додуматься до такого! Нет, и еще раз нет! Филиппу предложили переночевать на постоялом дворе, так как вонь от лошади, быка и навоза возле дома была совершенно недопустима. Филипп от такого приема сначала опешил, а потом пришел в ярость. Где ему ночью искать постоялый двор - уже наступила темнота. «Ах, так, – задыхаясь от обиды, выдохнул он. – Тогда и я не хочу никогда вас видеть»!

На всю жизнь возненавидел он «дачников». Но оставался очень гостеприимным к отдыхающим, которые большую часть «отдыха» проводили в работе, помогая хозяину. Пришло лето 1929 года. Работы практически не оставляли Марии времени на воспитание детей. Именно тогда произошел оставшийся навсегда в памяти трехлетнего Толи инцидент с разрезанием Вечиком хлеба и своего живота.

Год 1930 был объявлен годом сплошной коллективизации. Бедняки под руководством комиссаров объединялись в коммуны. Середняки и зажиточные крестьяне упорно отказывались идти в колхоз, отдавать свой инвентарь, лошадей и коров. Советская власть разъяряла, агитировала, увеличивала налоги, выгребая из амбаров все зерно. Большинство крестьян были уверены, что ничего хорошего не получится: кто не работал раньше, тот не будет работать и в колхозе. И своего мнения часто не скрывали.

Советская власть решительно взялась за коренное реформирование крестьянства, которое «ежедневно и ежечасно рождает капитализм», по выражению вождя международного пролетариата В. И. Ленина. Многие зажиточные крестьяне, священнослужители уезжали в города, продавая имущество и землю. Многие знакомые Каменецких тоже уехали, кто куда, чаще всего не сообщая своего нового места пребывания.

Нет ничего удивительного в том, что Мария не только не любила полученного наследства, но даже его ненавидела. Раз за разом предлагала она Филе продать все и уехать в город: ведь уже многих раскулачили и сослали – семьями. И слышать не хотел этого молодой хозяин, у которого ранее никогда ничего существенного не было. А тут так

повезло! Поработать, правда, пришлось. Но каково наследство! Было – ничего, а тут – алтын! И отказаться от своего счастья? С какой стати? Налоги все выплатил. И один, твердый, и второй, и все же еще кое-что осталось в амбарах! Мельница выручает! Да и батрак он был всю жизнь, никого не эксплуатировал. Его не будут раскулачивать. Никуда он не поедет, и продавать хозяйство не буду! «Ты посмотри на себя, на меня, - говорил он Марии: какие мы эксплуататоры? Да мы работаем, как рабы. С утра до самого вечера! И ни дня отдыха - ни зимой, ни летом. И детей у нас уже трое».

Однако атмосфера вражды давала себя знать все более и более, как и наступающая непогода осени и холод приближающей голодной зимы.

Вот как рассказывала мне в селе Рябчи Дубровского района хорошая знакомая, дочь лучшей подруги моей матери - Акуленкова Мария Егоровна - о том лихом времени, в том же Дубровском районе.

«Жила наша семья в деревне Алешня. Жили зажиточно. Отец – Егор - был хозяйственным, трудолюбивым, ко всяким ремеслам способный. Большой дом, хозяйственные постройки, паровая мельница, отличная лошадь для выезда - Шорохом звали, вторая лошадь – рабочая. Пахотная земля и луг. Корова, овцы и свиньи, куры и гуси - все требовало рук и забот.

В середине года начали организовывать колхоз. Предложили и моим родителям, отцу и матери, вступить в колхоз. Но как это все отдать в чужие руки, тяжелым трудом нажитое? Работы и без колхоза много. Мать – Антонина Сергеевна - по дому управляется, да еще с тремя детьми. Не хочешь в колхоз по-хорошему, сказала советская власть - силой заставим! Налог один раз выплатил, второй - наложили. Заплатил. Но все в амбарах подмели. Выпотрошили. Но есть мельница: заработаем, проживем. И было мне в ту пору восемь лет.

Вошла я в хату – мамка плачет! Чего ты, мам, плачешь? Говорит: батьку забрали! Думаю, как забрали, куда забрали? А его все нет, и на ночь – нет.

И забрали двух коня и свинью большую – породы какой- то особой. Повели в деревню Жуково, в колхоз «Свободный путь». Конфисковали мельницу, дом и постройки. Шороха запрягли, корову привязали к телеге, свинью туда же. Но в описи не указали, что отбирают их, а взяли расписку, чтобы мать в Жуково ходила и ухаживала за своей же скотиной. И стала мамка ходить и ухаживать за своим скотом. А дома один другого меньше: мне 8 лет, брату - Ваське -5 лет, Володьке – меньше года, я в люльке его качала.

И прислали в наш колхоз председателем городского – двадцатипятилетнего. Поселился в нашем доме. Занял зал, а нас выселил на полку – за печь. Из хаты взяли комод своей работы, часы круглые такие, с боем. Взяли без всяких документов и уехали. Но, дай Бог здоровья тому председателю. Говорит он: «Сергеевна, брось ходить в Жуково за своим скотом! Заболеет скот - и дети одни останутся, без матери! Скажут - сама его отравила!» Жалел он нас.

Вот так пожилы – пожилы мы на полке. Но пришло время, и согнали нас с полка! Берет нас мамка, и ведет в соседнюю деревню - Любимовку. Ведет к своему брату - Саньке, который жил с ее дедом. А брата власть раз – твердым, два – твердым (налогом). И выметать в амбарах нечего! Трезвый был мужик – непьющий! Если бы пьющий был – ему легче было бы! РАСКУЛАЧИЛИ. А нас выгнали из его дома. И на квартиру маму с тремя детьми никто не пускает – боятся. Припишут связь с кулаками. Уже тогда прививали: Народ и Партия - едины. Больше ненависти к кулакам! Это они,

эксплуататоры, не дают народу хорошо и счастливо жить! А дядьку Саньку раскулачить - раскулачили: все отобрали, из хаты выгнали, но не выслали, а направили валить лес. Приютили нас опять в деревне Алешня. Бывшие соседи впустили нас в баньку.

А однажды, глядь, дядька Санька пришел и на чердак этой баньки полез. И что-то руки его какие-то страшные! А сам быстро так говорит: Маня, не бойся! Маня, не бойся! Я к мамке: дядька Санька пришел и на потолок полез. К ночи спустился он в хату и на полук. Как кто идет – он на печку, дрожит. А стемнело, зашел он в Любимовку - домой. Жена не спала. Поцеловал детей и пошел. И пошел... И никто его больше не видел...

Потом, Толик, мы еще там пожили, пожили и поехали мы в Рябчи. Родичи дали нам недостроенный сарай: стены одной не было, потолка тоже. Горбылями, бревнами заложили, скобами скрепили. Внутри всю газетами обклеили. Начали жить. А как жить? Земли нам не давали. Только если неудобья: клочок там – клочок здесь. Жить не на что.

И промаялись мы уже два года. А тут отец пишет: приезжайте. Дали ему, как хорошему работнику, вольную высылку. Вольно ходит на работу в лес и каждый месяц отмечаться, что не сбежал. А ссылку он отбывал на Северной Двине в 120 км от Архангельска. И поехали мы к нему поездом до Архангельска, а потом на открытой палубе груженной баржи. Поехали: я, брат Володька и мамка. А Ваську оставили у родни – слаб был. Какое видел он в свои три года жизни питание!

Еще при подъезде к Архангельску, матери рассказали, что батя уже восстановил мельницу, и за это дали ему хату. А хата была - пустая и было голодно. Но летом в лесах было грибов и ягод несметное количество! Добыл отец себе и ружье, и гармошку. Не единым хлебом жив человек! Но чего было много, так это грибов и ягод. Я даже собирала и носила ягоды к Северной Двине: продавала голубику – на рубль три стакана. Теперь считают: куда детей к работе приставишь – дети маленькие. Вот ты, Толик, куда свою Аньку пошлешь? А меня 10-ти летнюю посылали и за ягодами, и на пристань, и к отцу за 18 км. Идешь глухим лесом и ни с кем не встретишься! Носила я ему еду, какую ни есть: варено, сухари какие-нибудь. Разве мамка и батя, посылая меня, не переживали?

- Конечно, Мария, еще как переживали! Ведь заключенных много было! Всяких...

- Нет, Толик, случаев плохих не было.

- Мария, о чем это говорит? О порядочности и честности большинства раскулаченных.

- Летом посылали отца заготавливать сено. У него была там будочка – от комаров.

На ночь подтопим и спим.

В тех местах наших кос не было, а были горбуши, вроде больших серпов. А батя сделал настоящую косу и косье. И стал ударником по заготовке сена. А сено там – утром скосят, а вечером оно уже в стогу. Стог навивают на крестовину, как у нас, когда картошку буртуют. Посередине вкапывают столб с крестовиной, и сено навивают, и не утаптывают. На сенокосе отец работал летом. А к зиме стал заниматься ремонтом мельницы. Мельница не работала, так как старый мельник ослеп, и замены ему уже несколько лет не было. Отремонтировал отец мельницу и стал работать мельником. Помню, привели слепого мельника посмотреть-пощупать: так ли Егор все сделал. Отец остановил мельницу, и стал тот щупать и жернова, и кулаки, и муку. И был он доволен. И похвалил мастера и его работу. Вот так мы и жили.

Но ни мяса, ни молочка не было. И слег братик Володька. Врачи сказали, что если не уедете, то он умрет. И выписали ему кринку не молока, а обрат. Спасибо, что бате зачли хорошую работу, и вместо 5-ти лет по суду, отпустили через 4-ре года.

Приехали мы на Родину осенью в 1934 году - голод был. Рябчинскую мельницу помещика Дунаевского добились до ручки, плотину не укараулили – прорвало весенним паводком. Проще было запрудить плотину и восстановить мельницу выше по течению речки Белизна - в Чету. Пришли, говорят: «Пойдем, Егор, ведь кроме тебя некому это дело делать». И пошел, и сделал, и нас в Чет забрал.

Молоть зерно начал, и пережили мы голод. Но, как стала работать мельница, нашлись желающие руководить, а затем и работать. Но без него быстро привели мельницу в негодность. И опять он наладил ее, и опять нас туда привезли. И снова все повторилось. И переехали мы, Толик, опять в Рябчи : в маленькую хатку.

- Мария, знал я эту хатку. В ней Бырдиковы в 1936 году жили. Петька - мальчик, а рыбак был заядлый и умелый. И тетя Дуня часто туда приходила. Наведывалась она и к моему отцу – ветфельдшеру, опохмелиться спиртиком. Однажды, налил он ей сто грамм неразбавленного водой спирта и говорит: «Долей водички». «Да не надо, Кириллович, пусть лучше поиграет». И выпила одним махом. И задохнулась, побледнела и обмякла. Подхватил отец ее под руки и выволок в сад. Сделал искусственное дыхание, и ожила Дуня. И ожил мой отец. Знал - мало ему не будет. Тем более свои четыре года он уже отслужил на строительстве Беломорканала вместо восьми по приговору.

- И вот, Толик, посчитала я: эта хата восемнадцатая, в которой я теперь живу. Отцу пришлось всякими работами заниматься. И коров пас, и колеса к телегам, и сани делал. Однажды, 16-го, нет- 15-го марта 1937 года, была масленица, и мужчины ходили по деревне друг к другу – опохмелялись. И к нам пришел председатель колхоза и просил отца сделать подрессоренные дрозжки. Но тут подъехали двое в кожаных куртках. Вошли в хату. А хата наша была вся-вся обклеена газетами. Хата им понравилась. Говорят: «Вот кулачье! Все им нипочем. Опять обжигались! Где хозяин?» «Во дворе – дрова колет, - ответила мать. - Позови, Маня, отца». Вышла я. Говорю: «Папка, тебя зовут, двое приехали».

«Ну, Маня, теперь – все», - и отец с силой вбивает топор в колоду. (Голос Марии задрожал, и слезы побежали от горьких воспоминаний того прошлого).

И пришли мы в хату. Приезжие начали обыск. А что ищут – не говорят. А что искать: мы еще ничего и не успели нажать. И коровы не было. Но что-то искали: и в подолы заглядывали. Ну, нашли две фотографии: мамкиного кума – Иванова. У него вот тут, напротив, магазинчик был. Спрашивают: а это кто? А это наш кум. А где он теперь живет? В Бежице, так и так. Сыновей – двое. Забрали эту фотографию. И отца увезли. А 18-го мамка понесла ему в Дубровку сухарей. И в тот же день весенний паводок прорвал плотину, и нет перехода, и нет озера. Занесла вода в кусты и наших кур и петуха. Я их потом ловила. А на завтра мамка пришла. И дали ему 8 лет. Мамка была на суде. Судили в Смоленске.

Вот, Толик, сны сбываются. Мамка на суде, а я дома с детьми. И во сне мне говорят, что бате дали восемь лет. Открывает мать дверь, я ей: «Мам - восемь?» «Восемь. Откуда ты знаешь?» «Во сне сказали».

Вот тут - то и начали меня донимать в школе. Особенно учитель Кузнецов, он залезил потом на нашем озере. Упал из лодки в воду.

Поставил он мне по зоологии кол, и я не стала даже сдавать экзамены. И меня из 7-ого в 8-ой класс не перевели. А вот Бырдилов Колька закончил все по-хорошему. Пошел поступать в 8-ой - не приняли: сын «врага народа»! Написали Крупской, она - разрешить! Но все равно не приняли. И уже в 1941 всех молодых погнали рыть окопы, а меня не взяли. Но прошел месяц, и мне доверили гнать колхозный скот на восток.

- Пристичило, значит, Мария, и они забыли кто ты. Да и хорошо знали, что никакой не враг ни ты, ни отец, ни родственники. Вот отец мой раскулаченный гнал скот до самой Волги. И в начале 1942 года призвали его в армию, и было ему уже 44 года. Он им говорит: почему вы меня забираете? Я ведь «враг народа», был осужден как политический, по 58-ой статье. А ему в ответ: ничего, ничего, тут половина по 58-ой! И защищал он коммунистический строй до лета 1945 года.

- А мой батя, Толик, не дожил до Победы. При реабилитации сообщили, что умер в марте-апреле, а где - не сообщили. В какой местности - не указано. Раньше было сообщение, что рубил он в Краснодаре какую-то фабрику.

- Мария, это, наверное, было, когда немцы прорывались на Кавказ. Положение было аховское, и всех «врагов» пустили в расход, так как эвакуировать было некогда. Нет человека, и проблем нет!

- Толик, и еще. Чтобы помочь батю после первого ареста, мать собрала подписи по деревням от крестьян. Но списки не приняли, сказали: вы их подкупили! А тут и газете появилась статья, что Акуленкова Антонина Сергеевна разъезжает на своих рысаках с сыновьями и агитирует против колхозов. Приехали к мамке расследовать: где рысаки? А она им: был у нас рысак Шорох, так его в милицию взяли. А сыновья где? Вот моя семья: я сажу люльку качаю, в ней маленький Васька, и Володя тут. Да, весь край деревни, что у озера считали «Дворянским».

А я вот что хочу сказать: после возвращения из эвакуации, назначили меня председателем колхоза, и я справлялась. Пользовалась авторитетом колхозников. Во всех крестьянских делах тоже, при пахоте ли (Мань, сколько будем занимать?), при уборке ли сена (где будем скирду класть?). И как работали (вспахивали до полгектара)! Помню, ваша соседка, Полюха, зацепит конну сена и проедет, как стрела - лихая была на работу.

- Мария, расскажи о своем брате - Василии.

- Родился он в 1929 году. Закончил 7 классов, работал в колхозе. В армии получил квалификацию шофера, приехал домой, стал работать шофером. В колхозе сначала, а потом в Дубровке в райисполкоме. И посоветовали ему вступить в партию. Получил рекомендации и предстал перед партийным бюро родного колхоза. Все свои, все знают друг друга. А наиболее сведущий товарищ спрашивает: «Василий Егорович, где Ваш отец?» «Отец мой, Петрович, там, куда Вы его послали». Так и не приняли в партию большевиков. Прожил всю жизнь беспартийным.

Для такого ответа были основания: от матери он знал, что Петрович был одним из бдительных, которые дали ложные показания о «враге народа» органам НКВД. И на суде это стало известно. Кроме классовой ненависти у Петровича были и личные счеты. И Егор, и Петрович были страстными охотниками. У обоих были гончие собаки. И охотились они в одних и тех же местах и, как правило, в одни и те же дни: при открытии охоты, по первому снегу, при пороше или при весенних и осенних перелетах птиц. Последний случай поссорил охотников не на жизнь, а на смерть. Собака Егора подняла с лежки зайца и погнала. Егор выстрелил и, по его уверениям, ранил зайца. Но тут в погоню включилась и собака Петровича. И так как она была ближе к зайцу, чем

собака Егора, то она догнала и придушила косого. Но другая, полагая, что это добыча ее, тоже цепенлась в зайца. Петрович подбежал раньше Егора и пинком ноги отогнал собаку. И для острастки выстрелил. Подбежал Егор и потребовал зайца, так как он его ранил, и его собака все равно догнала бы зайца. При этом действовал так напористо, что Петрович отдал трофей, но пообещал, что это Егору дорого обойдется. И, не откладывая угрозу в долгий ящик, уговорил еще двух сельчан, при чем одного из Егора родни, подписать информацию в НКВД о враждебных действиях своего конкурента по охоте. Результат не заставил себе ждать. «Враг народа» был своевременно обезврежен. Но не будь этого доноса, вряд ли, мельник, владелец мельницы, уцелел бы, так как партия и правительство выполняла намеченный курс на уничтожение кулачества».

В наше время говорят, что это было необходимо Родине, для ее усиления требовались трудолюбивые рабочие руки, причем бесплатный рабский труд. И за одно считалось не плохо было бы уничтожить и семя кулака, так как вряд ли следовало ожидать от них любви и преданности к партии и правительству. И в нечеловеческих условиях жены кулаков старались вырастить трудолюбивых, честных, граждан, способных осмысленно понимать жизнь и причины, определяющие, ее изменения. И оставаться открытыми, сострадательными к чужому горю и невзгодам. Не озлобиться на весь свет. И быть в этой жизни примером для других людей и, возможно, укором для всесильных гонителей. Ведь не раз слышались слова: вот кулачье! Опять обжились! Ничего их не берет!

Как могла выжить в глухой тайге Антонина Сергеевна с тремя малыми детьми? Только трудом, любовью к ним, изобретательностью, верой в то, что все образуется, все преодолет. Что Господь и Царица Небесная не оставят и пошлют свое благословение. А как жить без крова, без земли, без образования, без профессии с тремя детьми в условиях деревни? Пришлось осваивать швейное дело. Без учителей, без пособий. Я сам видел, как пришла женщина с просьбой сшить блузку. Без метра материал был раскроен по данным фигуры в течение нескольких минут. И швейная машина заменила паровую мельницу. Как это упустила власть? И как только Сергеевна и другие семьи кулаков) обзаводилась жильем, всегда получалось, что только у нее могли останавливаться и жить различные представители власти (милиционеры, прокуроры, командированные, судьи, агитаторы). Так как у них всегда было чисто, еда приемлема, обстановка доброжелательная, ну и платы не требовалось. И то же было и у нас. При этом часто слышали возгласы: как хорошо тут у вас! Хоть раскулачивай! Последнее было «особенно приятно» хозяевам. Причем, жилье для приезжих представителей власти рекомендовали зачастую пособники раскулачивания. Они-то знали, как заслужить признательность «мелкой власти».

Послесловие. Этот разговор был в то время, когда Мария уже болела.

Как-то быстро она ослабела: трудно стало ей корову доить, соседка помогала. Продали корову. Ее внучка делала все возможное и невозможное, чтобы поднять ее на ноги. Вот ноги-то и не хотели ходить. Разум и память были феноменальные, восприятие и критическое отношение к окружающей действительности были отменные. Это она мне первая сказала: «Толик, а ведь мы с тобой жертвы политических репрессий, и должны быть реабилитированы. Я в газете вычитала и уже написала запрос в ФСБ области. Готовлю и материал в суд, чтобы компенсировали то, что незаконно отобрали в 1930 году». Почти каждый день мы навещали Марию и ее мужа Андрея. На ее ноги невозможно было смотреть. Боль – днем и ночью. Ходить она не могла. Более года

промучилась. Но ни капризов, ни раздражения, ни недовольства мы не видели и не слышали от нее. Многое она и ее семья испытали страданий, и напоследок судьба не пощадила ее, не дала долгожданного счастья и удачи. Болела она одновременно со своим мужем: он на одной кровати, она - на другой. Умерла Мария 7-го февраля 2005 года. На другой год после мужа.

Мария Егоровна и ее мать – Антонина Сергеевна – лучшие женщины, которых мне посчастливилось встретить в моей жизни, жить рядом и общаться с ними. Это достойные наследники тех умельцев и больших тружеников, которых извела Советская власть, обозвав их «КУЛАКАМИ».

Но вернемся к истории семейства Каменецких – Новиковых

С детства не любил Филипп читать. Не читал он, и не интересовался трудами классиков марксизма – ленинизма. Не знал, и не слышал, что знания – это сила. Не интересовался он и решениями партии и правительства. Считал, что раскулачивание все же кое-где и кое для кого, может быть, и нужно. Ведь немало было мироедов, эксплуатировавших труд бедняков. Но он-то при чем тут?

Темной глухой ночью, когда завывала вьюга, когда добрый хозяин не выгонит и собаку на двор, подъехали на двух санях четверо к дому усадьбы Каменецких. Неистово залаяла собака, но раздался выстрел, и лай превратился в отчаянный визг и затих. В дверь с остервенением застучали. Пока Мария зажигала керосиновую лампу, в дверь начали бить чем-то тяжелым. Филипп поспешно натянул штаны, подошел к двери. На его вопрос: «Кто там?» - раздалось ругательства и требование немедленно открыть дверь, иначе дверь выбьют. Вошли четверо в кожаных куртках. Приказали хозяйке и хозяину сдать револьвер, который у них имеется, и сидеть. Не представившись, и ничего не объясняя, начали обыск: все переворачивать, перетрясать, разрывать, ощупывать, бросать на пол. Заплакал младший сын Геннадий. Мать подошла к его кровати, наклонилась к нему, успокаивая, а рукой нащупала под матрацем револьвер. Выбрав момент, когда НКВДэшники перешли в зал, выбросила револьвер через форточку в снег. Забрав кое-какие письма и фотографии, приезжие приступили к допросу и оформлению документов. Я тоже не спал и видел испуганные, бледные лица родителей в тусклом свете коптящей керосиновой лампы. Атмосфера страха и незащищенности навсегда осталась в моей памяти.

Была заполнена анкета для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ с предупреждением о том, что лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности:

Фамилия - Новиков, имя и отчество – Филипп Кириллович, гражданин – СССР, национальность – русский, место прописки – Рославльский округ, Дубровский РНК, село –Радичи.

Год рождения -1898, образование – сельская школа.

Жена –Мария, возр. -33, занятие –с/х, адрес – х. Каменец.

Сын – Вячеслав – 5 лет, сын – Анатолий – 3 г , сын Геннадий – 1 г.

Партийность – б/п, профессия – земледелие, состоял на гос. службе – в Кр.Армии – рядовым. Владеет имуществом – земли 8 десятин пашни, 2 луга, лошадь -1, корова,

мелкий скот, хата, двор с постройкам; работал по найму – батраком с 1914-1918г.; состоит в армии - рядовым. Арестован 29.01. 30г.

Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера – Уполн.ГПУ

Где арестован – хут. Каменецкий Дубровского р-на.

Подпись заключенного Ф. Новиков

ОРДЕР № 46 Действителен до 31.01 1930г.

Выдан Дубр Рик (запись сделана небрежно и неразборчиво, вероятно не успевали или считали ордер не очень и нужным. Или рука устала: запарка с этими врагами народа).

Кому.....должность....Фамилия, имя, отчество....Голованову Федору. На хут Каменецк... у гр. Новикова Филипп..Кир

С целью обнаружения -----

Независимо от результатов обыска гр. Новикова Филиппа Корееви (?!) задержать

Начальник (Лихой росчерк и ни №, ни даты)

Опись

Имущества гр-на Новикова Филиппа Кирилловича на 29 января 1930г.

Дом с сенями 12 х 9 ар	300 руб.
Амбар дерев. 7 х 7 ар	50 руб.
Амбар дер. 7 х 8 ар	60 руб.
Надворные постройки	150 руб.
Баня дерев. 7 х 7 ар	50 руб.
Сарай деревянный 25 х 10	100 руб.
Лошадь 6 лет плем	200 руб.
Корова 6 телят сивая	150 руб.
Свиней 2 шт. пород.	100 руб.
Бычек 7 месяц. Пород.	40 руб.
Овец 5 шт. прост.	15 руб.
Ржаного хлеба в зерне	50 руб.
Овса простого	30 пуд.
Ячменя	30 пуд.
Сала свиного – 4 пуда	160 руб.
Окорока 8 шт.	160 руб.
Пчел 7 семей	105 руб.
Железный ход – хура	40 руб.
Курей 26 шт. по 1руб.50 к	30р.
Часы стенные 1 шт.	30 р.
Итого на сумму	1895 руб.

Уполномоченный подпись

Выписка из протокола №15

Заседания тройки ПП ОГПУ по Зап Области от 24 марта 1930г.

Слушали:

Дело №10214 –по обвинению
Орехова Романа Захаровича, Орехова Петра Васильевича и других в числе 12 человек по
ст. 58 п.10 и п. 11 УК РСФСР

Постановили:

Орезова Романа Захаровича,
Орехова Петра Васильевича заключить в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет каждого,
Фомина Ивана Михайловича,
Красношеева Семена Самуиловича,
Новикова Филиппа Кирилловича заключить в концлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет
каждого,
Ларичева Михаила Феокистовича,
Ларичева Семена Михайловича,
Макарова Евтихия Павловича заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет каждого,
Макарова Павла Антоновича заключить в концлагерь сроком на ТРИ года ,
Бегуина Алексея Федоровича заключить в концлагерь сроком на ТРИ года УСЛОВНО,
считая срок всем десяти с 2 февраля 1930 г.

Секретарь тройки (Подпись размашистая из трех палочек с лихим завитком
спереди и прямым длинным хвостом сзади).

Арестовали моего отца за подрывную деятельность против советской власти, за
агитацию против колхоза, будто бы он говорил: «В нем и яйца не выпьешь». Вряд ли
говорил он это громко. Но думать, наверное, думал. И оказался оракулом, как в сук
влепил: прошли десятилетия колхозного строительства, а птицеферм или вообще не было,
или были, но яиц получать не удавалось. Цыплята, как правило, массово сдыхали.
Уцелевшие куры сами поедали яйца: не успеет несушка слететь с гнезда, как вторая,
терпеливо ждущая этого момента, съедает яйцо. И приходилось промкооперации
закупать яйца для города у частных - у населения.

Вот как Филипп, рассказывают, попросил однажды у завмага сельского магазина: «
Вер, дай-ка мне вон тые носки!» А та его предупредила: «Кириллович, они только на
яйца!» А он: «Да нет, Вер, мне на ноги!»

Этот анекдотический случай стал известен всем в округе и даже спустя 22 года
после его смерти мне рассказывал его в очередной раз нестарый житель – будто он был
при этом свидетелем!

Венцом этого группового дела «врагов народа» явилось ЗАКЛЮЧЕНИЕ прокурора
Брянской области, Государственного советника юстиции 2 класса Н. В. Викулина от 14
августа 1989 г., по уголовному делу № 12557 – п., где написано:

29 января 1930 г.Новиков Ф. К. был арестован, и ему предъявили обвинение в том,
что на протяжении ряда лет проводил антисоветскую агитацию.

Признав Новикова виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.58
п.10 и п.11 УК РСФСР, тройка ПП ОГПУ по Западной области 24 марта 1930 года
приговорила его к заключению в концлагерь сроком на 8 лет.

Как усматривается из материалов дела, в действиях Новикова Филиппа
Кирилловича отсутствует состав преступления, а поэтому он подпадает под действие ст. 1

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в периоды 30-40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора В.К.Потапов
Зам. Начальника подразделения Управления КГБ СССР по Брянской области
В.К.Парфенов

Прокуратура Брянской области выдала СПРАВКУ о том, что внесудебное дело в отношении Новикова Ф.К. отменено, и он считается реабилитированным заключением прокуратуры Брянской обл. от 14 августа 1989 г.

Новиков Филипп Кириллович так и не дождался этого радостного события: умер он в своем маленьком доме 12 февраля 1976 года, в селе Рябчи Дубровского района, в 22 километрах от родной деревни Радичи и в 15 километрах от когда-то процветавшего хутора Каменецких.

Никому из семьи Новикова Филиппа Кирилловича, кроме меня, не пришлось узнать эту новость.

Я, Новиков Анатолий Филиппович, как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, был признан подвергшимся политической репрессии и РЕАБИЛИТИРОВАН. (Справка о реабилитации от 05.06.2002. № 13-121-02 Прокуратура Брянской области).

На родине в семье Каменецких

Во времена НЭПа хорошо пошли дела в семье Матвея Иосифовича Каменецкого. Получили землю, подросли дети. Карл попал на флот, отслужил, стал плавать на торговых судах. Неплохо зарабатывал, не забывал родных в деревне Александровка. На его деньги купили молотилку конную, веялку, сеялку и другой инвентарь. Завели породистый скот: пару лошадей, пару коров, две свиноматки, индюков. Подросли и начали разъезжаться дети. Володя женился и с женой Гелей уехал учиться и работать в Ленинград на Путиловском заводе токарем. Отслужил в армии Михаил и вернулся домой. Еще не женат. Иосиф, Наполеон, Казимира работают в хозяйстве. И сам Матвей с женой еще тоже кое в чем помогают. Урожаи хорошие, скот племенной, инвентарь новый. На молотилке и веялке всю осень работают не только для себя, но и многим другим хозяевам арендуют. В Могилеве призы, как образцовое хозяйство, не раз получали. Казалось – живи и радуйся. Но неожиданная утрата: деятельная и мудрая хозяйка Анна умерла. Не прошло и года, и не стало отца семейства – Матвея Иосифовича. Отделился Иосиф, ушел в дом молодой жены – крестьянки...

А с весны 1929 года в Белоруссии, как и в центральной России, началась борьба советской власти с мироедами – кулаками.

Не обошли репрессии и «городского» Владимира Матвеевича Каменецкого, который до 1937 года работал на Путиловском заводе. Его семья жила по улице Курляндская, д. 76, кв.2, у Нарвских ворот. Напротив их дома размещалась большая

фабрика – кухня, где работала кассиром Геля – жена Владимира. К 1930 году у них была дочь – студентка Стася, сын Константин в 7-ом классе и сын Мечислав в 5 классе. Но и здесь советская власть неустанно искала врагов народа и с успехом их находила в количестве, требуемом по разнарядке. Стасю арестовали с группой студентов, приписав им подготовку вооруженного сопротивления и расстреляли. Стасе было 21 год.

Лихое время

Я, Новиков Анатолий, сижу с Новиковой Натальей Павловной - моей двоюродной сестрой в ее доме в поселке Сеца Дубровского района, и мы вместе вспоминаем давно минувшие дни. Она - последний свидетель из семьи Новиковых тех далеких времен. Как не сожалеть, что уже нет возможности встретиться с другими родственниками и поговорить, послушать: как это все было в их жизни. Как закалялись люди в огне вселенского эксперимента, безумно проводимого в России. Даже близкие мне люди во многом остались мне неизвестными, как из-за беспечности юности, так и по необходимости забыть свое прошлое, не афишировать его, чтобы оно не вышло боком детям, родственникам и друзьям.

Меня интересовало время раскулачивания и то, что помнит Наташа о жизни родителей своих и наших, о жизни в то лихое время.

Было ей в 1930г. восемь лет. Брат отца – Павел Кириллович, жил в д. Радичи, в 5-ти км. от Сеци и в 3-х км от усадьбы Каменецких. Семья у него была большая, а работник он один. Сносную жизнь обеспечивала работа на водяной мельнице у брата - Филиппа Кирилловича. Но пришел январь 1930-ого года, и арестовали Филиппа – моего отца за подрывную деятельность против советской власти, за агитацию против колхозов.

- Наташа, сколько же было у вас детей? Девять?

- Первым был Миша (1920г.р), потом я (1922г.р.), Шурка (1924г.р.) – умер от менингита на вторые сутки, Верка – шестнадцати лет умерла, Толик, Гринька, Витька, а потом Коля и Афанас.

- А сколько было детей у вас, когда моя мать привезла нас к вам?

- Шестеро.

- А сколько вас теперь осталось в живых?

- Двое: я и Толик. Вот фотография: папка, ты и Верка. Она тоже с 27 – го года. Ты сидишь у отца на руках. Тебе три с половиной года.

- Наташа, у Каменецких было большое хозяйство. Знаю, что твой отец помогал брату Филиппу.

- Да, он работал на мельнице: камень накует, мелет или что другое делает. Там не только мололи зерно, но и сукна валяли. Было два рабочих колеса: для мельницы и для сукновальни. А позже, к вам перевез свою хату и семью брат Арсений.

- Наташа, а что ты помнишь об усадьбе Каменецких?

- Помню большой дом и в нем большой фикус, который был во всех комнатах. И озеро. Около дома хозяйственные постройки. А кругом сад. В километре от вашей усадьбы, вниз по речке деревня Кохоново.

- Наташа, а что стало с хутором Каменецким и деревней Кохоново?

- Дом разобрали и перевезли в Дубровку под милицию. Дом был хороший.

- А сарай?

- Сарай –разломали кохоновцы. А теперь и деревни той нет.

- В 1937 году я, Наташа, посетил родные места. И несколько дней жил в доме дяди Арсея – брата моего отца. И видел наше разоренное гнездо. Кстати, ни отец, ни мать никогда туда не наведались.

- А как, и когда построился Арсений?

- Его дом и семью перевез твой отец. Он тоже работал на мельнице.

- Когда это было?

- Было это уже при моей памяти. Годов 6-7 мне было. (Следовательно, 1922+6=1928 г). И хата его стояла недалеко от вашей усадьбы.

- Я побывал в этом доме. В мой приезд, Наташа, дяди не было дома. Он работал где-то на шахте. В доме оставались - жена Аксюта (мне почему-то имя не нравилось. Вероятно, полное имя ее – Аксинья) и две девочки лет по 10 -12. Вот с ними то я и пас их скот: корову и овец. И здесь они научили меня играть в ножички. Из разных положений бросаешь его, и он должен вонзиться в землю. Что запомнилось мне, пацану, что Аксюта положила меня спать на ночь в покат с девками! Это было совсем не обычно. Еще видел его усадьбу, сад. От нашей же не осталось и следа. Только запущенный сад. Ни озера, ни мельницы, ни строений, кажется, и реки не было. Только аллея деревьев и то сильно прореженная показывала, где следовало искать усадьбу. Поля же заросли молодым березняком высотой в 2 – 3 метра. Вдали виднелись темные неказистые избы деревни Кохоново.

Видимо, не пошло впрок ни богатство помещиков, ни кулаков. И новая новь не принесла чего-нибудь существенного бедному крестьянству. Но была со мной балалайка, на которой я исполнял патриотические песни и, казалось, что на безлюдном просторе, без всяких кулацких усадеб, и вправду широка страна моя родная, и много в ней лесов, полей и рек, и другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!

- Наташа, после раскулачивания, как мы попали к вам в Радичи?

- А твоя мать прибежала поздним вечером пешком по грязи и говорит: «Ой, Павел, что делать? Хотя бы детей привести и что-либо из вещей!» И, помню, отец запряг пару лошадей на колесах и в ночь поехал с ней за детьми. У вас уже не было ни коров, ни лошадей. Ночью и привезли вас троих к нам. «Павел, - обратилась ваша мать, - ты завтра пораньше съезди на усадьбу и привези, что сможешь, и что осталось от кохоновцев, а теперь, прошу тебя, отвези меня сегодня же в Сещу –к поезду: поеду в Ленинград».

И отец запряг одну лошадь и повез ее в ночь на станцию. Посадил ее на поезд, и поехала она безо всего. Какую-то сумочку взяла и поехала. На следующий день поехал отец на хутор и привез только то, что деревенские не растащили, не увезли. Ты, Толик, и Вечик не плакали, а Геня плакал: «Где моя мама»? Мой отец часто жил у вас, поэтому Геня считал его отцом и говорил: «Это мой тятка». А наш меньший Шурка: «Нет, мой тятка! Ты не наш – ты привезенный!» Отец успокаивал: «Не спорьте - вы все мои. Идите ко мне. Садитесь на колени: ты сюда, а ты сюда». Между прочим, Шурка был очень подвижным и смелым мальчиком, но умер от менингита, после бани. Афанас умер, когда ему было 4 года, Николай в 5 лет, и еще – девочка.

Но мы, дети, жили дружно, не ругались и не дрались. А Вечик, как идет кто-либо к нам, спрашивал: «Тетя, это не за нами»? А она говорила: «Залезайте скорее на печь, да не выглядывайте из-за трубы. Сидите тихо!»

- Наташа, кто же у вас работал, кто помогал: ведь девять малышей - один меньше другого?»

- Миша и я оставались с малышами, когда отец и мать уходили на работу. Мама, бывало, приказывала: «Смотри, Наташа, чтобы дети не упали и не стали бы горбатыми!» Конечно, больше всего приходилось работать маме, но я помогала ей. Кормить – ладно, а в субботу всю ораву мыть надо! Папка растапливает печь или баню. И купаем детей, одного за другим. Пока всех перемоешь! В поле один работник - отец. Если ему помощь нужна, то мать может всякую работу сделать. Ведь и меня она родила в поле – снопы вязала. И было это на Петровки 15 июля 1922 года.

Мама вставала рано: вытопит печь и пойдет с хозяйством справляться, а мне приказывает: «Иди полежи с ними, да смотри, чтобы не упали». Если что не так, то я им говорю: «Если будете кричать, милиция услышит, и придет, и заберет вас». Затихали. Помню, отец как -то пошутил: «Пойду часть детей на базаре продам. Кто со мной пойдет?» А Вечик: «Я не пойду!» Когда отец возвратился домой, то Вечик спросил: «Чего ты их не продал?» «А никто их не купил.»

Но каждому он купил по конфете. Конфеты были длинные такие, с кистями!

- Наташа, а дядю Франца, дядю моей матери, ты видела?

- Видела один раз, когда он приезжал к нам. Высокий такой, стройный, в дубленой шубе на сборках. Коляска легкая, подрессоренная и лошадь красивая - белой масти. И грива у нее была тоже белая. «Девочкой ее звали». Но лица дяди Франца я не помню.

- И сколько же мы у вас прожили?

- Все лето вы жили у нас.

- Ты не знаешь, куда уехал Арсений?

- Он еще несколько лет жил в Кохоново. На работу ему приходилось ездить в Затишье - там добывали фосфориты. И фабрика была – молола камни фосфоритные. Теперь уж ничего там нет. Ни шахт, ни фабрики.

И в Кохоново, как раскулачили твоего отца, в первую же весну прорвало паводком плотину. Некому было следить за прибывающей водой, особенно к ночи. Некому заваливать промоины, наращивать плотину, своевременно спускать вешние воды, открывая заставы. Некому поддерживать работающее производство, а тем более его восстанавливать. И не стало хутора, и не стало мельницы, и заросли многие поля кустарником.

И магазина не стало, и проторенной дороги, и где учить двух девочек? Пришлось еще раз перевозить Арсению дом и сараи в райцентр – Рогнедино. Но не сразу. На всю жизнь запомнила я случившее с матерью Аксюты.

Пришла она как-то к нам в гости вместе со своей внучкой – Таисией. Сели под ракитой. Дает она нам семечки. Я сижу по одну сторону дерева, Таська по другую, а ее бабка – под деревом. Откуда не возьмись - гроза. Да как ударила – ракиту расщепила, а нам, девочкам, ничего. А бабушку – убила. Коса у нее была длинная, красивая. Молния ее сожгла и сарафан – тоже. Мы закричали и побежали на гумно. Наша мама услышала и говорит: девки кричат - значит, что-то случилось. Что случилось? Мать Аксютину гроза убила! Цепы бросили (молотили) и побежали за лопатами. Помню, ямку вырыли, и ее в ней землей засыпали. А когда откапывали – не помню. И что же – осталась она жива. Хвалилась: посмотрите, девки, какие у меня теперь хорошие волосы. Волнистые! Я уже была большая.

- Наташа, наш дом в деревне Рябчи тоже принял на себя разряд молнии. Было это летом в 1960 году. Еще будучи студентом, привез я хорошую антенну, представляющую собой канатик из медной проволоки с изоляторами по концам длиной метров 30. И,

несмотря на мороз, влез на старую высокую липу и закрепил один конец антенны. Второй конец закрепили на высоком деревянном шесте. Снижение через окно ввели в помещение дома. Столь большое внимание было уделено антенне, так как только с хорошей антенной можно было надеяться принимать голоса многих станций на детекторный приемник. В деревне в то время не было ни радио, ни электричества. И какова же была радость, когда наши надежды оправдались в самом лучшем виде. Было множество станций, в том числе иностранных: Би-Би-Си и Голос Америки, которых нещадно глушили. По этому же приемнику мы узнали о смерти Сталина. Но слушать приходилось с наушниками. Прошло несколько лет, и детекторный приемник был заменен ламповым батарейным с громко говорящим динамиком. Антенна была хороша и для этого приемника.

Так вот, ранним утром, в восьмом часу, люди, которые ждали открытия сельского магазина, что в двухстах метрах от нашего дома, увидели в грохоте грозы опустившийся на дом огненный столп молнии. Казалось, что он накрыл все здание. И все ждали, что дом вспыхнет, как свечка. Но в потоках дождя растаял дым, а дом оставался цел. Около дома стояла оглушенная моя мама, крапива была вся в мелких дырочках, стекла в окнах выбиты. Антенна расплавилась, молния по снижению ворвалась в дом, сожгла радиоприемник, и капли расплавленного металла прожгли листья фикуса. Затем метнулась наискосок за печь, пронеслась в нескольких сантиметрах над спящим братом матери – Наполеоном, приехавшим в гости, и убила котят. Были в нашей деревне случаи, когда сгорали дома от молний, и в поле погибли два пастуха.

Скажи, Наташа, как это вашей семье удалось не вступать в колхоз почти до начала войны? И вас не арестовали и не сослали?

- Не забрали потому, что детей было много. В колхозе мы их не прокормили бы. В поле пахал отец, но и мать помогала. Выручали нас две лошади. Корова до войны была только одна. Сколько земли было – не знаю. Были какие-то четки.

- Наташа, около вашего дома, в сторону Кохонова был кирпичный завод? Или гумно? В 1935 году мы поймали маленького зайчонка и вырастили. Но один раз забыли закрыть дверцу клетки. При нас он скок-поскок, и мимо нас не спеша, но не даваясь в руки, за двор и на гумно. И все быстрее и быстрее поскакал и мы, дети, его не догнали. И были очень огорчены: ведь был таким ручным, когда выпускали в закрытом помещении! Тогда вы еще не вступили в колхоз.

- В колхоз пришлось вступить в 1936 году – предупредили в последний раз. К этому времени Миша уже закончил 10 классов, а я – шесть.

И пошла я работать в колхоз. Целый месяц мне давали наряд: боронить поля. А я с лошадьми никогда не имела дела и с полевыми работами – тоже. Колхозники злорадствовали: вот когда тебя запрягли! Мама в это время родила Витьку и была больна. А нужно было выработать в год не менее двухсот трудодней. Не смейтесь, говорю, научусь! Одна хорошая женщина говорит мне: «Наташа, я тебе научу как бороновать и как мухлевать, и каких коней брать пораньше других, и как их запрягать». До этого я попрошу кого-нибудь запрячь лошадь, и до конца дня его не распрягаю. «Наташа, чего это ты коня на обед не распрягаешь?» «Незачем. Я быстро пообедаю и буду работать, а то норму не выработаю». Но скоро они меня разоблачили: она не умеет запрягать! Моя подруга говорит: «Если делать как надо, то мы с тобой не выполним нормы. Поэтому я еду первая и оставляю полоску поля не обработанной – делаю грех. А ты вслед за мной его заборонуешь. Почти в два раза больше сделаем».

Потом приходилось лен трепать. Не умела – все пальцы поотбила.

- Наташа, ведь из колхоза почти невозможно было уйти в город, или на любое другое производство. И паспорт не давали. А ты потом работала и в торговле, и в швейной мастерской. Как это тебе удалось?

- Приходит к нам брат матери, Белугин, и предлагает с ним работать в торговле. Я говорю: «Не умею я. И на счетах считать не умею. Нет, лучше я пойду работать в швейную мастерскую». Но брат Миша посоветовал: «Лучше в торговле работать, чем швеей глаза слепить». «А я батькину корову проторгую». «Не проторгуешь! На счетах научу тебя считать». «Хорошо. Завтра придет дядя я ему и скажу, что согласна».

Сказала я ему и про счета, а он ответил: в уме будешь считать. И, правда. Научилась. Первое время дядя проверял, а потом Миша и на счетах научил меня считать. Первый месяц я торговала хлебом. Пользовалась табличкой – под весами лежала. Все у меня было в порядке. Не было никогда недостачи. Спасибо, что Миша меня надоумил. Он и отца поддержал: «Что ты будешь все горбом, да горбом зарабатывать. Ты специалист по мельницам. Ничего, что эта мельница работает от дизеля». «Миша, ведь там учет нужно вести, отчетность делать, а с образованием у меня слабовато – четыре класса приходской школы». «Помогу, и научу». И помог, и научил отца бумажным делам.

- Наташа, так в какое время года мы жили у вас?

- Мне кажется, что вы зимовали у нас и в теплое время года, наверно, весной.

- Значит, мать уехала вскоре после ареста отца. Но по фотографии, где с дядей Павлом я и Шурка, видно, что были мы у вас в теплое время: весной или летом. Возможно, матери потребовалось с полгода, или чуть больше, пока она смогла устроиться. Ее не принимали на работу, так как не прописывали у брата Владимира Матвеевича. А не прописывали, так как она не работала. Замкнутый круг удалось разорвать, когда ее приняли санитаркой в дом сумасшедших. Как раз там, в это время сумасшедший убил санитарку.

Перед поездкой она сделала все, что могла для облегчения своей участи: потеряла паспорт, где было указано, что она полька дворянского происхождения и уроженка Шкловского района Могилевского уезда. Пришлось председателю сельсовета дать кое-что из драгоценных вещей. В новом паспорте - она уже русская и родилась в д. Александровке Дубровского района. Да, мы уехали от вас весною.

Второй день приезда в г. Ленинград я очень хорошо запомнил. Первый же день прибытия не помню вообще. На второй день приезда, рано утром, послали моего двоюродного брата Мечислава (Мечика), старше меня лет на 10, в магазин, находившийся поблизости, за хлебом. И он взял меня с собой. Большой магазин с множеством разнообразного товара и людей произвел на меня неизгладимое впечатление. Я с интересом рассматривал одну витрину за другой и забыл о своем новом брате, а он – обо мне. И, когда я вволю насмотрелся на булочки и печенье, я Мечика не нашел. Мне было три с половиной года, и я заплакал. Какая-то сердобольная тетя стала спрашивать мою фамилию, адрес, где живу, вывела на улицу. Но я сказал, что мы только вчера приехали. И она отвела меня в ближайший милицейский участок. Там сказали: не плачь, найдем мы твою маму. В милиции меня посадили на подоконник и дали в толстой серой оберточной бумаге горсть слипшихся конфет. За окном было солнечное теплое утро. Мне сказали: сиди тихо, пока не придет твоя мама. Я успокоился - мне стало хорошо: за окном на цветущей вишне весело чирикали воробьи. Когда я увидел в дверях милиции Мечика, то соскочил с подоконника и бросился к нему. Но милиционер строго сказал: сиди, пока не придет мать!

А каково же было потрясения матери, когда Мечик пришел без меня. В первый же день потерять сына! Все бросились искать, но Мечик первый нашел. В милиции ей возвратили меня, но предупредили: если еще раз потеряете сына – не отдадим его вам. Весело мы пошли домой, взявшись за руки. Память запомнила этот день (правильней: часть этого дня), в то время как другие только фрагментами. Двор, окруженный пятиэтажками с четырех сторон, улицу с дрожжевым заводом, куда возили яблоки и очистки от яблок, далее фабрика-кухня, где впоследствии работала мать, комнату-кухню, где мы прожили четыре года (1930-1935гг.), «Очаг» (детсад) с недельным круглосуточным проживанием, кроме воскресенья, площадь на Нарвской Заставе с имитацией лагеря челюскинцев.

Шесть дней в неделю я и Геня жили в «Очаге». Очень теплое чувство осталось от всей обстановки, от организации, об интеллигентных воспитателях, о чтении нам интересных книг, сказок, занятиях по пению, рисованию. И не было драк, не было ссор. Ходили мы с братом в очаг охотно. Но в воскресенье была другая жизнь, Мама кормила нас не очень сытно – хуже, чем в «Очаге». Запомнилось: дает стакан молока и булочку, булочку советует покрошить в молоко и есть ложечкой. Я ем, а она приговаривает: «Булочки побольше – молочка поменьше». Булочку она спекла и принесла со своей работы – с фабрики-кухни. А молочко купила со своей мизерной зарплаты судомойки. Угощала она нас скибочкой хлеба с половинкой котлеты, разрезанной вдоль. Видимо, в очаге нас этим баловали тоже не часто.

Еще помню: проснулся, послушал, и установил, что сердце не бьется! Значит – умер. Мать рядом – успокоила: «Когда сердце не бьется, то человек уже не будет слушать, так как он уже умер».

Недолго проработала мама судомойкой. Спокойная, уравновешенная, знающая поварское искусство (благодаря тете Наталии). Большая Маня всегда была готова прийти на помощь, когда это необходимо: подменить кого-нибудь то ли у плиты, то ли на раздаче, или поработать после первой смены во вторую смену, как будто у нее нет семьи. Поэтому она быстро завоевала уважение всего коллектива, и ей предложили работать поваром. Прославилась она, как повар, сразу же, как только сварила пшеничную кашу, которую ранее многотысячный коллектив школьников всегда оставлял нетронутой. Она была невкусной. Теперь же эту ненавистную кашу съедали всю без остатка!

Коллектив фабрики-кухни. Мария – пятая слева в верхнем ряду

Запомнилось первое мое посещение фабрики – кухни, где работала мама. Множество столов и стульев, за столами школьники разных возрастов, одни отряды школьников приходят, другие – уходят. Кто-то меня и Геннадия садит за стол. Приносят первое блюдо, затем второе: пшеничную кашу, а сверху полная котлета! Но, что удивительно: под кашей оказывается еще котлета! «Манечка, - слышу говорит официантка нашей маме, которая работает у плиты, - твоих я уже покормила»!

Много лет спустя после описываемого периода, мой шестилетний сын скажет своей маме: «Ты, мама, не обижайся, но бабушка готовит лучше, вкуснее, чем ты. Ведь у тебя нет такой красивой грамоты, где бабушка сфотографирована в столовой, и где сверху грамоты трое самых главных начальников».

пролетарии

соединяйтесь!

кампания начинается там, где проявляется самоответственная, преодолевающая трудовая инициатива, забота рабочих об увеличении производительности труда.

труд в СССР - дело чести, славы, доблести и героизма!

/Ленин/

/Сталин/

ПРОЛЕТАРИИ

УДАРНИКОВ
социалистического
строительства
по общественному питанию

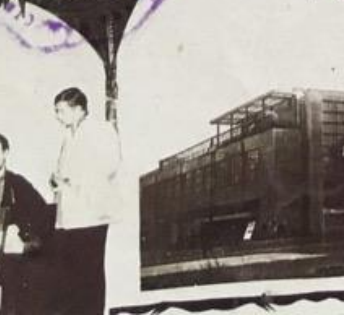
Товарищу Новиковой
Трехднейки
Трехднейки
общественно-питания
награждает тебя почетным
званием ударника на фронте
социалистического строите-
льства по общественному пи-
танию, как активно проявив-
шего себя за выполнение решений
партии и правительства.

Директор Треста

Райком Союза Р.О.П.

Должностное лицо В.Х.П. (б)

С. С. С. С.
С. С. С. С.
С. С. С. С.

Утром мы с мамой и Геней идем в очаг. Колышется ее расклешенное зеленоватое пальто. Геню она ведет за руку. Тот просит: «Мама, возьми меня на ручки! У меня ножки болят!»! Мать берет его на руки и спрашивает, будет ли он ее так носить, когда она станет старенькая. «Буду – отвечает Геня, - но куда мы денем твои длинные ножки?» Ответ мамы я не запомнил. Однако он выполнит свое обещание.

В очаге хорошо, но и дома в воскресенье тоже интересно. Старший брат ведет нас на улицу, где все его знают, так как большую часть времени он проводит один. Тем более, если мама опять задерживается на работе. Здесь он свой среди таких же ребят, в большинстве более взрослых. Малышей мамы и бабушки то и дело зовут домой: заниматься музыкой, или делать уроки, или кушать. Вячеслава никто не опекает. Брат мамы Володя - на заводе, работает токарем, жена Геля кассир на фабрике – кухне. Дружит с Вечиком Мечислав. Он в пятом классе, а Вечик - в первом. Пора идти на улицу, а Вечик пыхтит – палочки рисует: задание на всю страницу! «Давай я тебе покажу, как писать нужно!»! Несколько минут работы и ровные строчки стройных полочек заполнили всю страницу. «Понял, как писать надо?»- спрашивает. И получив положительный ответ, закрывает тетрадь. «Пойдем на улицу»!

Мама еще долго не могла понять, почему сыну ставит учитель «кол», если написано совсем неплохо.

Улица Курляндская замощена булыжником. Стучат колеса телег, запряженных парой лошадей – тяжеловесов с лохматыми ногами. Цокают их подкованные копыта. Грохочут грузовики. Всегда увидишь что-либо интересное. Вот заворачивает грузовичок к дрожжевому заводу, что напротив нашего дома. Останавливается, ждет, когда откроют ворота. И тут ватага ребят подбегает и хватает из кузова горсти яблочных очисток. Хороших! Толстых! Вкусных! А кому-то попало целое яблоко! Ребята дружные, и угощают и нас, малышей. А однажды, сам видел, как на большой плоской телеге вез дядя много корзин – в несколько рядов. От тряской дороги, или плохо были привязаны корзины, одна упала на мостовую и опрокинулась. Высыпалось море клюквы. Возница не стал подбирать, поднял только пустую корзину и поехал дальше. Вся ватага мальчишек наелась клюквы вволю. И даже взяли в карманы!

- Наташа, ты не помнишь, как наша мать увозила нас в Ленинград?

- Нет, не помню. А помню, что из Ленинграда в 1935 году она с вами приехала и стали вы жить у нас. Вы кричали: «Мы картошки хотим!»! Привезла круп: манки, пшена. Год был тяжелый. А после приехал из заключения ваш отец. И вы у нас зимовали. Хорошо, что у нас была корова.

- Наташа, что корова у вас была - это точно. Я помню, как у вас в левом углу хаты, под образами, стоял стол. С той стороны стола на общей скамье сидел дядя Павел – твой отец, а рядом наш, а кругом – дети. Много детей. Что давали на первое - не помню, а на второе - хлеб с молоком: крошим все дружно хлеб в большой полумисок, и приносит тетя Анюта полный горлач молока и выливает его туда. И как только дядя Павел зачерпывал ложкой молоко, все дружно включались в работу. Вот тут-то я и научился быстро есть. Минута – две: и полумисок пуст! Тетя говорит: крошите еще. И добавляет молока. Не менее пяти литров поедали молока. Ни тетя, ни дядя никогда не ругали детей. Тридцатые годы все были голодными. Дядя говорил жене: напеки детям каких-нибудь драников – накорми их.

Наташа, а ты помнишь, у вас была тележка на металлических колесах, причем передние были на оси с подушкой? Это позволяло поворачивать их за рукоятку. Дети

садились на нее, ручку поднимали вверх и управляли, сидя в тележке, и ехали вниз по меже между вашим домом и домом Платонова через дорогу и дальше к бане. В один из первых дней по приезде вместе с вашими ребятами сел и мой старший брат- Вечик. Было ему десять лет, и одет он был по-городскому: трусы и без майки. Как у них вырвалась из рук ручка – не помню, только коляска опрокинулась, и все оказались в крапиве. Ваши то были одеты в холщевые белые портки и рубахи с длинными рукавами. И им – ничего! А вот Вечик получил сильный ожог. Всю ночь не знали: как облегчить его страдания. А коляска была очень хорошая!

- Толя, а коляска у меня цела: брат Толик увидел ее в Радичах в бурьяне и взял. Говорит: жаль, что она тут валяется. Ведь все металлические детали целы, сгнили лишь деревянные. А тележка эта нас выручала и во время войны, и после – мы на ней сено возили от Кохонова, от Курченка. Витька во время войны везет-везет сено и говорит: мам, если ты кому-нибудь дашь молока!.. Как нам трудно! Ведь никто не помогает! А она ему: Зато мы едим молоко вволю, а они голодают».

- Наташа, и по возвращении нашего отца из заключения и по приезде мамы вместе с нами из Ленинграда мы обратились за помощью к вам. Еще вас не загнали в колхоз, и дядя Павел дал нам лошадь и телегу, чтобы мои родители могли заработать и обзавестись хозяйством. Мать с отцом стали грабарить – возить фосфоритный камень и гравий на строительство дороги. От этой работы мать получила заболевание, которое мучило ее всю жизнь. Но за три месяца они смогли заработать на корову. Геня еще маленький был (6 лет), а вечером бежал встречать отца с матерью, когда они возвращались с работы. Тетя Анюта ему вслед: «Не попади под колеса – задавят!»! «Не задавят! Там папка с мамкой едут – не задавят!»! Лошадь останавливают: «Ну, садись, наш будущий кормилец». «Ага, нас тетя Анюта уже накормила: вот как наелись!»!

- Осенью 1935 года переехали вы от нас к тете Гаше. Мать посоветовала: детей прибавилось, старшие подросли, и ваших с отцом и мамой - пятеро. Слишком много людей – того и смотри, что нас вши съедят. «Переезжайте к тете Гаше - живет одна, да и я помогу: дам вам и картошек и еще чего-нибудь».

- Эту зиму, Наташа, я помню хорошо. Дома в деревне стояли на пригорках с одной и другой стороны речушки. Склоны крутые – хорошо кататься на санках и лыжах. Лыж ни у кого их мальчишек не было. Отец мой сделал мне лыжи из клепки (дощечек) бочки. Особенностью моих лыж было то, что и спереди, и сзади концы их были приподняты, и это делало их не устойчивыми.

Никто не мог на них кататься. Только я их освоил, и был доволен, что недостаток конструкции позволял легко менять направление. Но, все равно, настоящие лыжи оставались мечтой еще долгие семь лет. И еще, отец придумал сам или заимствовал у кого-либо конструкцию коньков на деревянной колодке с проволокой по низу. Коньки крепились к валенкам ремнями с клёпками. И кататься на них можно было только по заснеженным дорогам. Катка в деревне не было.

Еще веселее было кататься с крутых гор на большом листе фанеры. Большая компания детей усаживалась на него, передний край листа загибали вверх и под гору. Не всегда лист скользил, как хотелось и куда намечали ехать, и веселая компания кубарем катилась в снег. К пасхе отец сделал нам скамью, низ которой футеровался навозом и поливался водой, чтобы поверхность замерзла на морозе и стала зеркальной. Двое садились на скамью верхом и ехали под гору. Забота отца о детях в ту зиму была беспрецедентна. Это было время, когда не нужно было идти каждый день на работу. А

починкой обуви, можно было заниматься по мере возможности. В это трудное время пригодилась наука, которую он освоил в раннем детстве, будучи подмастерьем сапожника.

Этой же осенью пошел я в первый класс. Запомнился лишь сад, где размещалась школа. Ни одного дня в школе не запомнил, не запомнил и первую учительницу, или учителя. Помню только, что получили много книг дети дяди, учившие в старших классах, много книг, и я во всех книгах перечитал рассказы и другие произведения. Вероятно, это потому, что я уже хорошо читал, рисовал – результат обучения в очаге Ленинграда.

- Наташа, и долго же ты проработала в торговле?

- До самой войны. Я проработала год, и меня послали на курсы. У меня и сейчас есть справка об окончании этих курсов. Мне еще и девятнадцати лет не было. Боялась: справлюсь ли? А начальник второго отдела говорит: «Справишься. Тут многие с четырехклассным образованием, а у тебя шесть классов!» Каждый день я ходила на работу в Сещу. А вечером спешила домой, несла хлеб ли, крупу ли и всякое другое. Магазина же в Радичах не было. Да и матери нужно было помочь по дому и на огороде не только в выходной день, но и вечером – после работы. Это было возможным благодаря велосипеду. И хорошо, что ехать вечером после трудового дня до дома все время под гору».

И была эта молодая девушка значимой и уважаемой в семье: и за свою безотказность в работе, и за возможность получать хлеб, который не продавали колхозникам.

Учителям, врачам и другим служащим в деревне выдавали по мешку муки, а колхозники получали хлеб в конце года после выполнения государственных заготовок. Зачастую на трудодень приходилось 50 -150 граммов. А за год рядовой колхозник должен был выработать не менее двухсот трудодней. Поэтому в дни выдачи муки в кооперации слышались недовольные голоса колхозников в адрес служащих: вот оглоеды, вот кто поедает наш хлеб!

Недолго был главным помощником отцу старший брат – Миша: закончил десять классов и уехал учиться в военное училище. И только Наташа - бессменная работница и дома, и на огороде, и на сенокосе (по кустам и оврагам), и на заготовке дров (вернее кустарников). Такая уж ей досталась доля.

- Наташа, а что ты знаешь из жизни семьи Новиковых, когда все пять сыновей Кирилла Устиновича - моего дедушки - жили вместе.

- Знаю, что старший был Родион, затем Михаил и Павел, потом твой отец-Филипп, и Арсений. Филипп и младший Арсений матери не помнили, так как она рано умерла, и дедушка растил их и не женился, пока все дети не стали самостоятельными.

- В 1937 году я посетил то место, где еще в начале 1930 года была усадьба Каменецких и где еще стоял дом дяди Арсения, и в нем жила его семья. Там я провел три дня, о которых рассказал ранее. Потом я прошел пешком три километра и попал в Радичи к дяди Мише, где впервые увидел моего дедушку Кирилла Устиновича. Было ему уже за восемьдесят. Небольшого роста, подвижный, без излишеств в телосложении, с большой лысиной, окаймленной по бокам седыми волосами, довольно круглым овалом лица и носом с горбинкой. Серые глаза были белесыми и, несмотря на лохматые белые брови, нависающие над ними, были добрыми и благожелательными. Облик дедушки из доброй

сказки, дополнял его костюм: белые порты из домотканого полотна и такая же рубашка с воротом нараспашку. Ноги были босыми.

Дедушка плел веревки из лыка для нужд колхоза. Здесь же была липовая кора, которую он обрабатывал, снимая ножом верхний слой и замачивал лыко в лохани с водой. На стене, в сенцах, висели новенькие лапти и еще одни - не совсем готовые. Колхоз начислял трудодни, которые суммировались с трудоднями семейства сына Михаила. У Михаила было три дочери, причем одна была инвалидом. И сам он не владел какой-либо специальностью. Поэтому жили они беднее, чем ваша семья, но все же их было меньше, и жили они проще. Тетя Арина не была поклонницей абсолютной чистоты, временами и выпить не отказывалась. В общем, так сложилось, что дедушка Кирилл жил у самого бедного сына. Если еще семья Павла помогала дедушке, приглашала к праздничному столу, давала что-либо вкусное, то другие сыновья, жившие вдали от Радич, только навещались с гостинцами один – два раза в году. Не все из ныне живущих людей знают, что колхозникам пенсия не давалась вообще.

Надоумил дедушку мой отец. И подал Кирилл на всех сыновей в суд. И присудил суд: каждый сын должен платить отцу ежемесячно: кто - 50 рублей, кто - 35. Я приехал, когда дедушка был доволен заботой партии и правительства: теперь он – не только рабочий человек, но и получатель реальных денег. Теперь он не был в тягость только одному сыну. И мог выпить в воскресенье или на праздник рюмку – другую, так как была у него своя копейка.

Твоя мать, Наташа, считала Арину неважной хозяйкой, нетребовательной к дочерям, к чистоте в доме и во дворе. Если двор у вас был сух и убран, то у Михаила пройти к корове можно было только в галошах. И, тем не менее, там была обстановка проще и, может быть, семья не так была обременена заботами. Но чувствовал дед Кирилл себе там лучше, чем где-либо в другом месте. Во всяком случае, когда я спел дедушке под балалайку «Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и дальше... молодым везде у нас дорога – старикам – везде у нас почет» - слезы потекли из его глаз. Думаю, он вспомнил заботу партии и правительства, и то были слезы благодарности. Собственно, что он видел в своей жизни? Труд. Но был он трезвым, представительным, и даже красивым. И только, когда сыновья разъехались, женился он в шестьдесят лет на женщине с сыном 17-ти лет и дочерью. И вырастил их. И пасынок Степан был как родной и ему, и его сыновьям.

- Наташа, расскажи, что ты еще знаешь об их семье?

- Земли у них было мало. Родион первым покинул семью. Подросли и другие сыновья, и Кирилл выделил их для самостоятельной жизни. Избы достались только женатым: Павлу и Михаилу (стояли они вплотную на одной и той же усадьбе). А Арсению и Филиппу ничего не досталось. Арсений даже просил: дай нам хотя бы по полотенцу и по анучкам. А себе Кирилл оставил сундук. Филя уже работал у Каменецких и сказал: мне ничего не надо.

- Толя, вот фотография моего отца в черной шляпе. Мы ему говорили: ты знаешь, на кого похож? На своего отца – Кирилла. Он тоже, бывало, так стоит на горке в черной шляпе. Умер Кирилл неожиданно, не болев в 1939 году.

- Наташа я видел и говорил с ним в 1937 году. На похороны ездил только мой отец. Он и рассказал о последних часах его жизни. Старость не радость. И кровь, наверное, уже не так греет, и любил Кирилл спать на теплой печи.

Однажды, часа в три ночи, проснулся он и говорит Арине: дай мне рюмочку водки. А она ему: да что это ты, старый, надумал! Свет вздувать, поспи – утром в завтрак и выпьешь!

Утром она предлагает ему обещанную рюмку, а он ей в ответ: «Пей – ешь, пока рот свеж. Не надо мне рюмка».

- Тебе плохо? Что у тебя болит?

- Ничего не болит. Но видел я только что сон, как наяву: роят мужики могилу. Я спрашиваю: кому могилу роете? Отвечают: тебе. Помирать буду, Аринушка. Зови моих сыновей.

Лег и умер. У всех, кто знал его, осталась светлая о нем память. Почти один вырастил пять сыновей. Хотя жили бедно, и сыновья трудились с раннего детства, но все работающие, добрые и отзывчивые на всякую беду или невзгоду, мастера в своем деле. И люди уважали их. Умер Кирилл Устинович на восемьдесят первом году жизни.

- Наташа, а что ты помнишь или слышала о моем отце?

- У Кирилла Устиновича было много детей, а земли – мало. Поэтому маленького Филиппа определили к сапожнику: помогать дратву сучить, гвозди деревянные делать, сбегать куда надо, а потом и к ремонту обуви допустили. Подрос, и его переманили пастушком к дворянам в усадьбу Каменецких. Мальчик был тихий, старательный, если скот в полдень в сарае отдыхает, то и молоденькой племяннице дяди Франца – Марии поможет по кухне или хозяйству. До двадцати шести лет не брал он в рот спиртного. Но прошли годы и умерла тетя барышни Марии -Наталья, которая заправляла и хозяйством, и дядей, и племянницей. А вскоре и дядя Франц умер. И осталась твоя мама одна и вышла она замуж за Филиппа. Было это в 1924 году. Через год семейство стало пополняться: в 1925году родился Вячеслав, в 1927 году – ты, Толя, и в 1929 году - Геннадий. Все сыновья родились в первых числах января.

- Какова же судьба братьев Новиковых? Как и где они были во время войны?

- Павел не воевал и жил в деревне. Не повезло дяде Мише. В начале войны его назначило колхозное руководство вести какое-то военное снаряжение с отступающей армией. А затем зачислили его, нестроевого, в строительный батальон. Пришлось ему в холод и стужу и понтоны наводить, и переправы, и мосты строить. Отпустили его домой уже после 1943-его года, когда больные ноги совсем отказали, и он не мог ходить. До конца войны он не дожил. Однажды я зашла к ним домой, а дядя Миша мне говорит: «Посмотри, Наташа, не заметил я, как ногу на печи обжог». На ноге было красное пятно. Я пришла домой и говорю: у дяди, наверное, гангрена ноги.

Так оно и оказалось. На войне застудил он свои ноги в ледяной воде при наведении переправ. «На бедного Макара все шишки летят»: ведь был он старше Павла, а на войну он попал. И дети – только девочки! А у меньшей, у Нины, ноги совсем кривые – колесом. Мужественно соглашалась она на операцию за операцией, ноги ломали и сращивали, и опять ломали и сращивали. В последний раз операцию делали в г. Ленинграде в 1953 году. И как же она обрадовалась, когда нежданно-негаданно ее навестила моя жена Владлена, с цветами и подарками. В это время она была на месячных курсах повышения квалификации по преподаванию физики.

Но вернемся к беседе с Наташей.

-Толик, вот фотография моего отца (Павла) с сыновьями Мишей (лет 10) и Шуркой (6 лет), сделанная на базар, а тут ты и Вечик. Было это в 1930 году. Все в рубашках и штанах – было жарко. Тебя он держит на руках, остальные стоят. Вечик – посередине.

- Наташа, расскажи, как вернулся домой из плена брат Михаил.

- Было это вскоре после освобождения в последних числах сентября. Было холодно. Ежедневно шли дожди. Крестьяне на своих огородах рыли картошку. Не доходя до нашего дома, какой – то незнакомец, спрашивает у женщин: «Жив ли кто из Новиковых?». Отвечают: «Вон там картошку копают Наташа с матерью». Видим, идет к нам на огород какой-то доходяга, дед худой и черный в длинном старом пальто. Из-под пальто выглядывают голые ноги с портянками в добротных немецких ботинках. Останавливается около мамы. Та смотрит и думает: что-то надо дать бедолаге. И тут я узнала нашего Мишу. Я бросилась к нему, а за мной и мама. А он говорит: «Не подходите ко мне. Видите, в чем я»? И распахивает пальто, а на нем только трусы и грязная майка. Попросил: «Разойдитесь, пожалуйста, а мне бы теплой воды, если есть, и какой-нибудь одежды. Я здесь, на улице разденусь и обмоюсь. А мои лохмотья облить бензином и сжечь, так как вшей в них видимо-невидимо».

Снял он пальто, черное пальто, у которого не было белых ниток, а с изнанки было оно белым-бело от больших белых вшей. Снял трусы: страшно было смотреть: сплошным белым слоем покрывали они материал, цвет которого невозможно было определить! Слезы полились из глаз мамы при виде большого с угловато выпирающими костями скелета еще два года назад цветущего молодого человека – ее родного сына. Чуб у него был, но редкий. Здесь же чесал он волосы густым гребешком. Зашел в дом, сбежались соседи, посыпались вопросы: « Не встречал ли он кого-нибудь из наших - деревенских». «Люди, извините меня: я не могу с вами сидеть – я должен немного поспать». К тому же у него начинался приступ малярии. Он сразу же уснул и начал бредить, кричать: не туда бежим, надо в другую сторону! На другой день я пошла пешком в Дубровку за хиной. Он два порошка выпил и не стал больше пить: «От этой болезни я и так выздоровею». И правда. Мама сварит картошку, а он ей: «Не толки, мама, дай картошки целиком». Мать предупреждает: «Ешь, Миша, понемногу, а то можешь с голода объесться и заболеть». Две недели дали ему отдохнуть. Мама подкармливала его и сметанкой, и мясом, и стал поправляться. Спрашивали его, что да как. Месяц на границе с Румынией пограничники отбивали атаки, но силы были не равные, попали в окружение, был контужен и взят в плен. Дважды пытался бежать из лагеря для военнопленных, но его ловили румыны, наказывали, били. И лишь в третий раз удалось убежать, перейти линию фронта и, минуя заградотряды, где пешком, где на товарняках добраться до родных мест через несколько дней после освобождения Брянщины в сентябре 1943года. По пути зашел в Бежице к двоюродному брату дяди Родиона, но его дома не было, а его жена не хотела признавать в грязном оборванце родственника. Он представился, кто он и попросил дать что-нибудь поесть. Дала кусок хлеба, но ничего из одежды не предложила.

Проводили мы его на Покров, с пакетом, запечатанным сургучной печатью. А погиб он 23 февраля 1944 года. Было ему двадцать четыре года. Мало пожил. О его гибели написал его друг и обещал, что если мы разрешим, и он останется живым, то заедет к нам и расскажет о Мише. Я написала, что разрешаем. Но закончилась война, а он не приехал...

- Да и как он мог приехать? Еще более десяти месяцев до окончания войны его будут посылать на прорыв или на гибель как штрафника, чья жизнь уже сочтена партией и правительством под водительством Отца народов.

- Наташа, а как вы жили здесь в оккупацию, в пяти километрах от крупного аэродрома (Сещенского)?

- Налогами нас немцы не облагали: что сумел вырастить, то и съешь. Но много не посеешь: не было лошадей. Я жила в Радичах с родителями и братьями: Витькой, Гринькой и Толиком. Все трудоспособные работали временами на дорогах и на аэродроме по назначению бригадира (колхозы вполне устраивали немцев – был определенный круг лиц, с которых можно было спросить за работу, или потребовать определенное количество трудоспособных людей). Зимой на дорогах были большие заносы – чистили их от снега; после бомбежек – засыпали воронки от авиабомб, рыли могилы; обед варили. Немцы кормили: литровую банку горохового или картофельного супа, бывало и с мясом, и кусочек хлеба – невкусный!

- Наташа, а часто бомбили аэродром?

- Часто. И ночами бомбили одиночные самолеты, а позже и днем. В 1943 году помногу налетало самолетов».

Мне же, жившему в восемнадцати километрах от Сещи, казалось, что это не так.

До войны с раннего утра до позднего вечера слышался рокот моторов - как истребителей, так и тяжелых бомбардировщиков ТБ-3. Чаще по ночам бомбили они учебные цели в пяти километрах от нашего села – Рябичи, на полигоне у деревни Соплевка (колхоз «Красная Москва»).

К слову сказать, и наш колхоз намаялся с названиями: сперва это «Бедняк» был, но сколько же ему быть бедняком? Еще подумают люди, что не расцвел наш край любимый! Назвали его имени Бухарина. Но прошло несколько лет и пришлось нам- ученикам - в учебниках глаза врагам народа выкалывать. И опять переименовывать колхоз. Имени Ежова – неплохо звучит. Опять попали впросак. Ну, теперь уж наверняка и навсегда: имени Сталина! Но не говори гоп, пока не перепрыгнешь! Опять пришлось менять печати и прочее. И назвали, как в сук вlepили: имени Ильича! И соорудили на ростынях солидную вывеску. Но пришло время, и порушили колхоз и разбили вывеску, но не смогли всю ее извести – осталось слово «Ильича», и подновили, подкрасили ее, и стоит милая.

Но продолжу мои воспоминания о Сещенском аэродроме. С раннего утра доносился до нашей деревни веселый гул моторов, еще газовавших на стоянках. Затем начинались полеты и учебное бомбометание в пяти километрах от нас на полигоне у деревни Соплевка. Мощные четырехмоторные машины разворачивались над нами. Это была наша гордость: тяжелый бомбардировщик ТБ-3. От нечастых разрывов тяжелых авиабомб дребезжали стекла домов, а дома, казалось, подпрыгивали, вызывая опасение, что могут и разрушиться. В дни сенокоса, когда полигон не работал, видели мы воронки диаметром 5 -10 метром глубиной более 3-4-х метров. Как правило, самолеты бомбили с небольших высот: вероятно, 1–2 км. Истребители: тупоносые монопланы и старые бипланы тоже кружились в небе, но ничего интересного за ними не наблюдалось. Вот ТБ-3 - это да! И то, что его экипаж состоит из семи человек, мы узнали из печального случая: теплой летней ночью в двух километрах от наше деревни разбился ТБ-3. Видимо, отказали двигатели, экипаж прыгал с парашютами, но ни один парашют не раскрылся. Говорили, что высота была мала. Командир корабля погиб, не покинув корабля. Место было оцеплено, и обломки корабля увезли, но сколько же досталось нам, мальчишкам, блестящих штук!

Нашу гордость не поколебал этот трагический случай. К тому же мы получили обоснованное подтверждение нашей веры и гордости за нашу доблестную советскую

авиацию. Это был кинофильм «Если завтра война». До этого мы слышали о достойном отпоре японцам на озере Хасан. Не зря мы бегали на полигон, где для гарнизона привезли эту кинокартину. Черно-белый фильм был о том, как началась война: все знали – с Германией. И с нашего Сещинского аэродрома в небо поднялись легендарные ТБ-3, и из подземного гаража выпорхнули стаи истребителей: бомбометание, и война была выиграна в ТРИ дня. Пять километров обратного пути были недостаточными для нас, мальчишек, чтобы еще и еще раз вспомнить героические действия нашей авиации.

Горькое разочарование пришло в первый же день войны - 22 июня 1941 года. Утром того ясного теплого дня я увидел в небе три двухмоторных бомбардировщика с желтыми оконечниками на крыльях и черной свастикой. Они пролетели уже над аэродромом, и никто им не помешал. Что самолетов там уже давно не было слышно, что их перебазировали ближе к границе, мы знали, но какая-то оборона там быть должна! Где - то на востоке – в Брянске - послышались взрывы, а позже выяснилось, что бомбили также и поселок Клетня. На следующий день - на небе ни облачка, и тройка немецких самолетов на большей, чем вчера высоте (3 км), опять шли на восток. И тут мы увидели на большом расстоянии от самолетов 15 -20 небольших разрывов зенитных установок. Залп. Еще залп. И еще. С тем же результатом. С тем же запозданием.

Позднее, во время оккупации, наши одиночные самолеты прилетали бомбить аэродром в ночное время, но большого ущерба они не наносили. И ни разу за всю войну не видел я в небе гордость нашего детства – 4 -моторных тяжелых бомбардировщиков ТБ-3.

Каковы же судьбы семейств Новиковых?

Дядя Павел и тетя Анюта вырастили троих сыновей: Анатолия, Виктора и Григория и дочь – Наталию, с которой я и вспоминал прошлое. Мальчишки стали трактористами. Работали в колхозе, и как только представилась возможность – уехали в Караганду, вначале осваивали Целину, а затем, устроились на Ново-Кузнецком металлургическом заводе.

Связь с родным краем, с сестрой, поддерживал только Анатолий. Каждый год приезжал он к сестре, которая жала его с нетерпением. И начиналась подготовка к зиме. В первую очередь нужно было заготовить дрова. Но не купить, а привезти с прежней усадьбы полуразрушенные сараи, дом. Часть попилить, а другие сложить аккуратно на огороде – у дома. Все это - вручную, с участием восьмидесятилетней сестры – Наташи. К его приезду собирала она ему деньги на дорогу, засаливала окорок в дорогу с собой. Сало она посылала посылочками еще до жары братьям Анатолию и Григорию. И обязательно внуку Юрию, который много лет приезжал к ней на лето и был ее любимцем.

Юрий был самостоятельным положительным человеком –работал агрономом крупного колхоза. В отличие от своих дядей и двоюродных братьев не злоупотреблял спиртными напитками. Анатолий выпивал с устали рюмку-другую и курил папиросу за папиросой. Был он худ и костляв. И вдруг - умер. И погас луч солнца у моей двоюродной сестры.

Я старался перед каждым праздником или на праздник посетить ее в Сече с гостинцами, которые пекла или покупала моя жена. И когда бы я ни приезжал, я не видел чего-либо приготовленного к празднику. Готовилась картошка или чай с ветчиной и

салом, или яичница. И она уже посматривала на прибывший из Дубровки поезд: не приехал ли Толик, т. е. я.

Телевизор испортился, и она его не захотела исправлять – «некогда, Толик, мне его смотреть: куры, поросенок, две печи, огород (соток 8–10, на котором ни травинки). И воды с колодца принести надо. И уголь заготовить. И брюки кому-либо сшить. Есть радиоточка и достаточно. Когда ложусь, то и слушаю. Толик, не нужно ли тебе фуфайка? Или еще чего-либо. Жаль. А то мне Толик – брат, несколько штук привез. Ты посмотри: какой у меня поросенок – больше полутора метра! Как раз по длине хлева! Может, картошки тебе надо? У меня ее много».

Хорошо, что я остался на ночь, чтобы мы вспомнили бы о том, о чем уже кроме нас никто не помнит, и, следовательно, не расскажет. Только один из ее троих братьев что-то помнил, и дорожил этой памятью, приезжая из года в год на родину. И он всегда готов был помочь сестре, и, по давней традиции, поработать, чтобы использовать с пользой то небольшое, что осталось от родителей, от родного очага. Как можно допустить, чтобы маленькая тележка валялась у разрушенного временем родного дома, когда у нее сгнили только детали из дерева, а металлические – все целы? Он и Наташа помнили, как она помогла в годы оккупации возить сено за три и более километра. Если будет необходимым, то восстановить ее не составит труда. А бревна дома: разве можно допустить, чтобы они догнили на старой усадьбе, если их можно распилить и перевезти к Наташе? Но пришло лето – время, когда брат приезжал и работал с сестрой целый месяц, и он не приехал. Скоропостижно умер. Тяжело остаться одной в целом свете.

Где же другие? Ведь семья была такая большая? Отец – Павел Кириллович, и мать – Анна Павловна (все звали ее Анютой) умерли в доме Наташи, в поселке Сеща. Последний раз братья собирались вместе на похороны матери: Толик, Витька и Гринька. Запомнился этот приезд – многодневной пьянкой. Страшно стало непьющей Наташе! Особенно отличался Виктор. Появились симптомы белой горячки. К кому обратиться за помощью? Позвонила моему брату – Геннадию, в Рябчи: «Приезжай, пожалуйста, заведи Витю к себе, а то плохо все это кончится». Владлена вспоминала: он дрожал, был бледен и слаб. Она стирала его белье, а Геннадий постепенно облегчил «ломку». Но, главное – не алкоголем, а включением его в полезный труд. В конце пребывания он понравился моей жене своим трудолюбием и инициативой. Вскоре он развелся с своей женой, поставил легковую машину в гараж и уехал работать на Север. С тех пор о нем: ни слуху, ни духом.

Остался с матерью сын – Юра. Было время, когда родители посадили восьмилетнего Юру в поезд Новокузнецк – Москва, и он доехал до Москвы, и с помощью добрых людей – до Брянска. Наташа его там и встретила. Каждое лето он потом приезжал. Подрос. Стал агрономом крупного совхоза, построил дом и не женился. Но больше ни разу не приехал, и не написал ни одного письма. Наташа же ежегодно, в зимнее время, собирала посылочку с куском окорока, сала, и др. от своих трудов, и долго ждала известия, что посылка дошла. Вздыхала: неужели так трудно написать.

В далеком Новокузнецке оставались три внука. По одному – от Толика, от Витьки и от Гриньки. С одним из них я познакомился на похоронах Наташи.

Как - то разговорились о Пасхе, и решили съездить на могилы родных Наташи на моей машине. Дорогу она подзабыла, но доехали. Все заросло молодыми кустами, и она долго искала могилы отца и матери. Руками вырвали мы траву. Посидели, помянули. Тут же упокоились и ее брат и сестра. Могилу деда Кирилла Устиновича найти ей не удалось. Несколько лет не была на кладбище, не могла ходить пешком, и все заросло и лесом, и

бурьяном. Проезжали мы и то место, где раньше была деревня Радичи. Осталась лишь хата дочери дяди Миши – Марии. На старой усадьбе, где когда-то жили и мы, уже не было изб. Только – заросли слив.

Это было последнее ее посещение родных могил. Весной следующего года собирались мы с ней отвезти швейную машинку в ремонт, так как Наташа еще кое-когда подрабатывала шитьем брюк и мундиров, для военных. Но раньше этого, напротив ее дома на железной дороге, сгрузили какой-то уголь (остатки) и разрешили его взять Наташе. Вот ведь как повезло! Надела фуфайку, замкнула дом и ведром начала носить уголь. Для двух печек - много надо! Только часть перенесла, как вдруг упала и потеряла сознание – как заснула. Кто-то из кассиров вокзала вызвал скорую помощь, но медики отказались везти ее в больницу – не было паспорта и страхового свидетельства. Уговорили. Знакомая кассирша позвонила нам в Рябчи, и на другой день я приехал в больницу. Она спокойно спала. Я разговаривал, но она продолжала безмятежно спать. Оплатив уже затраченные и необходимые на следующие дни лекарства, я, вместе со знакомой Наташи, стал искать ключ от дома. В одежде его ранее не обнаружили. Я нашел ключ в почтовом ящике. В доме отыскали мы адреса племянников, и я отправил им телеграмму. Три дня она проспала в больнице и умерла, не приходя в сознание. Господь дал ей лучшую из лучших возможностей покинуть этот мир. Этот мир для нее стал местом непрерывного труда, забот и помощи всем родным. Была ли она хотя бы когда-нибудь счастлива? Рожденная матерью в поле, в работе, она была после брата Михаила – старшая. Эта она присматривала за нами - малышами и своими братьями и сестрой. Первой вырвалась из колхозного ярма с тем, чтобы рано утром уходить на работу к 8-ми часам за пять километров - в Сещу, отработать, купить продуктов в магазине военного ведомства, где их только и можно было достать, отвезти семье, и дотемна работать по хозяйству, а в летнее время помогать при уборке урожая и заготовке сена.

И когда счастье, кажется, досталось и ей, и она полюбила и вышла замуж, то в скорости потребовалось удалить матку, и ее муж сразу покинул ее. От брака так и осталась она Поляковой по паспорту, а для окружающих – Новиковой.

На похороны приехал племянник, молодой человек, лет 25, изрядно помятый, и, как говорят, «выпитый». Дорогой чемодан, по его словам, украли, хорошо, что паспорт остался. Предложил он мне оформлять государственную регистрацию земли и дома, но такие заботы предстояли мне по своему собственному дому и земельному участку, и, поблагодарив его, я отказался. Тут же нашлась какая-то разухабистая тетя, которую я не знал, и вино на поминках полилось рекой. К вечеру меня ждала моя Владлена, и я уехал. Через какое-то время мне позвонили из администрации поселка, чтобы я дал адрес наследников, так как жильцы дома ведут себя непристойно. Я дал адрес и не стал вникать в детали.

И каждый раз, поминая родных и близких, я прошу Господа: «Господи, упокой душу рабы твоей - Наташи, и прости ее прегрешения: вольные и невольные, и дай ей царствие Небесное».

Университеты Филиппа

«Старик, ты слушать исповедь мою
Сюда пришел? Благодарю.
Но людям я не делал зла

И потому мои дела –
Не много пользы вам узнать,
А правду - можно ль рассказать?»

Ни суда, ни следствия по «делу» моего отца не было. После вынесения приговора один месяц думали, куда направить. Решили – на Соловки.

Когда было время и желание узнать от отца о его жизни в заключении, он отмалчивался на мои просьбы. «Что было – то было. Да быльем поросло».

Вот едим с ним из деревни Радичи в нашу деревню - Рябчи. На гору идет лошадь шагом, под гору - бегом. На шоссе иногда проедет грузовик. И опять никого на дороге: ни конного, ни пешего. Только и поговорить «по душам». Вот и едем мы молча. Отец о чем-то своем думает и думает. Наверное, вспоминает о пережитом. Обидно мне. Надулся я, и тоже молчу. У людей отец, как отец! А этот и не стремится чему-нибудь научить, посоветовать, предостеречь. Как отчет писать о проделанной работе, и кассу проверить – то Толик. Или почитать ему о той или иной болезни скота. Слушает внимательно, а читать сам не хочет. А по работе своей с крестьянами подробно объясняет, что и как делать, чтобы вылечить животное. Что-то скрывает отец о своей судимости! Видно, не зря говорят: «У нас невинных в тюрьму не сажают».

Мне уже 13 лет. В школе сочиняю лучше всех – прочитал уже много книг. Возмущаюсь, когда говорят, что в мои годы дети не все еще понимают. Я уже и Мопассана читал и все понял! Буду писателем. Уже начал писать историю похожую на ту, что в книге «Принц и нищий». Зачитываюсь статьями Белинского, учусь анализировать поступки и дела людей, учитывая их характеры, обстоятельства и стремления. Критически смотреть на себя. Пытаюсь понять, как выгляжу в глазах родителей, учителей, товарищей. Все жители довольны отцом, его деятельностью, отношением к людям и животным. А я недоволен.

Только спустя много лет узнал я о жизни заключенных в тюрьмах и лагерях. Узнал впервые из книги Солженицина «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом» и произведениях других бывших зеков.

В 1962 году отец приехал к нам в гости, и мы включили ему кассету с записью «Один день Ивана Денисовича». Внимательно слушал он голос артиста, и слезы текли из его глаз. Он не замечал этого, и, не отрываясь, прослушал все произведение. Лицо его было скорбным, будто потерял он близкого человека. Но и в этот раз он не рассказывал о своей жизни там.

Только в период перестройки и гласности, когда вышел на пенсию, он кратко поведал родным о годах, прожитых в концлагере.

На «Соловки» попал он один. Всю группу «заговорщиков» разослали по разным лагерям. Кроме холода и голода, лагеря эти ему ничем не запомнились. Вскоре он попал на великую стройку – «Беломорско-Балтийский канал». Русло канала проходили в скальных породах. Вначале делали шпурсы, в них закладывали взрывчатку, бикфордов шнур поджигали, а сами быстро убегали от того места, чтобы взрывом или осколками скалы не убило. Затем породу грузили на тачки и по доскам отвозили из зоны будущего канала. Тачка имела одно колесо, чтобы легче было ею маневрировать, и для нее в качестве дороги требовалась только одна доска. Если скальный груз размещался в тачке не посередине, то было особенно тяжело ее вести. Отец не был амбалом. Скорее довольно

хилым. Почему его отец Кирилл Устинович и хотел дать ему дело, не требующее большой силы: сапожное мастерство, пастьба скота, уход за всякой живностью. А здесь требовалась сила и выносливость.

Поэтому Филипп в скорости попал в лазарет с диагнозом «дистрофия». После лазарета его выписали на легкие работы. Такая работа нашлась – минером. Сила только и нужна, чтобы просверлить или выдолбить шпур – углубление в скале, потом вставить шашку аммонала, к взрывателю прикрепить бикфордов шнур, поджечь его кончик - и бежать подальше от взрыва, от осколков скалы или породы.

Длину бикфордова шнура устанавливало начальство, руководствуясь экономным его расходом. То есть взрыв наступал через десяток секунд. Если зэк замешкался, то зачастую погибал. А тут пошел участок канала – сплошная скала. Углубили русло, приходится на веревке опускать подрывника и быстро вытягивать его наверх за такой малый отрезок времени, пока горит шнур. Здесь вероятность, что зэк долго проработает, мала. Шнур нужно беречь, зэка, врага народа – нет. По заявке пришлют еще: в России прорва народа. Бабы еще нарожают. Человеческая жизнь испокон века в России ничего не стоила.

Надо отдать должное – умным человеком был мой отец. Мог думать. «Понял я, - вспоминал он, - на этой работе я долго не проживу! Сам подорвешься при транспортировке или установке, веревка ли перережется о скалу, или замешкаются вытащить наверх – так и подохнешь, вися на веревке, как собака на удавке».

Ищи и обрящешь... Вскоре случай представился.

Зэков все гнали и гнали на великую стройку. Где им тут напасешься одежды, обуви! Все на них горит! Никакое снабжение не поспевает. Нужно наладить ремонт одежды и обуви на месте. Нужны швеи, сапожники. Вот тут-то и понадобился Филипп. Недаром он прошел школу у сапожника! Сапожники, выйти из строя – два шага, вперед!

Теперь работа не убойная, не пыльная, в тепле. Доволен Филипп судьбою. Но, ненадолго! Выяснилось, что и эта работа не гарантирует ему сохранения жизни. Приходит бандюга и бросает грязные разорванные, непонятно чем, ботинки и говорит тихо: «Если починишь ботинки раньше, чем через неделю, то считай ты нежилец – а если и жилец, то лечиться долго будешь!» А начальник – вертухай, торопит: на работу зек неделю не выходит! Почему задержка с ремонтом? Хотя понимает почему, но в положение Филиппа не входит. Видит, Филипп: куда не кинь – всюду клин! Нет, не то! Не та это работа!

И придумал: мне бы подальше от людей, мне бы поближе к животным! И нашел ход в ветеринарную часть. Всю живность он знает, понимает, как накормить, как напоить. И роды хоть коровы, хоть кобылицы принять может. А деревенский коновал, большой спец, кастрировать научил. И знает, как лечить многие болезни – приходилось помогать ветеринару за долгую работу в хозяйстве Каменецких. И внимательно присматривался, запоминал, чтобы сам мог в таком же случае то же сделать, что и ветеринар. Ведь до Дубровки - не ближний свет за ветеринаром ехать! Да, застанешь ли еще его? Вот поела корова зелени, вздулось брюхо – не продохнет. Раньше в таком случае резать нужно скотину быстрее. А Филипп теперь знает, что делать необходимо: ножом проткнул брюхо - и спас корову. Немного таких работников найдется!

Поговорил с ним самый главный ветеринарный врач – сказали, будто он доктор наук – большим начальником был! Обратился он к начальству лагеря, и сбылась мечта Филиппа. Оказывается, расширилась хозяйственная часть, увеличивалось число зэков для работы в ней.

Повезло Филиппу – попал сразу же на курсы по подготовке ветеринарных работников. Готовили, специалистов широкого профиля: то ли младших фельдшеров, то ли санитаров.

Повезло Филиппу и в том, что собрали в лагерях больших специалистов по ветеринарии, имевших опыт преподавания в ВУЗАХ, и специалистов с большим стажем работ в хозяйствах. Говорили, что среди них были и академики, и доктора и кандидаты наук. Молодые и пожилые.

Побывал на стройке Беломорканал и Максим Горький. Что показывали ему - я не знаю, но по результатам поездки дал он положительную характеристику того, что делается по перевоспитанию врага народа в нового человека.

Конечно, все не так было. Не о людях там заботились, чтобы они стали другими, превратились из врагов в друзей власти. Но Филипп рад был, что попал в кампанию добрых людей, замечательных специалистов ветеринарного дела, тоже, как и он, политических заключенных, в общество знакомых с детства лошадей и коров. Большие специалисты с большой охотой делились с курсантами своими знаниями, опытом лечения животных.

Здесь он нашел свое призвание, свое любимое дело, столь нужное людям.

По окончании курсов отец получил диплом или справку, которая послужила в дальнейшем основанием для его работы фельдшером. Позже, по освобождении из концлагеря, он показал себя как хороший специалист с большим опытом практической работы. Не раз он доказывал свою квалификацию и правильность своих решений вопреки заключениям дипломированных врачей, причем не только ветеринаров, но и медиков. В дальнейшем я расскажу о некоторых подобных случаях, свидетелями которых я был.

В 1939 году, когда отец уже был заведующим ветеринарным участком, его направили в Саратовский ветеринарный институт на курсы повышения квалификации. Вероятно, с волнением ехал он туда. Какое у него образование? Четыре класса церковно-приходской школы, да лагерные курсы! А там и латынь потребуют. Хотя учили в лагере и латыни. Но запомнить многое нужно было. Справится ли?

Довольным и радостным было его возвращение с курсов. Не проходило ни одного застолья, на котором гостям не демонстрировался бы диплом с разными учеными названиями предметов и хорошими и, большей частью, отличными оценками. И каждый раз отец говорил, что все «шешнадцать дисциплин» он сдал успешно. Деревенский говор, конечно, в отдельные моменты давал знать о его происхождении. И ни общение с семьей Каменецких, с Марией, а затем и детьми, говорившими на хорошем русском языке, так и не повлияли на его говор в полной мере.

Отличные характеристики получил отец и от своих учителей в лагере, и от лагерного начальства. Тем самым он доказал, что процесс перевоспитания можно считать законченным. И его вместо восьми лет продержали там всего четыре года. В 1934 году он вернулся в родную деревню Радичи. Поселился у Павла Кирилловича, своего брата. Как только он написал в письме маме в Ленинград, что приехал, мать сразу же рассчиталась и поехала с детьми к нему.

Так закончились «университеты» Филиппа. Уроки, которые он получил за свои 36 лет, определили всю его оставшуюся жизнь. Это: не иметь богатства, и не стремиться к нему. Жить и работать так, чтобы люди были довольны его работой, не считаясь со временем и силами. Не иметь врагов, не вступать в единоборство со всеми и, особенно, с начальством. Если есть возможность, то задабривать начальство, оказывая посильные

услуги. Не отстаивать своей правды, соглашаясь с мнением оппонента. Не показывать, что ты умнее других, или более способный в каком-либо отношении или деле. Быть довольным и веселым, создавая образ шутника. Строить дом минимальных размеров, чтобы никто не позарился на него, и не иметь жилплощади для «дачников» или квартирантов. Не воровать, и ничего лишнего не покупать. Жить экономно, за приработком не гнаться. Детей приучать к тяготам жизни. Не воспитывать – пусть это будет делом Марии. Она - женщина умная, работающая, справедливая и гораздо более спокойная. И, как показала жизнь, справлялась она уже с этим делом и без него. И книг много читала, и теперь любит читать их детям. И наконец: не баловать ни мать, ни детей, никакой лишней одежды не покупать и не иметь.

Примечание. Ни всем репрессированным советской властью так повезло, как Филиппу. По опубликованным данным (например, биографом Монтефиоре): «На совести Сталина от 20 до 25 млн жизней советских людей, уничтоженных сталинской машиной по производству смерти, не считая потерь в войн». (См. «Кровавый мыслитель». «Скелеты в биографическом шкафу «отца народов», Нью-Йорк.)

1935 год – в Дубровке.

Весной 1935 года наша семья переехала в районный центр – Дубровку, в то время Западной области. В районной ветеринарной лечебнице работал пенсионного возраста опытный ветврач, получивший образование еще в царское время. Интеллигент, старой закалки. Независимый и знающий себе цену человек. Большой специалист по коневодству, из калмыков. Не знаю, были ли в Дубровском районе до революции дипломированные ветеринары, а если были, то, как их удалось извести, если не со свету, то из района, но этот врач был приезжим. Думаю, что все они были репрессированы, так как колхозный скотдох немилосердно, после даже после уколов и другого лечения. Не было кормов, хороших сараев и ухода. Но вредители были обезврежены, и в районе не стало специалистов. Новому врачу повезло, что ему пришлось пополнение – два фельдшера, в том числе, мой отец. Узнав о его учителях, и той школе, которую он закончил, главврач принял отца на работу несмотря на то, что его диплом об образовании вряд ли соответствовал надлежащей форме.

Главный врач - худощавый, подвижный, интеллигентного вида старичок, чем-то напоминавший Антона Павловича Чехова - с утра не задерживался надолго в ветлечебнице. Он полностью доверял своим молодым помощникам – фельдшерам принимать пациентов и осматривать больных животных, оказывать им необходимую помощь. Сам же велел конюху подавать легкую подрессоренную коляску, и - в хорошем костюме и с небольшим кнутиком - легко поднимался в коляску и садился на сидение. И, как только он брал вожжи в руки, жеребчик трогался рысцой в гору. Как руководитель учреждения, он считал своим долгом посетить кабинеты районного начальства, напомнить им о еще неполученном оборудовании, лекарствах, подать новые заявки в связи новой эпизоотией. Довести до их сведения, что существующее положение с кадрами нетерпимо, так как обслужить все населенные пункты таким количеством ветеринарных работников, немислимо.

Возвращался он в лечебницу к обеду, когда основная масса больных уже были уведены домой, но оставались просители, которые умоляли поехать к ним, в дальнюю деревню, так как привести сюда корову, или лошадь, не представлялось возможным. То ли животное уже не поднимается на ноги, или корова никак не растелится. Главный врач определял обоснованность такой просьбы и решал, кому, из двух фельдшеров, ехать. Работы было много. Как правило, один фельдшер вел прием больных животных в лечебнице, а другой – ехал в один из колхозов проводить вакцинацию общественного скота.

После войны оставалось мало лошадей, хорошей сбруи, поэтому плечи и спины их, от чрезмерной работы, были сбиты в кровь, напухали и гноились. К тому же большинство из них были заражены чесоткой. Кожа была покрыта струпьями с ног до головы. Не хватало кормов. К весне крупный рогатый скот и лошадей кормили соломой, снятой с крыш коровников. Чтобы ее сделать более съедобной, солому резали и запаривали. От такого рациона коровы уже с трудом вставали на ноги, или лежали, пока их не подвешивали на веревках. Ослабленный организм не сопротивлялся всяким возбудителям болезней. И не было сил телиться. А как только скот выгнали на пастбище, то на телят и жеребят нападали волки. Во время войны их некому было отстреливать, и численность их увеличилась чрезмерно. Особенно доставалось жеребяткам. Каждый день приводили на ветеринарный пункт жеребят, которых удалось отбить от волков, со страшными ранами на шее или спине.

Пришла благословенная весна, не все животные выжили. Лошади истощены, но на них наваливается непосильная работа: пока по утрам земля подмерзла – вывезти на поля навоз, из районного элеватора, куда осенью отвезли зерно на посев - перевезти его назад (забота государства, чтобы крестьяне не съели его голодной зимой), а потом вспашка, боронование, сев и т.д. Но именно в это время – весной, начинались эпидемии, энцефалит (кровечка) у лошадей и коров, чума и рожа у свиней, и т.д.

Работы для ветеринаров прибавилось. Вакцинация колхозного поголовья (лошадей, коров, свиней, кур) - два специалиста для района! Ветфельдшерам Ромакину и моему отцу приходилось начинать работу с шести утра. До 9-ти часов вести прием на ветлечебнице, а затем ехать по колхозам и работать дотемна. Практически, мы дети, не видели отца днями.

Вот как рассказывал нам отец в последствии о своём рабочем в Дубровке.

С утра принимал отец в лечебнице животных, которых привели на прием, в обед, не заезжая домой, поехал в деревню Затишье, в двадцати километрах от Дубровки – колхозная корова уже вторые сутки не может растелиться. Зима. В коровнике мороз, градусов двадцать, корова подвешена на веревках, так как у нее нет сил стоять на ногах. Требуется принести горячую воду, раздевается, засучивает рукава рубашек, оставаясь в меховой телогрейке. Плод оказался перевернутым на сто восемьдесят градусов, и в таком положении не может выйти из утробы матери. Непросто повернуть плод, работая одной рукой. Но опыт отца помог это сделать. Не заметно прошел час – другой.

Вернулся в лечебницу к ночи. Но у дома увидел сани. Лошадь стояла, понурился голову, так как есть уже было нечего. Видимо, давно ждет, подумал отец. При виде отца возница заголосила – то была женщина. Приехала она давно, но старый доктор сказал, что сегодня ехать некому. И, когда женщина запричитала: что она будет делать, чем кормить шестерых детей, один другого меньше, если кормилица – корова падет, - предложил ей подождать Филиппа Кирилловича. Если он согласится, то поедет. А приказать он ему не может, так как человек не может работать без отдыха.

Как только отец слез с саней, и начал разминать затекшие ноги, и хлопать руками, чтобы согреться, старый врач позвал его в свое жилое помещение. «Маргарита, - сказал он жене, - давайте поужинаем вместе. И графинчик поставь, уж больно холодно на улице – чай Филипп Кириллович продрог изрядно. Хотя я уже знаю, вином он не балуется». Не спеша кушают они, выпив по рюмочке разбавленного спирта. Отец рассказывает о результатах поездки. Окончив трапезу, разговор переходит к женщине, которая ждет их решения. Врач понимает, что они не смогут помочь ей – отец устал, мороз, а ехать в колхоз «Первомай», в лесную глухомань, не менее тридцати километров. Уже промерз в коровнике, да на санях - туда и обратно. А на этой кляче, что женщина приехала, в конец замерзнешь. Жаль, конечно, детей, корова третий день никак не растелится – сдохнет. Завтра поедешь.

Тепло комнаты, ужина, вина клонит ко сну. Добром отзываются слова главного врача. Много, видимо, пришлось поработать и ему. Все понимает. И заботится о своем помощнике. Конечно, завтра поеду, думает отец.

«Отдыхай, Филипп Кириллович, утро вечера мудренее. А выйди домой через черный ход. Женщине я сам скажу, чтобы завтра пораньше приехала. Но не спешит отец уходить – ноги отяжелели, и тело не хочет на холод выходить – вроде бы достаточно промерз. Сидел бы в тепле, и сидел. Вдохнул. Жаль корову, жаль детей. Без нее не выживут. Во всяком случае – не все. И старый врач тоже тяжело вздохнул. Одинаково думают. Вспомнил Филипп, как трудно было жене Марии с тремя детьми. Трудно было и в прошлом году ему с женой заработать средства для того, чтобы купить корову! Надолго задумался, вспоминая. Подпер голову рукой, взгляд – в никуда. Хорошо, что нашлись добрые люди – семья брата Павла: и лошадь дали, и повозку, и детей кормили – поили молоком. Грабарили на фосфоритном руднике вдвоем с женой. От непосильной работы надорвалась она.

У этой женщины положение не лучше. Надо ехать. Надо ехать. Случись непоправимое – всю жизнь будет душу беречь. «Поеду сейчас» - громко произнес он. «Голубчик, Филипп Кириллович, но я не хотел бы, чтобы ты замерз на этой кляче. Я дам своего жеребчика, и инструкцию к нему (изящный плетеный кнутик). Но, только, прошу, не испорти мне жеребчика: он должен всю дорогу бежать, хотя бы и не быстро. И под гору, и на гору. Если он забудет это правило, то ему следует напомнить кнутиком. Прощу, вас, голубчик, Филипп Кириллович, не забудьте об этом. Ваша жалость может все испортить. Дорогу вы знаете, а хату ее найдете и без нее. Бог даст, вы, может быть, и управитесь, пока она доедет. Спешить надо».

И едет отец, с умиротворенным чувством, что есть хорошие люди и среди начальников. Таких людей почему-то больше там, где он проходил свои университеты, но только не среди начальников.

Мороз к ночи крепчает, временами потрескивают деревья, все ожесточенней лай собак в деревнях, по которым проезжает отец. Они тоже боятся волков. Мертвым светом заливают заснеженные поля и деревни полная луна. Хорошо, что закутался Филипп в тулуп из кож с длинной шерстью романовской породы овец. Это, то небольшое, что осталось от дядиного наследства – от Франца Иосифовича. Неспешно бежит жеребчик: тух, тух... Не верилось, что сможет он так бежать в крутую гору, сразу же по выезде из Дубровки. Это два – три километра крутого подъема. И еще пара километров более пологого. На самую высокую точку в Средне – Русской возвышенности. Почти до деревни

Алешня. А, дальше все под гору: деревни Любимовка, Рябчи, Болотня, и только потом – далекий Первомай. В дебрях лесов. Вот там и можно опасаться стаи волков...

В Дубровке жили мы в казенной квартире, по главной улице поселка, недалеко от железнодорожного переезда. Учеба моя во втором классе не оставила никаких воспоминаний. О ней напоминает только похвальный лист, выданный мне, как отличнику, в конце года. Но одно происшествие запомнилось на всю жизнь.

Однажды, теплым апрельским днем, собралась ватага ребят, старшими в которой были мой брат Вячеслав, ученик четвертого класса, и еще один его одноклассник. Меня тоже взяли в кампанию. Решили старшие, что нужно пойти в поход, за поселок, по железной дороге до железнодорожного моста. Это километра два от нашего дома. «Опытные предводители», уже искушенные в самостоятельной жизни, как мой брат Вячеслав, заранее собрали несколько пустых бутылок, сдали их в магазин, а на вырученные деньги купили пачку папирос и спички.

Веселой гурьбой дошли мы до моста через речку. Спустились под мост на лед реки и для начала закурили. Здесь то нас никто не увидит! Когда я накурился вволю, мне стало тошно. Плохо выглядели и большинство ребят. Решили идти домой. И тут один из малышей провалился под лед. К нашему счастью, случилось это на мелководе. Мой брат с другом помогли мальчику выбраться на берег. Он был испуган, замерз в холодной воде и плакал. Испугались и мы. Побежали домой. Дома родители мальчика, стали его переодевать и по запаху узнали, что их малыш курил! Он выдал нас, и наша мама строго высказала своё неудовольствие, в первую очередь, Вячеславу, но и мне досталось. Мать потерпевшего мальчика требовала физического воздействия в отношении к брату, но мама не стала этого делать.

Однако упреки мамы вряд ли подействовали на меня сильнее, чем никотин папиросы. Он сделал мое состояние - хуже нельзя себе представить. Я накурился на всю жизнь! Через год я попробовал курнуть листья ольхи и конопли. Но не более одной затяжки. И на этом познание процесса курения было закончено, несмотря на язвительные замечания будущих моих сокурсников, что я не мужчина. После того, как я с этим согласился, они смирились, и закурить мне больше не предлагали.

Закончился учебный год. Я перешел в третий класс. В один из летних дней пришел отец с работы в необычно довольном расположении духа. Обычно видели мы его озабоченным, всегда спешившим куда-то. Разговоры он, если и вел, то только с мамой. У нее он узнавал о наших делах, о результатах в учебе. И не допекал нас ни расспросами, ни наставлениями. Исключение составлял лишь тот год, когда мы жили в Радичах, и он уделял нам очень много времени, постоянно мастера что-нибудь для нас. За обедом он сказал, что мы должны будем в ближайшее время переехать в деревню Рябчичи. И далее он описал деревню, ее природу. Около нашего будущего дома - озеро. Озеро окаймлено по северному берегу камышами и густой растительностью на склоне высокой горы. Особенно красиво озеро, когда в утренние часы поверхность ее зеркальна, и в ней отражаются деревья и белое здание каменной церкви с куполами и высокой колокольной. В камышах много пернатых: цапли, дикие утки и гуси, водяные курочки и еще какая-то живность. Вода в озере чистая и прозрачная, так как речка, его образующая, довольно полноводная и не зря называется Белизной. В озере полно рыбы: щук, окуней, плотвы, голавлей, ершей. И ловят рыбу маленькие ребята удочками, а по речке – плетеными из прутьев лозы корзинами, а то и руками. Есть и мельница, и сукновальня. У помещика был

ещё второй став, для лесопильни. Но теперь его нет. Много раков и в озере, и в реке, ниже плотины. Ловят их руками даже маленькие мальчишки. Ниже плотины - луг и заросшее лесом болото. И здесь есть и утки, и вальдшнепы, и куропатки. А вечером блеет баранчик, кричат стрижи, кружатся летучие мыши. Что есть мыши, нам – детям - не понравились. Ведь они могут вцепиться в волосы на голове. Такие рассказы мы слышали. А ещё зарослях есть лисы и зайцы, а по логом – барсуки, и даже волки – продолжал рассказ отец. Жить будем в доме раскулаченного мельника. Дом большой и добротный. Переезжать в деревню будем скоро.

После такого сообщения я и Геннадий начали разрабатывать планы: что мы будем делать, кого ловить и как. При таком обилии диких уток мы сможем опробовать способ, придуманный бароном Мюнхгаузеном, когда на один крючок можно поймать несколько уток.

Прощай, Дубровка! Да здравствует деревня Рябчи! Скорее бы переехать!

Оккупация

Война ворвалась в нашу деревню не боевыми действиями, а внезапно нахлынувшими несчастьями. Через неделю после начала войны заплакали бабы, провожая молодых мужей в армию. Расстроенными выглядели и будущие защитники. Из единственного репродуктора в сельском совете узнали они, что фронт движется в неправильную сторону. Большие потери несут фашисты, еще недавние наши друзья, но не на Берлинском, а на Минском и других направлениях с русскими названиями. И только мальчишки, вроде меня, верили, что будет все, как в песнях: и танки наши быстры, и первый маршал в бой нас поведет. И наши сещенские тяжелые бомбардировщики ТБ-3 еще покажут немцам кузькину мать.

Горькое разочарование пришло в первый же день 22 июня 1941 года. Еще вчера я греб высушенное сено, а отец с мужиками укладывали его в стог, а сегодня рано утром, в теплый летний день с красивыми белыми облаками, запрягая лошадь, в разрыве облаков я увидел три двухмоторных бомбардировщика с желтыми концами крыльев и черной свастикой. Они уже пролетели над Сещенским аэродромом, и никто им не помешал. Что самолетов там уже не было -это мы знали, их перебазировали ближе к новой границе, но какая-то оборона должна же там быть?

Где-то на востоке - в сторону Брянска - слышались взрывы, а позже выяснилось, что бомбили также и поселок Клетню. На следующий день на небе - ни облачка, и тройка немецких самолетов на большей, чем вчера высоте (3 км), опять шли на восток. И тут мы увидели далеко позади самолетов 15 -20 небольших разрывов снарядов зенитных установок. Залп. Еще залп. И еще. С тем же результатом. С тем же запозданием. Не обращая внимания на аэродром и его защитников, немецкие самолеты продолжили полет, не меняя направления. И я решил, что зенитная оборона неэффективна, и ничего самолетам она сделать не может. (Пройдет два года и мне придется убедиться в несостоятельности такой оценки.)

Но мы верили, что закончится война как в кино: если не за три дня, то за две-три недели. Огорчает, что в газетах, которые выписывает сельсовет, нет рассказов о приключениях и подвигах. Только краткие, какие-то неконкретные, сообщения от Советского информационного бюро. Указываются только направления, на которых немцы

несут большие потери в живой силе и технике. Тревожило, что направления были с русскими названиями. И как-то было неубедительно, что наши мужички с лучшими колхозными телегами и лошадьми поправят положение на фронте. Уж больно неказистые были забитые в работе колхозные клячи! И по Екатерининскому тракту в направлении Смоленска редко приходилось видеть полуторку или трехтонку с солдатами. Но мы-то знали, что у них не старинные винтовки, а новые пятизарядные карабины! И стрелять они могут очередями!

Но иллюзии рассеялись, когда 17 июля в нашем доме в последний раз обедало районное начальство. Оно приехало, чтобы организовать эвакуацию колхозного стада (в основном, крупного рогатого скота) на восток, чтобы не досталось немцам. У отца на ветеринарном пункте была лошадь. И он должен был взять с собой имеющиеся на ветеринарном пункте лекарства и сопровождать стада всех колхозов обслуживаемого им участка. Отец просил разрешение взять с собой жену и троих детей. Ему отказали, сказав: «Это может вызвать панику. Если обстоятельства потребуют эвакуации населения, то руководство даст команду и проведет это в организованном порядке».

На восток уже проезжали одиночные машины с семьями, видимо, начальников, но они говорили, что везут архивы. Страх перед немцами, перед их зверствами, о которых писали, заставлял бросать имущество и скот. Родители согласны были взять с собою только корову и постельные принадлежности и оставить телку, свинью, 33 больших гуся и кур.

Но отъезд не состоялся. К счастью или несчастью. Будущее страны и наше представлялось нам совершенно непредсказуемым. Наше предстоящее существование было не обеспечено. Ведь даже сено, заскирдованное 21 июня, через три дня было украдено. Народ понимал, что нужно надеяться только на себя, на свои руки. Ни зарплаты, ни хлеба - даже соли не купишь. Но я не видел, чтобы мать плакала или сидела, опустив руки. Еще оставалось свое хозяйство, огород.

А между тем, уже к концу июня 1941 года стал доноситься с запада непрерывный гул с отдельными всплесками мощных грозовых разрядов. Но приближающая гроза не приблизилась и не закончилась ни через час, ни через день. Мы поняли, что это и есть война: где-то за Смоленском идут ожесточенные бои. Что-то нас ждет завтра? Но завтра наступила такое же, как и вчера. Не вернулся старший брат с «окопов». Ему 16 лет и его, как и других такого же возраста и постарше, как говорили, «погнало рыть окопы и противотанковые рвы» куда-то к Жуковке, за реку Десна. А Мария Акуленкова обижалась – ее не взяли, так как она из семьи кулаков. Ее отца вторично арестовали в 1937 году как «врага народа». Но позже, через три недели, ей доверили гнать на восток колхозный скот.

Привычны полеты немецких самолетов-разведчиков, разбрасывающих листовки со стихами: «Дорогие дамочки, не ройте ваши ямочки. Приедут наши танки - засыпят ваши ямки». Но все-таки, сильна наша армия – остановила немцев. Может быть, завтра-послезавтра отбросят супостата за рубеж!

Больше месяца громыло и ...затихло. Видимо сбылись наши надежды! Нет движения войск ни в ту, ни в другую сторону. Свободно шоссе. Нет эшелонов и по железной дороге. Спокойно в районном центре – в Дубровке. 7-го августа мама получила зарплату (она – санитарка на ветпункте). Никого не эвакуируют, все начальство на местах. Евреи все в райцентре работают: парикмахеры, продавцы, врачи, заведующие торгами, базами. Всего лет десять назад были евреи мастеровые, классные портные, жестянщики, а один даже собирал по деревням на подводе кости, тряпки, кожи. Но в последние годы

более молодые люди этой нации выучились, продвинулись по службе. Умный народ, способный. И многие из них не верили сообщениям, что немцы поголовно уничтожают евреев. Один еврей с архивом на полуторке останавливался у нас в деревне и говорил, что не может быть такого, чтобы цивилизованная нация уничтожала бы умную и способную другую нацию. Ведь умные люди всегда могут договориться друг с другом.

Перед закатом солнца, возвращаясь из районного центра, подошли мы к деревне Любимовка, что у шоссе. На шоссе - никакого движения. Тем не понятней: почему собрались у крайнего дома люди и смотрят на шоссе. «Уж не немцев ли вы увидели»? – пошутил я, поравнявшись с ними. «Милая, - обратился один из собравшихся к маме, - поспеши в свои Рябчи, а то не перейдешь дорогу: только что подъезжали немецкие танки с крестами, постояли, не заезжая к нам, и вернулись в сторону Сещи».

Так пришел к нам не фронт, а немецкая армия. Опять не так, как я думал: со штыками наперевес будут пятиться наши красноармейцы, отстреливаясь от немцев.

К ночи зашли два наших усталых солдата. Поели, попили молока, взяли хлеба и рассказали, что за ними никаких наших войск нет. Они подорвали на шоссе, недалеко от нас, мостик и свернули с шоссе - ближе к лесу. В развязанном вещевом мешке увидели мы куски хозяйственного мыла, удивились и спросили: «Зачем вам столько мыла»? «Это не мыло, а толовые шашки для подрыва сооружений».

Напуганная мама, не заходя домой, побежала к хорошо нам знакомому председателю колхоза Якутову Андрею Ивановичу просить лошадь и телегу, чтобы немедленно увезти нас – детей. Тот только развел руками. Руководство района никаких указаний еще не дало – будем звонить из сельсовета. Да и лошадей сейчас не найдем, так как конюх Сидор угнал лошадей под Осину, чтобы их не угнали на восток, как коров. «Коней возьмут, и начальство уедет, а на чем мы пахать будем?» - сказал он.

Видно ему, Сидору, не боязно оставаться под немцем. Он в ту, первую империалистическую войну, в плену у немцев работал, и язык их знает!

Всю ночь руководители сельского совета звонили по телефону в райцентр, но никаких указаний не получили: делать ли эвакуацию населения и проводить ли мобилизацию еще многих сельчан призывного возраста? Как быть с партийной ячейкой? Что делать коммунистам? Их у нас 8 человек.

Мы, подростки, тоже не спали: слушали, что говорили взрослые в сельсовете. Через каждые полчаса судорожно крутили ручку единственного в деревне телефона, вызывая Дубровку, но та упорно молчала. Перед рассветом трубка заговорила на немецком языке. Все.

Как неожиданно приходила ежегодно в деревню зима, так неожиданно, без каких-либо указаний, партия и правительство оставили сельчан на произвол судьбы. Правда, Великий кормчий, через пару недель, опомнившись, выступая по радио, сказал, чтобы жгли посевы и дома, но не оставляли их захватчикам. Но таких сумасшедших у нас в районе не оказалось.

Утро 8-го августа 1941 года было ясным, теплым, солнечным. По небу плыли веселые белые облака, как и 22-го июня, легкий утренний ветерок чуть колыхал ветки деревьев. Как обычно, сельчане проводили коров в поле. Ватага ребят, и я с ними, прошли по плотине озера мимо мельницы и магазина, через мостик над ручьем Хоперенка, намереваясь подняться выше, мимо вековых лиственниц, посаженных еще помещиками Демидовыми, и взобраться на колокольню церкви. С большой высоты

откроется вид на многие километры, и мы увидим немцев. И вдруг, с горы, не замедляя ход велосипедов, выкатились немецкие разведчики. Рукава засучены, на груди автоматы, велосипеды обвешаны кожаными сумками. Мы обмерли от страха. Путь назад - домой - отрезан. И они начнут сейчас нас расстреливать. Но велосипедисты не обратили на нас никакого внимания. Они проехали к магазину, сторож открыл дверь, и они туда вошли.

Мы стояли, как вкопанные. Через несколько минут они вышли, громко гогоча чему-то. Один заиграл на гармошке, вернее запиликал, другие ели конфеты. Что они спрашивали у сторожа, мы не могли слышать. Мы вздохнули с облегчением только тогда, когда они проехали в обратном направлении, не обращая на нас внимания. Удивительно, но через 5-10 минут набежали жители, и все бросились в сельмаг разбирать то немногое, что там было. Но еще больший ажиотаж наблюдался у соседнего с магазином сарайчика, где лежала большой кучей грязноватая соль для скота. Ее нагребали руками в подолы рубах и сарафанов, в майки, некоторые - более предусмотрительные - в мешки. Я не смел принять участия в этом мероприятии, так как мать нам всегда запрещала брать чужое. Не предвидел я, что соль будет цениться на вес золота. Во всяком случае, вскоре пришлось обменивать соль на имевшиеся у нас немногочисленные вещи.

Поразительно быстро все содержимое магазинов было расхвачено с криками и бранью. Первому смельчаку, ворвавшемуся в магазин, сторож сказал: «Вот придут наши, и с тебя спросят!» Но раньше пришли, вслед за армией, эсесовцы и расстреляли сторожа за его веру в мощь нашей армии.

Не успели мы отойти от магазина, как показалась пешая колонна немцев по четыре в шеренге: молодых, высоких и веселых. Они в такт шагам запели бодрый марш. И мы почувствовали, что это идут победители, считающие, что дело сделано и сделано хорошо. Еще немного - и будет конец войне.

Только закончили наши деревенские грабить магазин и склад с солью, как появилась вторая колонна немцев. Скорее домой! Как-то мать себя чувствует? Конечно, боится – страшно. И меня нет дома. Впереди колонны я побежал домой. Мать обрадовалась. Но напряжение нарастало.

Приближались головные шеренги колонны. Дорога внизу напротив нашего дома трудная – в глубоком песке тонут ноги и колеса. А тут еще она идет на довольно крутой подъем, но через сотню метров она опять твердая, а по обе ее стороны избы. Поэтому конный ли, пеший ли старается с разгона преодолеть этот участок, а наш дом остается уже позади – не к заходу, как говорят.

Мало охотников взбираться к нам в гору. И, тем не менее, из первых же рядов шеренги к нам взбежал молодой, по виду хулиганистый солдат с пистолетом в руке. Быстро осмотрел комнату и нас, и вдруг закричал: «Коммунистише!» Не то вопросительно, не то утвердительно. И показывает на отрывной календарь, на картонке которого красуется изображение Сталина. Впервые я заговорил по-немецки: «Мы купили этот календарь, так как других не продавали». Этот резон, видимо, его удовлетворил, и он спрятал пистолет. Еще более его удивило, что пацан говорит на его родном языке. Но ему было не до разговоров – пора было догонять колонну, и он обратился к маме: «Матка, айер!» Но та: «Не понимаю». И она беспомощно посмотрела на меня. Это вывело его из себя: «Не понимай, не понимай!» «Мама, дай ему яйц». Он сложил яйца в пилотку и побежал догонять колонну. Мы облегченно вздохнули. Может, и не будут убивать?

А наш дом уже дрожал, дребезжали стекла окон, когда танк за танком, вперемешку с грузовиками на гусеничном ходу с солдатами в кузовах и с орудиями на прицепах, преодолевали трудный участок дороги под нашей горой.

Войска шли по нашей проселочной дороге с небольшой скоростью, но не на запад, где в десяти километрах по шоссе была река Десна, и дальше, в семидесяти километрах - Брянск, а на юг - через Клетню.

Мой брат Вячеслав и его сверстники за Десной вырыли двухметровой высоты противотанковые рвы, но немцы не стали их преодолевать. В листовках они советовали не рыть «ямки», «так как придут наши танки – заруют ваши ямки». Мы слышали иногда в той стороне перестрелку, но серьезных боев там не было.

Механизированные части шли день за днем беспрерывно, останавливаясь лишь на ночь. Менялись лишь эмблемы на бортах: то скрещенные кости, то череп человека, то черепаха, то пантера, то обезьяна. И другие – теперь уж и не упомяну. Нам было ясно, что вот-вот на такую цель налетят наши соколки, да и артиллерии расстояние с десятков километров не помеха для точного удара. Но проходили недели, вереницы колонн не прерывались, а налетов не было, молчала и артиллерия.

В первые дни видели мы, как десять-пятнадцать одномоторных пикирующих бомбардировщиков с неубирающимися шасси – прозванных «лапотниками» - гуськом выстраивались и пикировали за Десною один за другим с противным и устрашающим воем сирен и бомб. Никто их не обстреливал, во всяком случае, из крупных противовоздушных средств, и они делали свою карусель неспешно и методично. Но это было только в первые дни. Потом и они не прилетали. Необычно и как-то горько было, когда остановился немецкий поток, пропуская встречную колонну военнопленных - без ремней и шинелей, численностью четыреста – пятьсот человек, конвоируемых тремя автоматчиками. Вид у них не был угнетенным. «Среди вас наших, брянских, нет»? – выкрикнул кто-то из наших деревенских. «Нет! Ваши еще воюют – мы черниговские!» Они были рады, что для них война закончилась, и они остались живы. Но им еще достанется много горя и лишений. Ни пленные, ни мы не могли и предположить, что ждало их уже в ближайшие дни.

Куда же шла эта армада? Где же их пехота? Подразделения на велосипедах мы видели. Очевидно, для связи было много мотоциклов с колясками. Почему они свернули с разбитого шоссе на еще худшую грунтовую дорогу, но еще не размытую дождями? Через месяц мы узнали от немцев, что они обошли с юга Брянск и взяли Орел, и только затем - Брянск. Мы удивлялись: где же наша авиация?

Но однажды как обрадовались мы, когда с востока, на бреющем полете пролетел наш самолет поперек движущейся колонны войск. Выпустил пулеметные очереди с обеих сторон без видимых результатов - и тишина. Мы ждали, что он вернется с тем, чтобы пролететь вдоль колонны войск. Но и в обратную сторону самолет не пролетал. И еще, через несколько дней после этого полета, два скоростных бомбардировщика на большой высоте и по тому же маршруту пролетели и сбросили с десятков небольших бомб. Цель поразить не удалось, в трехстах метрах от колонны разбомбили одну хату, убили козу и ранили женщину. Больше наших самолетов в 1941 году я не видал. Только немецкие. Обида и досада, что мы так легко верили в мощь наших вооруженных сил, в первого маршала, в отца всех времен и народов, в мудрость партии и правительства! Все оказалось липой, ложью.

Невольно я сравнивал технику немцев и нашу, кирзовые ботинки с обмотками - и добротные кожаные сапоги с металлическими шипами, наши полуторки и пятитонки - с машинами пехоты на гусеничном ход, вещмешок - с кожаным ранцем, бесформенную буханку хлеба, черствую через два дня - с герметически упакованной небольшой буханкой длительного хранения, наши и немецкие средства связи. В то же время мы видели, что шло много техники устаревшей: танки и орудия со стволами небольшой длины и т.д..

Обыватели на своем уровне оценили превосходство противника и думали, что это и есть конец советской власти. Теперь уж точно не будет постылых колхозов, где весь хлеб осенью вывозят на районный элеватор - в закрома Родины, а она, родимая, сколько-то даст на посев весной. И не будут клячи клясть свою судьбу под нашей горой, выпрыгивая из оглобеля под градом ударов не прутом или кнутом, но дубинкой. И не будем мы, дети, кричать: «Да за что же ты бьешь лошадь, если у нее нет силы тянуть груженный воз по песку и в гору?» День в работе - и только 50 граммов зерна в конце года. Разве это плата? И уйти в другие места не имеешь права - не дают паспорт. И пенсии не дают. И луга или сена для коровы-кормилицы тоже не положено. И собрал бы колоски в поле после уборки - запрещено: посадят в тюрьму на длительный срок, и детей не пожалеют! А если не выйдешь работу, то обрежут огород по самые углы избы! И уже не будет надобности ежегодно обмерять землю, чтобы не смел разработать целину и увеличивать огород! И нет никакой возможности избавиться от колхозной кабалы, разве что завербоваться на сталинские стройки или в дальние гиблые, необжитые места. И ехали семьями подальше от родной деревни на Дальний Восток, в Сибирь, Казахстан и шахты Донбасса...

Но вот представился другой случай: война, и нет Советов, только помеха одна - немцы: то корову в поле застрелят и на машине увезут невесть куда, то лошадь им потребна, что-либо подвезти и бросить. Война войной, а есть что-то надо. В поле урожай в снопах, в рядах разделили; лошадей, что оставили, не угнали - разделили. Получилась одна лошадь на три-четыре двора. И жнивье тоже на четки разделили. По совести: хорошие участки всем и плохие - всем, по едокам. Дали и нам, неколхозникам. А ведь еще совсем недавно колхозники кричали у магазина, когда по мешку ржаной муки выдавали учителям и другим служащим: «Вот, оглоеды! Весь хлеб - им. А нам дадут ли по сколько-то граммов на трудодень - неизвестно. Мы растим хлеб, а едят другие!»

Как убрать, на чем привезти, чем обмолотить снопы ячменя, ржи, и чем будем кормить корову зимой - все это заботы моего старшего брата Вечика. Моя задача - «оборона дома и хозяйства от немцев» посредством немецкого языка. Младшему брату Геннадию ничего не поручалось. Было ему 12 лет, мне -14, старшему брату -16.

А войска все шли и шли. Временами какая-либо группа останавливалась на кратковременный отдых или ночлег, машины заезжали в наш сад, и их маскировали ветвями яблонь. Видимо, они еще ожидали налета нашей авиации. Если задерживались на ночлег, то нас выселяли из спальни и горницы в переднюю комнату, а для себя настилали толстый слой соломы и спали на полу. Мы, подростки, с нетерпением ждали их отъезда: тотчас перерывали солому и нередко находили то поршневую ручку с голой красивой женщиной, то перочинный ножик. С интересом я рассматривал немецкие газеты, пытаюсь прочитать, что там написано. Фотографии и печать были гораздо лучшего качества, чем у нас.

Повезло и другу Вечика - Сергею Баранову. Ему посчастливилось найти брошенный немцами велосипед с небольшим дефектом, который он исправил. У нас в деревне ни у кого не было велосипеда. Это была мечта всех мальчишек. И мне так

хотелось попробовать: я был уверен, что поеду сразу же! И во сне я смело ехал и по ровной дороге, и под гору. Только бы скорее попробовать! Но где? Немцы идут не только по Дубровской дороге, но и от леса со стороны Соплевки! (колхоз «Красная Москва»)! Пришлось его засыпать сеном – не век же они будут ехать! Увидят – отберут!

Поехать пришлось только весной 1942 года. Но не мне. Велосипед отобрал, как только его увидели на дороге, один партизан из нашей деревни. Ему он оказался нужнее.

Кто-то из немцев бросил радиоприемник нашего производства, и мы его нашли и спрятали на чердаке нашего дома, не предполагая, что если его найдут, то нас расстреляют. Все приемники должны были сдать в милицию еще в июле. Спрятали мы под пол нашей бани и устройство, чем-то похожее на передатчик. Уж больно красивыми были конденсаторы, лампы и динамики. Когда мы вернулись из Дубровки в 1945 году, то его там уже не было. Но еще одна находка – большой немецкий аккумулятор с трещиной корпуса, едва не подвела нас, как говорят, под монастырь. Но об этом позже расскажу.

Дорога жила своей походной жизнью, а деревне нужно было жить своей. Каждое утро нужно было отправить скот в поле. И никто не знал, вернется ли его скотина вечером домой, так как время от времени, в поле, на луг приезжала машина, немцы стреляли понравившуюся им корову или другую скотину, выпускали кишки, а тушу увозили. Пастух не смел ничего сказать. Были случаи, когда машина подъезжала к дому и корову забирали, несмотря на плач хозяйки. Одна бедная женщина нашей деревни вцепилась за шею коровы, и ее не могли оторвать от нее. Тогда один из заготовителей застрелил женщину. Это был редкий случай. Чаще практиковали первый вариант. Но и это не было массовым явлением. Видимо у них был запрет: без нужды не настраивать население против себя. Да и снабжали немцев хорошо: хлеб, консервы с марками со всей Европы, шоколад, конфеты и др. Было удивительным, как это тылы, кухни не отстали от ушедших вперед на 400 км войск. Во всяком случае, никаких поборов у населения в первый год войны не было. Понемногу приходилось пробовать немецкие продукты и нам. Особенно, если спешили немцы с отъездом. Были случаи, когда можно было украсть консервы, но мы боялись это делать. Немцы наши ценные вещи в присутствии хозяев не брали. Но когда нас немцы выгнали из дома на пару недель, то по возвращении мы не нашли гармошки, граммофона и пластинок.

Но вернемся к «нашим баранам». Мы, как и другие, должны были выгонять по утрам в поле корову и телят. Только в первые дни держали их дома, думая, что день-два - и проедут войска, тогда и в поле погоним. Теперь каждый вечер ждем: вернутся ли животные домой? Еще задача: утром перегнать через движущуюся дорогу на озеро тридцать три гуся, а вечером с озера - домой. И какие бы ни были запреты, кто откажется от жареного гуся в условиях войны, когда они вот тут под колеса лезут!

И дом – не крепость. Вот и теперь, никого из домашних нет, а несколько солдат окружили наших кур, насыпали им зерна, и пытаются их ловить. Пока неудачно. Тут я подошел и спрашиваю их по-немецки: «Что, есть хотите?» Удивленные, они усталились на меня, охоту прекратили, но стали расспрашивать: не немец ли я, кто родители, и где меня научили их языку. Мне показалось, что они с уважением посмотрели на меня, видя, что поведение мое существенно отличается от поведения таких же подростков, и особенно знание немецкого языка подняло мой статус. Я ответил, что родители мои русские, и языку меня обучили в нашей средней школе.

Видимо, учительница была хорошим специалистом. Она и побудила меня изучить материал не только пятого – седьмого классов, но и восьмого – десятого классов. Мне

нравился немецкий язык. Помог в этом и мой музыкальный слух. Все песни играл я, подбирая мелодии по слуху, на гармошке, мандолине и балалайке.

«Родители мои были до революции помещиками, - говорю я, - их репрессировали. Отец и сейчас где-то в концентрационном лагере». Ложь - во спасение! Да и полуложь эта. Ну, не помещики, а кулаки, были репрессированы, и концентрационный лагерь был, и отца сейчас нет, и мать на крестьянку не похожа. Но не говорить же им, что отец на восток от них скот угнал и, возможно, против них воюет!

С этого времени я стал смело пользоваться своими знаниями немецкого языка: во всех случаях, когда к нам приближались солдаты, мама звала меня, и я шел им навстречу. Старший брат старался не попадаться им на глаза. Было ему в это время шестнадцать лет. Младшему брату было двенадцать лет, и никто на него внимания не обращал. Он уже тогда был заядлым рыболовом. И как только обстановка стабилизировалась, то есть была неизменной изо дня в день, Геннадий возобновил ловлю рыбы удочкой или руками. Запомнились уловы неретом килограммовых линей в нашем пруду, который мы называли «бучилом». Поднимаешь снасть, и только показалась его верхняя часть, как обдает тебя буря брызг. Это - мощный протест полдюжины золотистых линей, попавших в западню. Больше такой картины мне не пришлось видеть.

До войны я дважды переболел воспалением легких и был слабым физически, в отличие от старшего брата. Поэтому на все работы, где требовалась сила, отец посылал его. Вечик был здоров, имел хороших друзей и любил проводить с ними время. Был он добр и покладист. Но еще с детства в Ленинграде, предоставленный самому себе, Вечик научился курить, но скрывал это от родителей. И только когда его мобилизовали на строительство укреплений – рыть окопы, родители разрешили ему курить открыто. Учился он без особых успехов – результат упущений первых лет обучения в школе. С пяти лет он практически воспитывался во дворе, окруженном пятиэтажками. Когда я и Геннадий были не в очаге, а дома, то показывал он нам спрятанные под штабелями дров богатства: спички с красными и зелеными головками, которые зажигались при трении о подошву ботинка, и длинные папиросы в красивой упаковке. И еще перочинный ножик. Прошло около восьмидесяти лет, многое забылось, а это помню.

Как все болезненные дети, был я агрессивным, вспыльчивым, готовым дать сдачи любому обидчику. Постоянные успехи в учебе, достигаемые без особых усилий, развивали у меня повышенное самомнение и самостоятельность. Запоем читал все, что попадалось под руки. Меня интересовало и литература, в том числе критическая, и история, и биографии знаменитых людей, путешествия и устройство автомобиля, самолета У-2, радиоприемника. Мог часами играть на своих музыкальных инструментах. Любил рисовать, хотел учиться на художника. Даже урок один красноармеец с нашего полигона в Соплевке о перспективе мне преподавал, но война не дала больше возможности продолжить обучение. К этому времени у нас в комнате висел портрет Пушкина и героической женщины из Гренады с винтовкой, которые я срисовал. Рисовал я и Ленина в шалаше (в Разливе).

Еще с пятого класса я собирался стать писателем. В школе активно участвовал и в музыкальном кружке, и в драматическом. Выступал с художественным чтением. Любил читать любым слушателям понравившиеся мне отрывки и даже книги. Мать могла слушать только в зимние вечера, так как летом она работала на огороде и вела большое хозяйство. Зимой читала сама и вместе со мной.

Хорошо помню, как мы прочитали большинство пьес Шекспира, и многие мне не очень понравились. Исключение составила пьеса «Виндзорские кумушки», не помню почему. Прочитал я в конце книги оценку пьес Шекспира Л. Н. Толстого. Мнение мое совпало с его мнением: неестественно высокопарные монологи не нравились мне. Разделил я и его мнение о балете.

Моим постоянным слушателем была подруга мамы – Антонина Сергеевна Акуленкова. Она шила, а я – читал. Друзей у меня не было, некогда было уделять им внимания. Я был самодостаточен. Другом был мой младший брат. Для него я долгие годы был авторитетом, и он слушался меня во всем, вплоть до его женитьбы. Мне очень хотелось сочинять истории наподобие описанных в книгах «Робинзон Крузо», «Таинственный остров» или «Принц и нищий».

В это же время мне попались сочинения В. Белинского. У него готовность прочитать, какие качества необходимы, чтобы быть писателем: быть наблюдательным, как за действиями и характерами действующих лиц, так и за собой, уметь анализировать и делать выводы из характеров, поступков и обстоятельств, в которых действуют герои, предвидеть будущие события. И я стал критически оценивать и свой характер, свои действия и взаимоотношения с родными, товарищами по школе, и, наконец, устройство нашего государства и действия властей.

Запоем читал я книги о жизни замечательных людей. Мне были интересны все: Луи Пастер, Дизель, Миклуха Маклай, полководцы, писатели... Интересно было узнать, как устроен и работает дифференциал автомобиля, бензиновый и дизельный двигатель, и что пишут в газетах. Но мы выписывали только районную газету, что меня не устраивало. Поэтому приходилось бегать в избу-читальню, где можно было прочитать центральные газеты «Правда» и «Известия».

Перед войной в школе получили экземпляр книги «Как закалялась сталь». После уроков мы читали ее вслух. Было очень интересно, но в конце уже чувствовалось, что зря он, Корчагин, положил на алтарь Отечества свое здоровье: в руководство, во власть пробрались мелкобуржуазные элементы и, следовательно, еще будет много борьбы с врагами.

Но как интересно, когда доходчиво и с картинками было написано об устройстве учебного самолета У-2! И число оборотов пропеллера указано. Так можно и самому сделать самолет: если взять самопрялку, то нетрудно подсчитать, какой шкив нужно приделать к пропеллеру, чтобы самодельный самолет взлетел! Расчеты были сделаны, нужны фанера и другие материалы. Помощник, преданный слушатель и будущий второй пилот – Геннадий, младший мой брат. Были сомнения: хотя вращать пропеллер будет и нетрудно, но одному крутить - рука замлеет, а ему было в то время только 12 лет.

Война не позволила осуществить эту мечту. Но еще года три мы летали между облаками и выше в наших мечтах и не боялись, что разобьемся, так как самолет был легким и мог садиться на маленькое ровное место! И мы вдвоем находили среди тайги сад с яблоками, каких не было у нас, и красивый дом. И НИКОГО! Не думал я, что пройдет 65-70 лет, и мечта осуществится, частично, но самым неожиданным образом. Уже с десяток лет как в наших краях можно найти и сады с обилием яблок, и дома как хорошие, так и плохие, и нет людей! Но это сделала не война, хотя отчасти и она: этому способствовала и прежняя власть до войны, и во время войны, безжалостно уничтожавшая многочисленное когда-то население, и особенно нынешняя власть. Нет работы, нечего

делать на земле, нет дорог, нет перспективы дальнейшей жизни. Исчезают деревни и поселки, бегут люди в города и другие страны.

Чтобы понять мое отношение к событиям тех лет, я должен попытаться установить, что повлияло на становление моего характера как человека и гражданина. Мое детство было омрачено грабежом нашей усадьбы, арестом и осуждением отца - как врага народа - на 8 лет лагерей. Семья брата отца - Новикова Павла Кирилловича - приютила в своей избе нашу маму и нас троих, которым в то время был: 1,5, 3,5 и 5,5 лет, несмотря на то, что в то тяжелое время у них и своих малых детей было шестеро, старшему их которых было всего 10 лет. А затем нас приютили в г. Ленинграде в семье брата мамы - Каменецкого Владимира Матвеевича – и его жены Гелены. У них было двое сыновей 13 и 16 лет. Дочь Станислава уже была арестована.

Нас разместили на кухне, где не было никаких удобств, печи топились дровами, стены были выкрашены в ядовито зеленый цвет и были влажными от сырости. Жена брата Геля выражала свое недовольство, когда мама сушила белье. Поэтому мать должна была сушить свое белье под простыней, грея своим телом. Из мебели помимо железной кровати была тумбочка. Но я и меньший брат спали там только по воскресеньям. В эти дни мама кормила нас бутербродом из половины котлеты, принесенными из фабрики-кухни, где она работала посудомойкой, а позднее – поваром. Молока было мало. В стакан предлагалось крошить булочку, мама при этом приговаривала: молочка поменьше, а булочки – побольше. В остальные дни недели мы с ним круглосуточно жили в хорошем детсаде, который называли «очагом». Воспитателями работали очень хорошие специалисты. За три года нас научили правильно спать, есть, дружить друг с другом, играть, рисовать, рассказывать стихи и читать. Там привили нам любовь к книгам и картинам, к рисованию и пению.

На фотографии все воспитатели со старшей группой. Геннадий из младшей группы сидит рядом со мной, как исключение, чтобы маме не платить за две фотографии. Моя физиономия уже сформировалась. Серьезная задумчивость, обремененная великой тайной: не говорить, что у нас был отец и его арестовали как врага народа, а говорить, что он нас бросил и уехал, и где он - мы не знаем. Может быть, уже где-нибудь и сидит в тюрьме.

Расширил мой кругозор, представление о стране, людях и жизни переезд из этой цивилизованной среды, из лучшего в стране города, обратно в глухую деревню Радичи Дубровского района, в ту же избу дяди Павла, из которой мы уехали в Ленинград. В этой деревне пошел я в первый класс. Никаких воспоминаний об этом важном событии у меня не сохранилось. Ни плохих, ни хороших. Кто был моим первым учителем? Не помню. Мужчина ли, женщина ли? Помню, что школа располагалась в саду.

Уже тогда у меня начало складываться мнение, что учителя - то особенно и не нужны – были бы хорошие учебники! Прочитаю, запомню и расскажу слово в слово. Нигилизм! Навсегда запомнил я этот период жизни, о чем напишу позже. К началу учебного года в нашу избу, где за время нашего отсутствия численность семьи Павла увеличилась, принесли большую кипу учебников от первого до восьмого класса (тогда их раздавали бесплатно – страна была нищей, но на это денег хватало. Считается, что сейчас жизнь здорово улучшилась, но выкупить столько книг теперь простой крестьянин не смог бы!) И прежде, чем начался учебный год, и книги разобрали их владельцы, я прочитал все интересующие меня материалы по истории и литературе.

Здесь познал я нищенскую жизнь деревни и моих родителей на тяжелых работах, требующих больших физических сил для того, чтобы прокормить семью, чтобы «встать на ноги». И опять хорошие люди помогли. Жизнь была дружная. В последующем я думал, что когда-либо напишу и о жизни, и о хороших людях. И пока в этой жизни кто-либо будет о них, этих людях, помнить, то будут они довольны в другом, может быть, параллельном мире, или в лучшем из миров.

В дополнение к собственному жизненному опыту нас учили в школе, на политинформациях, в книгах современных писателей, газетах любить социалистическую Родину - надежду всего трудового населения Земли, ненавидеть врагов всех мастей, осваивать военную технику: устройство винтовки, противогаза; быть готовым к борьбе со злым капитализмом. Для этого надо: уметь бегать, прыгать, бросать гранату, оказывать первую медицинскую помощь.

Родину мы любили, но смущал поступок Павлика Морозова, донесшего на отца. Чувствовалась еще наше проклятое прошлое: не принято было фискалить не только на родителя, но даже на товарища по школе. Да и «врагов народа» мы знали, были они какие-то ненастоящие. Это были или попы, или мельники, или другие, часто хорошие хозяева, не желавшие сдавать свое имущество в колхоз. Помещиков правильно, что извели. А про отца, вообще, и подумать нельзя было, какой из него враг: четыре класса закончил и с раннего детства батрачил у интеллигентов-пенсионеров, в усадьбе Каменецких. Да и боялся он всех, и работал много. Большого хозяйства не бросил, хотя жена-дворянка предлагала все бросить и уехать подальше от этого добра. Дворянке – что? Не жаль. А тут два десятилетия работал - и все бросить?

Власть вначале налогами старалась отобрать добро. Мать и отец высохли на работе, но платили. Так пришили обвинение, что опасен, как политический враг. Пришлось отправить его в концлагерь на восемь лет исправительных работ. Лошадей, коров в соседний колхоз забрали, а строения – перевезли в райцентр под милицию. И туда же взяли и племенного иноходца.

Другое дело, когда Троцкого, Бухарина, Каменева, а потом многих других расстреляли: мы тоже им глаза перышком выкололи в учебниках по истории! Это они хотели власть забрать и Родину капиталистам продать! Но мы верили, что наша армия и флот – лучшие в мире. В кино «Если завтра война» врагов самолетами ТБ-3 с Сечинского аэродрома в три дня разгромили! Не было в деревне радио, только в сельсовете репродуктор, да в школе патефон, но песни мы пели бодрые и веселые: «все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц и в каждом пропеллере слышим спокойствие наших границ». И про первого маршала, «который нас в бой поведет» ... И «броня крепка и танки наши быстры» ...

Но уже в 1939 году я испытал какое-то разочарование: на огромную страну напала маленькая Финляндия. Видимо, она не читала наших газет, не смотрела наших кинофильмов, не слышала наших победных песен! И первые убитые, раненые замерзли в снегах, и потянулись долгие месяцы войны. Каждый день бегал я в сельсовет читать газеты, но только один подвиг остался в памяти: наш мощный трактор с пулеметчиком и трактористом окружили белофинны и пошли в атаку. Тогда тракторист потянул рычаг на себя, и трактор стал вращаться, а пулеметчик строчить из пулемета. И, конечно, перебил всех.

(Правду про эту войну с маленькой Финляндией мы узнали совсем недавно. Укрепленная линия Маннергейма так и не была прорвана, наши потери превышали потери финнов в десять раз.)

Это был первый удар по нашему патриотическому воспитанию. Наша мощь оказалась мыльным пузырем. Обманом были и первые выборы в 1937 году. Даже крестьяне понимали, что выбирать нельзя из одного кандидата. Наглой ложью были утверждения, что в колхозах жить стало лучше, жить стало веселее. Получать пятьдесят граммов ржи за день работы — это была самая наглая эксплуатация, хуже которой и не

придумать. Клочок земли у дома - единственный источник существования крестьянина, ежегодно обмеряют, чтобы, не дай Бог, не увеличил крестьянин его, разработав целину. Нельзя было отказаться от работ. Если что не так, то могут отобрать приусадебный участок - отрезать по углу дома. Уехать тоже нельзя, так как колхозникам паспорта не положены.

Конечно, трудно. Все для армии, все для обороны! Придется затянуть пояса. И даже темная бабка знает, что когда все спят, то в Кремле только в одном окне есть свет – это товарищ Сталин работает, думает о нас! И когда придет время ему представиться, то даже наша хорошая знакомая - Антонина Сергеевна Акулиникова, дважды раскулаченная в 1930 и 1937гг., выростившая троих детей в нищете - заплачет. Теперь будет война! Его все боялись!

Но неожиданно закончилась у нас Советская власть со всеми ее субъектами. В один день - 8-го августа 1941 года. И коммунисты, и комсомольцы, и беспартийный люд были оставлены властью без руководящих указаний, что делать, и как, и чем жить. Разве указание когда-то могущественного и мудрейшего из мудрых вождя жечь урожай и постройки, чтобы захватчикам осталась только голая земля, можно было признать здоровым? Или он был уверен в беспредельной любви облагодетельствованного им народа, который не пожалеет живота своего? Готовых сделать это людей я не встречал за всю свою долгую жизнь.

От любви до ненависти, говорят, один шаг. Тов. Сталин сделал не один такой шаг. Но последним был блеф о мощной армии и гениальности его руководящей верхушки. Все проклинали ту жизнь, но негромко – про себя. С приходом немцев – открыто. И никакой веры в хороший исход войны для нашей страны у населения не было. Не было ее и у наших коммунистов. Среди них были: председатель колхоза, директор школы, преподаватели школы, председатель сельсовета и его секретарь. Всего восемь человек.

В первые недели оккупации шли армейские подразделения, и не было частей СС. Об этом можно было судить по тому, что в это время видел я допросы военнопленных, но не было расстрелов. И наших коммунистов обязали приходить еженедельно, чтобы удостовериться, что они лояльны и не сбежали в партизаны, о которых немцы наслышались по московскому радио, но мы в этот период еще о них не слышали и не видели. К тому же, от леса тоже двигались немецкие колонны.

Приход немцев был так неожидан, что определенно можно сказать, что никаких инструкций по этому поводу в районе сделать не успели. В ту последнюю ночь в сельсовете у телефона все хотели получить указания, инструкции, но бдения коммунистов были напрасны - руководству, видимо, было не до инструкций. Для подготовки партизанского движения было время только в Брянске – за рекой Десной. До его оккупации еще было более месяца.

Положение изменилось, когда появились чернорубашечники. Коммунистов стали пытаться с пристрастием: что им приказано делать, где склады для партизан, кто должен им помогать. Отпускали, но вскоре допросы продолжали. Коммунисты поняли, что надо бросать свои семьи и уходить в лес – переждать, а там, может быть, и наши придут.

Для того, чтобы не допустить возникновения партизанского движения, немцы решили уничтожать молодых, неместных парней, если они были красноармейцами. Рассказывали: идет парень, немцы его останавливают, спрашивают, где его дом, у старосты потребуют подтверждения, но если натальное белье военнослужащего - тут же на дороге расстреливают.

И в деревне начали жители сводить между собой счеты. Вот кому-то грозил сторож магазина, что придут наши, и первому ворвавшемуся грабить мало не покажется. Кто-то доложил немцам об этом, и сторожа расстреляли. Только не стало советской власти - начали разбирать недостроенное здание для дома быта. И здесь не выдержали женщины из дома, расположенного рядом, напомнили, что это общественный дом, и за него спросят, когда вернутся. Бедных женщин расстреляли в церкви, которую использовали как склад.

Видимо, в здании сельсовета приехал и расположился на длительное время штаб армии, действующей на Брянском направлении. Одиночных пленников привозили для допроса. Видел такую сцену: фриц что-то говорит пленному, показывая на его кисть руки. Тот не понимает, и немец бьет его по лицу. Пленный, наконец, понял, что от него требуют, снимает с руки часы и отдает их.

Наш дом - лучший в деревне и расположен напротив здания сельсовета. Офицеры штаба осмотрели дом, выгнали оттуда своих солдат и нас. Привезли мебель для спальни и два больших красивых сундука. Охрана и денщик остались в доме. Приехал генерал, мы с вещами еще были около дома. Я что-то сказал по-немецки, и генерал, заинтересованный этим, пригласил меня в дом. Ему было интересно поговорить с местным аборигеном, говорящим на его родном языке. Мне пришлось повторить рассказ о себе, родителях, в особенности, об отце, о нашем более благополучном прошлом, что наглядно подтверждалось тут же расположенным резным двухтумбовым столом с зеленым сукном поверху, ажурным, качающим шезлонгом и граммофоном с большой трубой.

Смелость и общий вид нашего семейства тоже его удовлетворили, и он дал команду занести наши вещи в переднюю комнату, где раньше отец принимал пациентов. Часть комнаты была отгорожена перилами, где мы могли спать, не мешая перемещению в обе комнаты генерала.

Сам генерал был стройный, худощавый, среднего роста, с сединой в волосах. Лет ему было не менее шестидесяти. Лицо было приятным, как у большинства интеллигентных его ровесников, но без высокомерия, присущего высшим чинам прусской школы. Каждый день рано утром, когда мы с братьями еще спали на перине, разостланной на полу, генерал, проходя в штаб, клал на перила перегородки три круглых пачки конфет типа «Холодок» для нас – детей. Только первые дни его охраняли автоматчики, потом дома оставался только денщик, тоже немолодой офицер.

Жизнь наша стала более спокойной. Новых претендентов на заселение нашего дома отваживал денщик. Тут же в саду он разогревал генералу обед. Денщик был приветливым и нежадным. Нам довелось есть вкусный, плотный, длительное время непортящийся черный хлеб. Пробовали мы и консервы рыбные из разных стран Европы. Они были очень вкусные. Мы же угощали денщика жареным гусем.

К штабу привозили наших пленников, подъезжали мотоциклисты, прилетал изредка самолет, который садился у нас под горой на очень маленькой площадке. Войска шли и шли. Мы понимали, что долго сохранить наше большое стадо гусей нам не удастся.

Кто-то сказал нам, что у магазина в помещении склада привезли восемь раненых красноармейцев, и я пошел узнать, кто там, и как они попали в плен. Там, где только несколько дней назад была соль, лежали восемь человек. Один, в гимнастерке командира, с характерным лицом семита, был ранен в руку. Знаков отличия в петлице уже не было. Другой с внешностью грузина был ранен в голову. У третьего, на вид крестьянина, пуля пробила грудь на вылет. Другие тоже были ранены. Выяснилось, что они переправились через Десну под Жуковкой, чтобы добыть языка. Но в камышах их заметили немцы. Часть

убили, а их ранили и взяли в плен. Допросили, завезли сюда и бросили. Видимо, направят в госпиталь. Так думали они. Так предполагали и мы. И началось паломничество жителей к ним. Может быть, они видели кого-нибудь из наших? Нет, не видели. Каждый приносил, что мог: молоко, вареную картошку, яблоки.

Прошло три дня, и никто их уже не навещал. И немцы тоже. Стояла жара. Мама пошла их кормить и увидела, что нужна им перевязка. Раны загноились, и запах был отвратительным. В деревне был только один фельдшер по фамилии Портнов. Мама пошла к нему на Поповку. Она попросила его пойти и сделать раненым бойцам перевязки. «Я сам не пойду и Вам не советую это делать, - сказал он, - так как это дело военное, и нас немцы могут расстрелять». Но мама была не из робкого десятка. Она сама перевязывала каждый день всех восьмерых. В помощники она взяла меня. Не знала она, что делать со сквозной раной. Раненый облокачивался на меня, кашлял, из раны выплескивался вонючий гной. Мать обрабатывала рану спереди и сзади и бинтовала грудь.

Каждый день мы надеялись, что их возьмут в госпиталь. Но проходил день за днем, а они лежали, не представляя больше интереса ни для немцев, которые все ехали и ехали, ни для местных жителей. Последние старались не отлучаться от дома: авось немцы все-таки постесняются при них последнее взять. Большинство жили от магазина подальше, чем мы, и не видели, что никто не носит раненым еды. А мы видим и дорогу, и склад. Мама говорит, что кормить их нам нужно. И каждый день Вячеслав ловит очередного гуся и держит его над колодой. А мое дело взять его за нос и топором одним ударом отделить голову от туловища. Мама наварит и нажарит.

Вскоре приехал к нам фельдшер в сопровождении немецкого офицера, чтобы изъять все лекарства, какие у нас остались. Мама сказала, что осталась только бочка глауберовой соли. Но тут подошел денщик, что-то сказал офицеру, и они уехали не солоно хлебавши.

Однажды наша красавица - телочка не вернулась с пастбища домой. От пастуха узнали, что подъехала крытая машина, из кузова выпрыгнули трое солдат, прошли по стаду и застрелили нашу телочку. Не разделявая тушу, бросили ее в кузов и уехали. Пастух даже не подошел к ним поближе. Побоялся. Мама сказала, чтобы я переговорил с генералом. На мое сообщение он сказал, что это нарушение приказа, но война есть война, и установить, кто это сделал, не представляется возможным, так как пастух не посмотрел даже на номер машины. И хорошо, что еще цела корова.

Для разговора я не побоялся пойти к нему в штаб, так как уже он сам приглашал меня не раз в свои комнаты, чтобы поговорить на интересовавшие его темы. Конечно, он узнал от меня наше прошлое и о жизни деревни. В свою очередь он говорил, что это нечестная война, когда из засады, как бандиты, действуют партизаны. На что я ему говорил, что у нас нет партизан. Так оно и было.

В свободное время он открывал один из чемоданов – большой и красивый. На крышке была резьба со сложным орнаментом. А в нем несметное количество всяких орудий лова рыбы удочкой, нахлыстом, на мормышку, на живца и многое другое. Особенно мне запомнилось удилище ручной работы финского мастера, склеенное из большого количества спичек.

Неоднократно он говорил о желании порыбачить на нашем озере, но это желание ему ни разу не удалось реализовать.

Однажды денщик попросил маму испечь из предоставленной им пшеничной муки булочки. Булочки получились отменные, что и мы подтвердили с большой готовностью. Я

спросил генерала, не может ли он посодействовать оказать медицинскую помощь нашим раненым, так как прошла неделя, а наши перевязки не давали хорошего результата, и мы боялись гангрены. Он ответил отрицательно, сославшись на то, что военнопленные находятся вне его компетенции.

Было раннее солнечное утро. Вообще, лето в тот год было теплым и солнечным. И в июне, и в июле, и в августе. На дороге, как всегда – движение: и едут, и едут. Смотрю: по тропинке, что ведет с плотины к нам по низу, идет наш солдат в военной форме с шинелью через плечо. Мы еще не носили раненым красноармейцам завтрак. Как же мы были удивлены, когда узнали в нем нашего солдата со сквозным ранением груди. Он рассказал, что его товарищей отправили в госпиталь, а его отпустили на все четыре стороны. «Вы мне показывали, где живете. Вот я и пошел к вам. Не прогоните?».

Пониже нашего дома была избушка, в которой жили раньше мать и сын раскулаченного Бырдикова. В ней его и поселили. На этот дом ни один немец не претендовал. Его «лечение» продолжили мама и я, как я описывал ранее. Только запах выбрызгиваемого из легкого гноя стал более неприятным. Приходилось делать над собою усилия, чтобы не вырвать. Если меня не было дома, то братья не могли помочь маме в этом мероприятии. День ото дня он начал поправляться и лучше себя чувствовать. «Получат мои родные известие, что я погиб, а я, возможно, еще и вернусь домой! - говорил он. - Спасибо вам!»

Тем временем немцы, чувствуя близкую победу в блицкриге, продолжали делать все возможное для развития партизанского движения. Допросы с пристрастием наших коммунистов, расстрелы на дорогах переодетых в гражданскую одежду красноармейцев, выявление по деревням таких же молодых парней, «приставших в зятья» к молодкам, бесчеловечное обращение с военнопленными – все это заставило многих уходить подальше в глухие места, где не было немцев. Такими местами являлся наш Брянский лес и прилегавшие к нему деревни.

В нашей деревне только директор школы Фомушкин, бывший воспитанник детдома, стал сотрудничать с немцами. Наши коммунисты, после допросов с пристрастием, и взрослые парни, опасавшиеся за свою жизнь, ушли в лес, но каких-либо активных действий не было. Ненадолго появился в нашей деревне полицай – наш молодой парень, красивый, известный бабник, любовник молодой жены нашего наиболее активного коммуниста. Последний не стерпел допросов и нахального поведения полицая, подкараулил его, когда тот шел через речушку Свинка, и застрелил. Позже в партизанском отряде он стал комиссаром благодаря своей политической подкованности и успехам в борьбе с врагами народа. Именно он активно выявлял и информировал обо всех явных и неявных врагах народа. Он не раз докладывал начальнику НКВД о враждебной деятельности моего отца, когда после массовой вакцинации сдыхали некоторые животные (об этом он сказал отцу и попросил его, как специалиста, купить ему поросенка). Но отец, пройдя школу на «Беломорканале», предусмотрительно все случаи падежа животных обосновывал заключениями Жуковской ветлаборатории.

В деревне Зароща я познакомился с молодым парнем, который выходя из окружения, остановился в этой деревне, а позже вынужден был уйти в лес. Он хорошо играл на мандолине и научил меня основам этой игры. Уходя, он отдал мне мандолину, и я стал играть по слуху все известные мне песни. До войны мы временами слушали старые пластинки, так как новых у нас не продавали, да и денег на это не было: Рио-Рита, ария Ленского, «Пара гнедых», и др. Я любил играть и на балалайке, и на гармонии. Балалайку

мне сделал большой мастер и очень хороший и умный человек – Осип Ефимович Сергеев. Отец одиннадцати детей, он не только их прокормил, вырастил, и воспитал, но сделал много хороших вещей, которые пережили его и доставляют удовольствие их владельцам по сей день.

Большим человеком в местном масштабе стал и конюх Сидорович - благодаря знанию немецкого языка. Немцы прибегали к его услугам и назначили старостой деревни.

Прошел август, и наш генерал спросил маму, не может ли она почистить его мундир, так как его отзывают в Германию. И еще была просьба: не сможем ли мы дать ему в дорогу один окорок нашей свиньи? Его ординарец поможет заколоть свинью и разделать ее. Он не скрывал, что после его отъезда вряд ли ей придется долго жить. Мама согласилась. Так все и сделали. Мы свинину засолили в бочке и закопали ее за сараем в яме обвалившего погребца, застелив сверху досками и засыпав землю. Для верности набросали туда сухих веток.

Как только генерал уехал - в нашем саду остановились немцы. Машины замаскировали ветвями яблонь. Во педанты! Да кто вас хотя бы раз бомбил? Хорошо, если вы хотя бы изредка видели советский самолет – ведь война, все - таки! Обидно! Пусть побомбили хотя бы и нас, но досталось бы и вам!

Предчувствие заставило меня подойти поближе к немцам: надолго ли они к нам? Или только на отдых? Вот один решил справить нужду и прыгнул в яму, где закопана наша бочка с салом. И слышу его радостный крик: «Ребята, я клад нашел! Здесь закопан!» И прыгает, забыв, зачем он туда направлялся. По звуку стало ясно, что там что-то спрятано. Все столпились, оживлено обмениваясь мнениями: что это такое закопано? Ах, как мы не догадались, что нашу схованку так быстро и легко можно обнаружить! Что же нам делать? Пойти и откопать самим, тогда они, может быть, и не отберут сало? Или ждать: что будет – то и будет? Но это невосполнимая потеря! На что же решиться? Медлить нельзя! Мама тоже не знает, как поступить.

Наверное, Господь услышал нас. Помощь пришла в виде мотоциклистов, привезших приказ немедленно следовать дальше! Все по машинам! И так, не отдохнув, они покинули наш сад. Дождавшись темноты, мы отрыли бочку и опять зарыли ее далеко от дома на огороде, где уже была выкопана картошка. Как мы переволновались!

На другой день мы догадались, почему так быстро уехали наши вчерашние постояльцы: наш дом облюбовали для нового генерала. Его команда выбросила на улицу все наши вещи, оставив музыкальные принадлежности, и кое - что из мебели, например качалку. Выбросили и большой фикус, и апельсиновое дерево, выращенное из впервые нами съеденных трех апельсинов, привезенных отцом из Москвы. (В Саратове он закончил курсы переподготовки ветфельдшеров, сдал экзамены на «хорошо» и «отлично» по «шестнадцати предметам», проезжал домой через Москву и купил три апельсина. Как разделить три апельсина на четырех человек, он, вероятно, не задумывался. Мать ничего не сказала, но я подумал, что не совсем хорошо получилось.)

Куда нам переезжать - немцев это не беспокоило. Мы перенесли наш скарб к нашим друзьям, тоже раскулаченным в 30-м году, у которых в 37-м году повторно арестовали хозяина - Егора Акуленкова. В доме с мамой - Антониной Сергеевной - жили сыновья: друг Вячеслава и его ровесник Владимир и его меньший брат Василий. Старшая дочь отсутствовала: погнала колхозных коров на восток. До этого на окопы ее не взяли, вероятно, чтобы она не передала секретов врагу. А тут, к ее удивлению, доверили всю колхозную скотину. Правда, подальше от врага.

У них тоже ночевали солдаты, потеснив хозяев на полки – за печку. В тесноте пришлось пожить нам пару недель. Запомнилось, что видели мы у немцев много банок всяких консервов в мешке, который не был завязан. И очень хотелось попробовать. Кажется мы, дети еще, украдкой от взрослых, взяли несколько банок. Потом, когда мы читали о подвигах молодоговардейцев, которые тоже что-то украли, мы говорили, что это не было воровством: так мы подрывали снабжение немецкой армии.

К нашему дому нас не подпускали, начались ранние заморозки, и наши цветы стояли пожелтевшие. В первых числах сентября наша армия за рекой Десной предприняла если не контрнаступление, то какую-то контратаку: снаряды оттуда с шипением летели и взрывались у нас за домом – в болоте. Слышна была временами перестрелка. По ложине реки Белизна, в туманной дымке стояли пушки немцев и время от времени стреляли. Снаряды, шипя, как бы с трудом разрывая воздух, летели за реку Десну. Это продолжалось несколько дней.

Наш раненый повеселел и говорил: «Вот освободят нас наши войска, и я смогу вернуться к себе домой. То-то будет радости: думали, что погиб, а я – жив». Казалось, что может свершиться чудо, в которое он так верил. Но однажды рано утром мама пошла к нему и увидела открытое окно и на подоконнике его безжизненную голову. Он задохнулся большим количеством мокроты. Ранее дал он нам адрес и свою фамилию, но все бумаги позже сгорели вместе с домом. Хоронили его в шинели мой брат Вячеслав и Владимир Акуленков.

Когда фронт переместился за Орел, квартиранты уехали, и мы вернулись домой. Мы не досчитались граммофона с пластинками, музыкальных инструментов и кое-каких других вещей.

В сентябре по дороге преимущественно ехали крытые повозки, запряженные парами добрых коней. Говорили, что это румыны. Теперь у нас останавливались ненадолго группы солдат; были среди них и поляки. Молва шла о жестокостях финнов. Видимо, они не могли забыть о войне 39-го года. Но мне не приходилось их встречать.

Наступали холодные времена, а немцы не меняли летней формы на зимнюю. Особенно страдали от холода мотоциклисты. Однажды не успела разместиться у нас на ночлег группа военных, как подъехал связной и передал приказ о срочном их отъезде. Офицер выходил последним. Он тронул маму за плечо и бросил пару добротных новых солдатских ботинок на печь. Был он чем-то озабочен или опечален. Это был царский подарок! Ни у Вячеслава, ни у меня не было крепких ботинок. Ноги всегда были мокрыми. Конечно, мы их надежно спрятали, так как увидят и расстреляют за кражу военного имущества.

Теперь к нам заезжали только с фронта на отдых. Не слышно было песен, даже по радио. Военные транспорты шли по шоссе, которое покрыли бетонными плитами. В деревне осталось человек 15 солдат на колхозном дворе и столько же на шоссе у моста через Хоперенку. Наконец деревня вздохнула свободнее. Работы приходилось делать в сентябре по уборке урожая, обмолоту цепями. Нужно было косить жневник и траву, побитую первыми заморозками. Эти работы выполнял мой старший брат. Он как-то враз стал намного взрослее, ответственнее, заботливее. И строже. Мы ему, по возможности, помогали. В ступе, которую он сам сделал, толкли ячмень. Мука у нас еще оставалась, купленная ранее. Сало и мясо по маленькому кусочку мама клала в чугуны и затем толкла его на волокна – делала затолоку. В основном – для запаха. Блины ели со сметаной, в которую добавляли обжаренные кусочки сала.

Время от времени к нам приходил молоденький немец, чуть старше нашего Вячеслава. Они подружились. Как они разговаривали между собой, когда меня рядом не было, не знаю. Однажды он принес пшеничной муки и от имени своего командира попросил маму спечь белый хлеб. Мама спекла штук десять небольших буханочек. Одну нам оставили за работу. Какая же она была вкусная! Хайни - так звали нашего нового знакомого - приносил нам и хлеб, и консервы, а мы давали ему молока и угощали своими обедами.

За все время я не слышал ни об одном случае изнасилования - ни девушек, ни женщин. В некоторых домах, однако, в том числе и недалеко от нашего, по вечерам бывали танцы с женщинами и шнапсом или самогоном. Были женщины, которые не хотели ждать возвращения своих мужей, и в результате появилось много на свет полукровок. Были и курьезные случаи, когда рожали без мужей, но говорили: «Ребенок от мужа. Как стало это возможным? У меня были роды с задержкой на целый месяц. Такой у меня организм».

Запомнился вечер под Новый год. В доме отдыхала после боев под Сухиничами группа немолодых солдат. Вели они себя как-то возбужденно. Слушали радио, но негромко. И не музыку. Я стал их расспрашивать и узнал, что они ждут очень важное сообщение. «Какое?» – спросил я. Ответили: «Москва вот-вот будет взята». Томительно проходили часы, но сообщения не было. Беспокойство сменилось унынием. Солдаты как-то постарели, глаза смотрели куда - то вдаль, не было ни шуток, ни разговоров. Я понял, что Москву не взяли, и теперь каждый думает, что кошмара фронтовой жизни не избежать в эту лютую зиму, к тому же в летнем обмундировании. У некоторых уже были обморожены уши и ноги. Хорошо было тем, кто обзавелся валенками, у которых обрезал голенища, и одевал их как галоши, когда это было допустимо начальством.

Как отличался вид солдат августа - молодых, полных энтузиазма - от вида солдат зимы сорок первого года - пожилых, усталых до предела, полураздетых и обмороженных! Я уточнил у одного из солдат, и он подтвердил, что Москва не только не взята, так как замерзла вся техника, но русские начали наступление.

Блицкриг закончился. Началась долгая война с неясным концом. И каждый из них понял, что шансы выжить ничтожно малы. А ведь только несколько часов назад они были полны надежд, что конец войны близок. Им не пришлось поспать: мотоциклист с обвязанной платком головой привез приказ – выступать. Последний из солдат, выходя из дома, отдал нам обрезки валенок, так как они ему были малы. Мы им были очень рады. Мама пришила к головкам суконные голенища, и я стал ходить в них, несколько не стесняясь.

Первые месяцы 1942 года нас никто не беспокоил. Заходил только Хайни - то белье постирать за продукты, то с братом пообщаться. С лета на скотных дворах колхоза размещены были наши военнопленные. Было сделано ограждение из колючей проволоки, а за ней были поля, урожай с которых уже убрали колхозники. Вблизи лагеря осталось неубранным поле с капустой. Было в это время не до нее. И она не уродила. Кочаны были небольшие, в основном – листья. Некоторые хотели ее убрать для скота, но охрана не разрешила подходить к этому полю.

Возможно, это были те самые пленные из Чернигова. Первое время их вообще не кормили, или кормили настолько плохо, что некоторые из пленных пролезали под колючей проволокой, чтобы сорвать капусту. Охрана расстреливала их без предупреждения. К февралю их перевели в лагерь военнопленных в деревню Пеклино.

К нам стали наведываться наши знакомые партизаны: ночью стучат в окно и просят маму дать им лекарство. Но, в основном, они встречались со старостой деревни Сидором. Последний был между двух огней: с одной стороны, он взаимодействовал с заезжими немцами, которым нужно было то вытащить на дорогу машину, то ли еще какое дело сделать, а с другой стороны - ночью принимать партизан из наших деревенских, задабривать их самогоном, организовывать сбор провизии, мяса и др.. Но все было тихо. Ни немцы их не ловили, ни они немцев не пугали. А коров по деревням приходилось брать, и хлеб, картошку, капусту и самогон. Жители Соплевки, Буды и Болотни рассказывали, что с Востока на Запад осенью прошли отряды партизан под командованием какого-то Ковпака. Так многие партизаны в нашей форме и с оружием, и даже с пушкой. И они крестьян не грабили, а обращались к председателю колхоза и просили собрать то-то и то-то. И расписку давали. Вот это партизаны!

В долгие зимние вечера, при хорошем свете пятнадцатилинейной лампы, за старинным столом с зеленым сукном я и мама читали вслух поочередно произведения Шекспира, собранные в толстой и большой по габаритам книге. В книге к каждому произведению были хорошие иллюстрации: король Лир, рвущий свои седые косматые волосы, Гамлет с черепом в руке и др.. Как попала к нам такая редкая книга – не помню. Очень жаль, что ее больше я никогда не видел. Мама читала приятным голосом и с выражением. Я считал, что читаю не хуже.

Еще с первых строк «Короля Лира» мне не понравился неестественно напыщенный слог действующих лиц, витиеватая брань и крикливая фразеология. К тому времени я уже начитался сочинений Белинского и на веру авторитетов не признавал. В конце книги я прочитал мелким шрифтом мнение Л.Н.Толстого о Шекспире, о пьесах других авторов, которые он переработал. И почему-то о балете. Не видя балета, я был с ним согласен.

В нашем селе библиотеки не было. Только небольшая библиотека в школе. Я восторгался сочинениями Гоголя, и в частности, «Мертвыми душами», которые большинство школьников терпеть не могут. Я приставал не только к членам нашей семьи, чтобы прослушали отрывок о Ноздре, Собакевиче или Плюшкине, но и к соседям. Когда мама была занята, безотказным слушателем была Антонина Сергеевна Акуленкова, которая всегда была на месте: шила какую-либо кофту очередному заказчику.

В середине зимы немцы решили обезопасить свои тылы. В Брянской области к тому времени было много партизанских отрядов. Одни подрывали железную дорогу, другие закладывали мины на шоссе на дорогах. Слышали и мы о взрывах на железной дороге. Но о каких-нибудь военных действиях в нашей местности мы не слышали. Тем не менее, в дневное время через наше село проезжали к лесу карательные отряды немцев и полицейских. Они заходили в лес, но недалеко. В воздухе появлялся самолет или для разведки, или для бомбежки. Местные жители боялись как немцев, так и партизан. Наш родственник с хутора Михеевка, что у деревни Соплевка, рассказывал: «Когда наши ребята – партизаны узнавали, что на завтра назначена вылазка партизан в нашу деревню за коровами и другой провизией и передавали об этом нам, то мы срочно ехали в деревню Жуково, что у шоссе, и сообщали об этом немцам. И немцы нас выручали – шли им навстречу. Партизаны вовремя узнавали об их передвижении и уходили вглубь леса». А лес наш был бескрайним - до Клетни, Жуковки, Брянска и дальше на юг.

Немцы решили кончить эту игру: как бы то ни было, но партизаны находили пропитание, в том числе коров, в деревнях, расположенных у леса. И немцы решили

вывезти всех жителей в другие места или в лагеря, если они считали их пособниками партизан, а деревни – сжечь. Тот же родственник рассказывал, как это было: «Рано утром, когда еще бабы не затапливали печи, село окружили каратели, приказали жителям взять самое необходимое и собраться в центре села, мужчинам - запрячь лошадей, у кого они есть, и ехать туда же. Мы с соседом нагрузили сани и посадили своих детей. Увидели, что каратели заняты сбором жителей, и на нашем краю нет автоматчиков. Лошадь у нас была хорошая, и мы решили прорваться в сторону села Грабовка, но не к лесу. И это нам удалось. Но таких, как нас, было немного. Остальных погнали по шоссе в лагерь в Жуковке. Там продержали их с месяц, некоторых отправили в Германию, а нетрудоспособных и с детьми – на свободу. (Впоследствии эти дети будут получать повышенные пенсии, а некоторые и автомашины. Один мой знакомый, раненый на фронте, награжденный орденами, и не получивший автомашины, отрицательно отозвался о таких узниках.)

В начале года уехала группа немцев, квартировавшая на колхозном дворе. По ночам партизаны стали часто и без опаски посещать нашу деревню. Только на шоссе, на Сусняге у мостика, осталась охрана, которая сделала простейший дзот. В это же время стали вербовать желающих уехать на работу в Германию. Мы видели мощь немецкой армии, и в то время были уверены, что война закончится нашим поражением. Мужчины призывного возраста были уверены, что если свершится чудо, и вернется советская власть, то их если и не расстреляют, то обязательно сошлют в лагеря, так как они не выполнили указаний партии и правительства. Из немецких листовок было известно, что Сталин не пожалел даже своего сына, попавшего в плен: отказался обменять его на немецких военных. Т.е. согласился на его смерть. Так что возвращение Красной армии не сулило ничего хорошего мужчинам призывного возраста. И некоторые согласились добровольно поехать на работу в Германию. Для нас было неожиданным, что свое согласие дал лучший друг моего старшего брата Баранов Сергей по прозвищу Буглай. Подробности вербовки я не знал. Но о принудительном угоне наших жителей в Германию в то время я не слышал. Вероятно, принудительно угоняли из лагерей.

Сергей был рослым и здоровым, красивей его не было у нас парней. Когда он плыл, то чуть не до пояса выступал из воды его торс. Это он перед войной построил педальный автомобиль по чертежу Пионерской правды. Трудность представляло крепление коленчатого вала к деревянным колесам, и поэтому мы все гурьбой толкали этот автомобиль по пыльной деревенской дороге. Он же первый прыгнул с крыши своей избы с самодельным парашютом из простыни, а потом долго хромал, повредив ногу при посадке. Было жаль, что он уезжает. И как-то быстро это произошло, что я не успел с ним переговорить. После войны я встретил его в нашей деревне и расспросил, что он делал в Германии. Работал он электриком в сельской местности, лазал по столбам. Однажды упал и повредил себе почки. Рассказывал, что его хозяин в Германии выращивал свиней, резал их, и полностью сдавал государству. Он получал определенный паек, как рабочие и владельцы крупных заводов. Вспомнили мы с ним и брата моего, и педальный автомобиль, и прыжок, и найденный велосипед, который отобрал у него какой-то партизан. Так и не удалось мне на нем покататься. А Сергей вскоре умер: время было голодное.

Пришла весна 1942 года. Трудами старшего брата и матери удалось прокормить корову. Счастливое везение: ее не застрелили на пастбище летом, и теперь она - бесценная кормилица. И, как всегда, мама выкормила красивую телочку и решила отдать ее своей

единственной подруге – Акуленковой Антонине Сергеевне. Ее корову застрелили и увезли еще летом. Это был бесценный подарок. Вторая ее подруга, жена председателя колхоза Якутова, с детьми была уже в лагере, так как муж-коммунист после первых допросов скрылся в лесах. Ее сын Володя и наш Вячеслав работали, чтобы были дрова, сено, солома, ячмень и пр.. Обработывали огороды, садили картофель и помогали другим за пользование лошадьё и делали многое другое, что раньше была заботой отца, а у Сергеевны – дочери Марии.

Наконец дождались весны. Мало осталось лошадей. Но некоторым повезло: поймали брошенных немцами лошадей. Большею частью больных чесоткой и или с ранами на плечах и холках из-за неумелого пользования хомутами. Тут мама давала лекарства и советы, как лечить. Надо отдать должное взаимопомощи и помощи нам не только односельчан, но и жителей других деревень, обслуживаемых ранее отцом: то привезут дров, то сена или соломы, или вспашут и посадят картошку. Все во всех деревнях очень тепло вспоминали Кирилловича.

(Это был результат его работы и его человеческого отношения, спасшего многих от тюрьмы. Ведь падет скотина – отвечай перед НКВД. А много ли надо, чтобы корова не растелилась? Если она с середины зимы не ела сена, а жевала запаренную нарезанную солому, снятую с крыш скотного двора. Многих приходилось подвешивать на веревках, так как встать у них не хватало сил. А пришла весна – выгнали коров на луг к лесу, и массовая болезнь – кровомочка, по-ученому – пироплазмоз. Нужна массовая вакцинация во всех 26-ти колхозах. Как тут успеть одному ветфельдшеру? Вот и приходится начинать прием тех животных, которых привели на ветпункт, с 6-ти часов утра. А тут еще ежедневно жеребят приводят раненых в шею расплодившимися волками. Раны обработать и зашить нужно! А где взять горячей воды? Ни газа, ни электричества. «Мария, где вода? Почему ты не затопила печь, как другие бабы?» Мать разжигает керосинку или керогаз. Спокойно, не реагируя на нервные крики супруга, промывает раны, посыпает их порошком. Затопит печь она в 9 часов, когда супруг запряжет лошадь и уедет в свои многочисленные колхозы. Ни упреки, ни грозные покрики нетерпеливого «руководителя» не выводят ее из состояния делового спокойствия. Она знает, она уверена, что делает все как надо и делает хорошо. И подгонять не нужно, а главное – бесполезно. Но картина эта повторяется без изменений изо дня в день.)

Очередное памятное событие могло закончиться трагично. Покидая место очередного ночлега, немцы оставили за ненадобностью большой автомобильный или танковый аккумулятор, с трещиной корпуса. Мы принесли его домой, собрали осветительную цепь с двенадцативольтовой лампочкой и стали по вечерам включать электрический свет. Яркий, даже чуть голубоватый - не в пример керосиновым лампам - первый в деревне электрический свет! Как это здорово! И читать очень приятно. Но однажды ночью разбудил всех громкий требовательный стук в дверь. Мама вышла в коридор, думая, что это кто-либо из наших деревенских партизан пришел за лекарствами. «Кто там?» В ответ крик на немецком языке. Это уже по моей части. Надо вставать. В трусах и в майке вышел я из спальни к немецкому офицеру, входящему в гостиную комнату с электрическим фонарем в одной руке и пистолетом – в другой. Офицер лучом света провел по комнате, затем осветил меня, перевел луч на большой письменный стол и заорал: «Партизанен! Зи хильфен партизанен!» В лицо мне пахло винным перегаром. Спокойным голосом я разъяснил ему, что у нас принято хлеб хранить на столе, накрыв его холщовым полотенцем. «Видите, здесь лежит не только начатая буханка, но и еще две. Здесь хлеб не

портится». Это его убедило, и он спросил, кто еще есть в доме. Я ответил, что у меня есть еще два брата. «Где они?» Мы вошли в спальню, где на самодельной кровати в покат спали братья. Вячеслав скорчился калачиком, Геннадий безмятежно спал. И тут в луч света попал аккумулятор с проводами. И опять крик: «Партизаны! Радиопередатчик!» - и пистолет опять уткнулся в мою грудь. Я включил электрическую лампочку и объяснил, что это немецкие военные выбросили аккумулятор с трещиной в корпусе, а мы подсоединили лампочку. Он сказал, что это - немецкое имущество и завтра он пришлет солдат, и они заберут аккумулятор.

Конечно, это огорчило меня. Из разговора с немцем я понял, что он заехал на мотоцикле в какую-то яму, и ему нужен староста, чтобы он послал с ним людей или лошадь вытянуть транспорт на шоссе. Он приказал мне идти вперед в дом старосты. Была теплая ночь, на небе ярко горели звезды, но луны не было. По опыту зная, что пьяного не следует нервировать, а мой субъект был не только пьян, но и агрессивен, я не стал одеваться и босиком, в трусах и майке повел его по спящей деревне. Первым шел я, за мной, с пистолетом наготове, офицер, а в нескольких метрах от него шла моя мама. Зачем она шла? Чем она могла бы мне помочь? Но не это меня занимало. Что произойдет через пять минут? И как мне быть, что можно предпринять? Я знал, что каждый день к старосте еще с вечера кто-нибудь из наших деревенских партизан приходит. И встречи всегда сопровождаются выпивками.

Вот и его дом. В окне горит свет. Значит там партизаны, как всегда. Немец заставит идти первым. Значит, нужно будет перед дверью ускорить ход, быстро открыть дверь, войти и захлопнуть ее перед носом офицера. И в сторону от двери, так как начнут стрелять и убить могут. Так и делаю. Вскрываю в избу и - чудо: староста один и снимает сапоги. «Вот староста!» Сидор говорит по-немецки. Скорей домой. Но на утро аккумулятор у нас все же отобрали.

Отцвели вишни в нашем саду. Их заросли простирались узкой полосой от верха до низа нашего огорода. Вот в этих зарослях, подальше от дома, и вырыли мы в первый месяц войны противоздушную щель. Чтобы самолеты нас не заметили. Немецкие самолеты таки нас и не замечали - летали на восток, в сторону Брянска. Думали, что пригодится, когда наша авиация будет бомбить немцев. Но щель не пригодилась.

В темную весеннюю ночь нас разбудили автоматные очереди, доносившиеся со стороны, где была расположена деревня Буда, в двух – трех километрах от нас. Мы всей семьей вышли из дома в сад. С тревогой смотрели мы в ту сторону. Вскорости выстрелы прекратились, но все больше и больше разгоралось зарево, а затем и пламя пожара. Сомнений не было – горела деревня Буда. Мы продолжали стоять в полной растерянности: что делать, куда бежать? В лес? Но в той стороне сейчас немцы. Наконец, в предрассветной мгле на склоне противоположного пригорка показались темные фигурки немцев, цепью приближавшихся к нашей деревне. Куда спрятаться? «В щель» - сказала мама. - В зарослях нас, может быть, не найдут». «Но если увидят нас в окопе, то сразу же расстреляют, - возразил я. - Лучше всего сесть на скамеечки крыльца дома и смотреть, как они приближаются к нам. А там пусть будет, что будет».

Так мы и поступили. Совсем рассвело, когда по команде, не доходя до крайних домов нашей улицы, цепь автоматчиков перестроилась в колонну по четыре. На центральной улице, напротив нашего дома, колона остановилась, как бы ожидая очередной команды. Всей семьей сидели мы на крыльце и с тревогой смотрели: что же будет дальше? Но раздалась команда – марш! И каратели покинули нашу деревню. Что

испытали мы? Чувство страха? Наверное, да. Но не того страха, при котором плохо соображая, бегут куда глаза глядят, лишь бы подальше от той опасности, которая собирается отнять твою жизнь. Нет, мы испытывали чувство незащитности перед надвигавшейся на нас цепью автоматчиков. Обреченности, что у нас нет способа и средств оказать сопротивление.

Однако лично я, во все время войны, во всех критических ситуациях, считал: что записано в книге Судеб - то и сбудется. И ни один волос не упадет с головы, если это не предопределено. В то время я не знал сути христианского учения, хотя хотел узнать, почему в некоторых книгах говорится о какой-то большой его роли в жизни людей и народов. Позже много читал о материалистическом толковании мироустройства и делал сообщения и лекции на эту тему. И когда представилась возможность прослушать лекции американского проповедника в Донецке, то я не пропустил ни одной, хотя это проводилось каждый день после работы, и в течение двух месяцев. За аккуратное посещение я и моя Владлена получили каждый по экземпляру Библии. Теперь я верю, что все в руке Божьей. И раньше, получается, я верил в судьбу, данную мне Господом.

Стало ясно, что каратели не на шутку взялись за уничтожение не только партизан, но и мирного населения, которое всегда будет крайним и виновным как перед немцами, так и перед партизанами. Так как первые существуют за счет населения, а вторые, уничтожая это население, бьют по партизанам. Вот и в деревне Буда кто-то донес немцам, что на их кладбище выдернули кресты, разобрали каски и нагадили на могилы. Так ли это было на самом деле – не знаю, но каратели ночью окружили только часть деревни - Гору, что ближе к деревне Сетенка. Всех, кто там был, согнали на центральную усадьбу. Затем отделили всех мужчин, от младенца до седого старика, и вывели их за околицу. Скомандовали – ложись. Один сухорукий стал показывать больные руки, причитая при этом, что он не партизан. Один каратель ударил его сапогом в зад, а второй вдогонку - прикладом автомата. Сухорукий понял, что остался жив.

Рядом с каждым лежащим встал каратель. По команде офицера они выстрелили, каждый в свою жертву. Вблизи стоящие женщины взвыли, запричитали. Некоторые женщины бросились к расстрелянным сыновьям и детям. Но на их вой и причитания немцы не реагировали. По команде они вернулись в деревню и сожгли дома части деревни Сетенка. Когда каратели удалились, то выяснилось, что двое мужчин осталось живыми. Двое солдат, рискуя жизнью, выстрелили мимо живой цели. Они не захотели убивать стариков и детей.

Сегодня каратели выполнили свое задание, но кому уготовлена такая же судьба завтра? Ведь и мы подкармливаем партизан, и у нас некоторые молодые парни ушли в лес. Может быть, сегодня каратели устали и операцию отложили на завтра? Но не такая наша мать-полячка, чтобы надеяться на русский авось. Не первый раз она принимает кардинальное решение, не советуясь ни с кем. Как уберечь детей? Партизаны не защитят, немцы тоже. Жизнь в деревне не гарантирована. Отправить к партизанам? Но им не нужны лишние едоки – самим много надо! Немцам же все равно, где мы будем жить. И немцы сейчас - более надежная защита, чем партизаны. Значит, нужно отправлять детей в Дубровку, куда партизаны смогут прийти разве после освобождения района от оккупантов.

Уже на следующий день мать договаривается с ветеринарным врачом – нашим знакомым, только что приглашенным администрацией района на работу в районной лечебнице. И к вечеру мы уже были там. С собой мать дала нам корову, сундук и

постельные принадлежности. Мама осталась одна обрабатывать немалый огород - 25 соток, несмотря на опасность. Нужно было продолжать работать, чтобы кормить семью.

Не прошло и несколько недель, как к вечеру в деревню подъехали двое незнакомых нам партизан - добыть чего-либо - и видят, как по барской дороге спускается колонна фрицев - на отдых, после ожесточенных боев под Сухиничами. Зная, что дорога к лесу поворачивает через 50 метров, один из них выстрелил в колонну и попал в солдата. Не успели немцы опомниться, как лихие наши воины вскочили на лошадей и скрылись за поворотом.

Строй нарушился: кто-то стал помогать раненому, а самые расторопные бросились догонять конных врагов. Дорога под горой нашего дома была на подъем, и ноги их вязли в сыпучем песке. Преследователи пробежали мимо нашего дома, но уже в следующий дом вбежал немец, невменяемый от ярости, видимо, друг погибшего солдата, увидел Анотонину Сергеевну Акуленкову и ее сына Владимира – друга моего брата. Пистолет немец направил на 17-тилетнего парня, но мать старалась прикрыть сына телом. Немец оттолкнул ее в сторону и выстрелил. И Владимир погиб.

Те немцы выжили на фронте. Они думали, что теперь отдохнут, и какая-то сволочь выстрелила и убежала. Не обидно было бы, если бы этот партизан стрелял бы еще и еще, а такая возможность была, если встретить их вне деревни. Ведь даже отпетому негодяю понятно, что плата за одного убитого будет несоразмерной. И, действительно, 12 человек были убиты и многие были ранены взбешенными немцами, которые бежали и бежали, пока хватало сил, стреляя встречных мужчин и бросая гранаты в погреба, куда многие успели спрятаться.

Видимо наша мама молилась Богородице – своей Матке Боске: ведь стреляли от нашего дома, и наш дом был первым, а мы остались целы! Хотя я никогда не слышал ее молитв.

В это время у меня появилось много свободного времени. Делать в Дубровке было нечего, и я погрузился в чтение всего, что попадало мне в руки. К осени я познакомился с двумя мальчиками моего возраста, и у них были полные собрания сочинений, прилагаемые к тем или иным газетам. Впервые я узнал, что есть такая игра - шахматы. Друзья рассказали мне о сути и о правилах игры, и она меня захватила за душу. Но сколько бы я ни играл в ту пору – всегда получал мат. Это меня не устраивало. Ведь я всегда помнил и верил в то, о чем сказал в Рябчинской школе хороший, но очень нервный учитель математики: «Вот он, – и он показал классу на меня, – всегда будет первым, где бы он ни учился!»

Я стал очень ответственно относиться к игре и через короткое время стал обыгрывать приятелей. Игра затягивалась, я обдумывал свои ходы и - выигрывал. Это стало их злить, они предлагали играть еще и еще. Но мне было достаточно достигнутого уровня, меня больше интересовали новые книги. Я потерял к шахматам интерес, хотя и прочитал кое-какие книги о дебюте и эндшпиле. К тому же с октября мы узнали, что администрация разрешила открыть школу, и я поступил в 8-ой класс. Историю и советскую литературу нам не преподавали.

Все лето мама работала одна и не разрешала нам к ней приезжать. Урожай с огорода привозили в Дубровку знакомые или попутно, или мать просила кого - либо. Но рассчитывать было нечем. Односельчане или крестьяне других деревень делали одолжение из уважения к отцу и матери.

Пришел сентябрь, заканчивали уборку урожая. Мама картошку выкопала и основную массу переправила к нам. Оставались еще какие-то дела. Обстановка накалялась. Карательные операции активизировались. Немецкое командование поставило своей целью обезопасить свой тыл, свои коммуникации. Для этого следовало лишить партизан продуктов питания и подключить определенную часть населения к совместной борьбе против партизан. В июле каратели приказали всем мужчинам и мальчикам северной части деревни Рябчи собраться у шоссе напротив деревни Сусняга. Мужчины погнали коров в сторону деревни Любимовка, а мальчишек всех переписали и посадили на землю, у шоссе. Мужчины вернулись только на следующий день, а детям приказали идти домой. Они рассказывали потом, что очень боялись, что немцы их расстреляют. А те – дали несколько автоматных очередей, но не прицельно, так что никто не пострадал. Каратели при этом весело хохотали.

Около шоссе, в деревне Сусняг, стояли орудия 120-ти или 152-х дюймовые. Они сделали три или четыре выстрела по нашей церкви и разрушили колокольню, которую могли использовать партизаны для раннего оповещения о приближении карательного отряда немцев.

В это время среди молодежи появились желающие поступить в полицаи, но таких были единицы. В полицию вступали большей частью в Дубровке и в деревнях около нее. Тогда немцы решили насильно использовать мужчин против партизан. По разнарядке старосты каждый день по 10 -12 человек должны были охранять от партизан деревянный мостик на шоссе у деревни Сусняг. Для этого им выдавали на время дежурства винтовки. Здесь же дежурили и немцы числом не более десяти. Был у них и дзот с деревянным потолочным перекрытием.

Мать вырыла картофель, убрала капусту и свеклу и все это перевезла к нам в Дубровку. Хотелось еще перевезти кое-что из вещей, постельные принадлежности, так как все будет потеряно, когда она уедет из дома.

Наступил сентябрь. Холодный, неприветливый. Темной ночью 25-го сентября партизаны на подводах въехали в нашу деревню, направив главную огневую мощь на мостик, что на шоссе через речушку Хаперенку. От этой стрельбы проснулись жители. Вслед за боевыми силами в деревню въехали подводы. Но то ли мощь была не велика, то ли партизаны близко не подошли к этому мостику, только мостик уцелел, и ни одного немца убить им не удалось. Партизанам помогали также жители лесных деревень, в том числе – женщины. Рассказывали, что они поймали кого-то из полицаев. В деревне были убиты двенадцать человек, в том числе женщина с ребенком, так как ее муж служил в полиции в Дубровке, семидесятилетний старик, женщина, которая проклинала их за то, что они забрали корову...

Деревня Рябчи большая, и всюду куда-то постреливали и тащили из изб приглянувшиеся вещи, грузили их на телеги, а дома поджигали. Большинство убитых были жителями деревни. После войны писали, что и колокольню в церкви партизаны разрушили из орудия сорок пятого калибра, а убитых полицаев и их приспешников было несколько десятков. Кроме того, в деревне Пеклино партизаны будто бы освободили пятьсот военнопленных поляков и др. Еще в советские времена со мной беседовал Иосиф Ефимович Сергеев, цитируя брошюру об этом подвиге и комментируя события в соответствии с тем, что было в действительности. Его сын, Леонид, участник Отечественной войны, тоже переживший это наступление, рассказал, как это было в их доме и в их семье.

Рассказ о знаменитой операции партизан 25 сентября 1942 года.

Леониду Иосифовичу Сергееву в тот год исполнилось 17 лет. Отец его Осип Ефимович был уважаемым, грамотным человеком и талантливым столяром. Семья его состояла из 14 человек, из которых детей было 11. Старшим и был Леонид. Дом их стоял на том же месте, где и теперь стоит - на правой стороне речушки Хаперенка у самого склона глубокого оврага. На противоположной стороне оврага стоят более многочисленные избы деревни, а далее вдоль оврага до самого шоссе - избы деревни Сусняг. Под прямым углом к этим частям деревни Рябчи, за большим фруктовым садом вдоль оврага реки Белизны - со стороны деревни Пеклино - стоят избы Зарощи. С северной стороны озера разместились церковь и дома бывших священнослужителей – попов. Поэтому эта часть была названа Поповкой. Только пешеходная тропа вниз через приток реки Белизна – Свинку, а затем дорога от кладбища соединяют Поповку с деревней Чет. За озером, на юго-западной стороне, расположилось основное количество домов – это Заозеро. Теперь, когда я привел эти справочные данные, можно привести рассказ о знаменитой операции, гордости партизанского отряда нашей местности.

В память об этих «героических» днях в 2008 году у дома культуры был привезен и положен на газон камень, на котором было написано краской, что здесь будет воздвигнут памятник, посвященный этому штурму. Леонид мне сказал, что когда он проходит в магазин мимо этого камня, ему хочется остановиться и пописать на этот камень. Вот его рассказ.

«Отец проснулся от выстрелов со стороны Зарощи и Поповки. Вышел из дома и увидел там зарево пожаров. Стреляли партизаны - кто куда. Но ответного огня не было, так как не было противника, кроме тех десяти немцев у мостика. Наши мужички – охранники разбежались по домам, как только заслышали первые выстрелы партизан. Хотя дома горели от нас далеко, мы стали выносить вещи: какие в сад, а какие в погреб. Мало ли что будет? Вскоре к нашему дому подъехали двое партизан, и, матерно обругав наших женщин как немецких проституток, приказали выходить из хаты. А в хате были только бабушка и мать. Мать взяла самовар, чтобы вынести в сад, так как соседний дом уже подожгли. Партизан заорал, чтобы ничего не брали, и выстрелил в мать. Разрывная пуля пробила самовар, но мать осталась жива. Еще до прихода партизан все дети спрятались в погреб, а отец с меньшим моим братом - в крапиву, недалеко от бани. «Кто в погребе – выходи! А не то гранату брошу!» Все вылезли, а я - подросток 17-ти лет - побоялся, что расстреляют, и остался в погребе. Но соображал, что если бросят гранату, то нужно спрятаться на краю за бурт картошки.

Избу подожгли, несмотря на такое число детей. Загорелся и легкий придел – сенцы, где был погреб. В погреб уже были засыпаны картошка и другие овощи, и воздуха мне не хватало. На мое счастье, в крышке погреба была небольшая дыра. Я расковырял ее побольше и к ней прижался, чтобы дышать. Один партизан кричит через овраг, видимо, своему командиру: «А баню поджигать»? «Поджигай!» – в ответ. Как он не заметил отца и брата в крапиве у бани? То ли еще не совсем рассвело, то ли Бог помог. Двое спешили: дело сделано, все горит, нужно успеть сжечь другие дома. Не дай Бог, каратели из Дубровки или Пеклино подъедут. Как только они ушли, мои родители стали заливать рухнувшие доски придела, чтобы я не сгорел и не задохнулся.

А вот рассказ моей матери об этом событии в нашей части деревни Рябчи - Заозеро.

«Как только услышала стрельбу, то поспешила одеться потеплее, так как зарево пожара, недалеко от нас, не предвещало ничего хорошего. Вооруженные мужики и бабы ворвались в дом, матерясь на все лады. Скомандовали – выходи! И здесь один из них заметил, что я в хромовых сапогах, которые мой Филя купил мне перед самой войной. «А ну, курва, так твою перетак, снимай сапоги!» «Да что вы, ребята! Мой муж воюет, а вы сапоги снимаете!» «Снимай или пристрелю! Бабы! Выноси на подводы все, что есть. Иван, поджигай дом и сараи». Сгорели вещи, документы, в том числе и адрес нашего солдата, которого мы лечили и не вылечили. Так и не запомнили его фамилию. После этого события мы до 1945 года не были в нашем селе».

В сентябре наша семья собралась вместе в доме районной ветеринарной лечебницы. Жилой дом был разделен на две половины. В большей части дома жил наш знакомый ветврач Антон Данилович с женой Людой и только что народившейся девочкой, а в меньшей части дома – санитар пенсионного возраста с женой – старушкой. С Антоном Даниловичем мы познакомились в нашем селе перед началом войны, так как он бывал у нас в доме. Теперь он был главным врачом ветеринарной лечебницы. Это был красивый стройный мужчина 27-35 лет, с открытым лицом и спокойным характером. Жена была моложе его, полная, с круглым лицом, прямыми светлыми волосами и, большей частью, недовольным выражением лица. Походка у нее была тяжелая, как у многих толстых женщин, и когда она проходила, то доски пола скрипели. Она всегда начинала ссору с мужем из-за какого-либо пустяка. Эти ссоры мне очень не нравились, и я сочувствовал ее мужу.

Квартира у нас была общая: нас поселили в одной довольно большой комнате, а две другие занимала семья врача. Было большим счастьем, что судьба нас свела в это опасное время, и они оказались очень хорошими людьми. Отношения между нашими семьями были настолько дружественными, что мы питались совместно. Врач получал паек от администрации района, а мы делились молоком и салом. Он добился, чтобы маму приняли на работу к нему в лечебницу, в качестве санитара, хотя у него уже санитаром работал сосед по квартире. Работа эта была такова, что и придумать хуже - не придумаешь. Лечить животных приводили с традиционными болезнями, когда необходимо было резать, промывать, обрабатывать раны и т.д., но больше всего приводили лошадей, пораженных чесоткой. Во время войны эта болезнь распространилась повсеместно, и не только среди животных, но и людей. Как правило, чаще всего поражалось все тело до самой головы. Лечение заключалось в окуривании всей лошади, кроме головы, едким дымом сожженной серы. Кажется, называется это сернистым ангидридом. Лошадь заводят в газокамеру, голову изолируют от камеры, санитар заходит в камеру и поджигает серу. Через определенное время он должен войти в камеру, вынести ведро с горячей серой, зайти опять, освободить лошадь от привязи и вывести ее из камеры. Не ожидая, пока проветрится камера, заводят следующую лошадь. Санитар отравляется газом, появляется кашель и поражаются легкие. У мамы на всю жизнь остались последствия этого отравления. Но в то время другого способа получить паек не было. Паек был мизерный, и мой брат Вячеслав вынужден был тоже пойти работать – привозить почту из Жуковки на попутных товарных поездах, идущих порожняком или с грузами для немецкой армии. Нужно было ждать такой поезд, на котором можно было бы сесть в тамбуре или на платформу, но так, чтобы охрана не увидела. Конечно, у него был пропуск, но немцы могли с ним и не считаться. Однажды он попал под интенсивную бомбежку станции Жуковка нашей авиацией, но остался жив.

Вячеслав здорово повзрослел и честно выполнял наказ отца – заботиться обо всей семье. Помимо того, что его работа давала ему паек, она избавляла его от работы в полиции, а мне давала возможность в большом объеме читать многие газеты и другую литературу, которые развенчивали мифы о великом кормчме, индустриализации, коллективизации, могучей и непобедимой армии и пр. Неудивительно поэтому, что наши правители во время войны постарались перемолоть как можно больше тех, которые имели возможность узнать правду о них и их деяниях, а после войны ввели особые паспорта для жителей, побывавших в оккупации.

Этим же летом нас - будущих учеников восьмого класса, пригласили в управу и дали указание приходить на какой-то двор, где были лошади и сельхозинвентарь. Мы должны были боронить поля. И порядки там были колхозные: кто приходил раньше, тому доставалась хорошая упряжь, а запоздаешь – ни хомута нормального, ни черезседельника не найдешь. Через несколько дней меня и моего друга Шурика Стиплина «бросили», как грамотных, на замер обработанных полей. Пришлось применить теоретические знания по геометрии. В Рябчинской школе никаких практических работ не приходилось делать ни по одному предмету: ни по химии, ни по физике. Отсюда мой нигилизм – зачем нужны учителя? Были бы хорошие учебники. Но наши трудовые подвиги вскоре прекратились, так как администрация разрешила открыть Дубровскую среднюю школу с прежними учителями, запретив преподавать историю. Мы почти закончили учебный год и сдали экзамены, или нам выставили отметки без экзаменов, так как почти всех учителей немцы арестовали и расстреляли. Последнее обстоятельство сослужило нам хорошую службу. После освобождения возникла проблема: можно ли засчитать учебный год и полученные знания в условиях оккупации, или их следует исключить - как бы их и не было? Вот тут-то нам и повезло, что наших учителей расстреляли! Было бы счастье, да несчастье помогло - правильная поговорка. Год учебы нам засчитали, так как нас учили правильно, за что немцы учителей и расстреляли.

В этот период времени я много читал, так как увеличилась возможность достать книги разных авторов. Особо понравившиеся места или книги я любил читать всем, кто соглашался слушать. Приставал к своим, чтобы послушали ту или другую часть из «Мертвых душ», произведений раннего Горького, Белинского. Вслух читал произведения Диккенса, Марка Твена, Жуль Верна и многих других авторов. Чехов мне не понравился: уж очень занудную жизнь он описывает. «Войну и мир» я читал, пропуская рассуждения о роли личности в описываемых событиях. И в условиях войны мне не хотелось читать о войне. Устал я от нее. Закончится война - и только тогда мне будет интересно узнать, как это было там, где меня не было. И как появился тот патриотизм, например, в Сталинграде, который в моей жизни мне так и не удалось встретить. Впервые из произведения Некрасова «В окопах Сталинграда» мне стали известны истоки нашей стойкости и отваги, которыми так гордятся наши теперешние руководители. А позже - из книги В. Астафьева «Прокляты и убиты».

Для нас 1942 год закончился более или менее спокойно. Конечно, волновались, когда Вячеслав уезжал в Жуковку за почтой. Бродить около военных эшелонов в военное время было очень небезопасно. Кроме того, по ночам стали пробираться к сещенском аэродрому на большой высоте редкие наши бомбардировщики. Почему пробираться? Как только они появлялись над Дубровкой, с сещинского аэродрома поднимался в темное небо десяток светящихся лучей. И в месте их пересечения появлялся светлый силуэт маленького самолета. И как только около него вспыхивали разрывы снарядов, самолет

сразу же нырял вниз с разворотом назад. Затем слышались взрывы авиабомб, сброшенных куда придется, и гул возвращающегося самолета затихал на востоке.

Из листовок мы узнали об окружении немцев и пленении ста тысяч под Сталинградом. Только теперь появилась надежда, что отец вернется, а немцев погонят назад. Но после разгрома наших войск летом на южном фронте было и противоположное предположение. Нам и соседям по квартире – двум старичкам – украинцам, ждавшим с фронта своего сына, хотелось, конечно, чтобы наша победа в войне пришла побыстрее, но нашему доброму врачу она принесла бы с собой большие неприятности и, возможно, несвободу. Это понимал и он, и мы. Хотя он работал не на немцев, а для нашего населения, он, зная повадки наших правителей и тов. Сталина, не питал никаких иллюзий и был уверен, что вину ему найдут и накажут.

Утром, идя в школу по улице им. Ленина, я иногда видел недалеко от дороги, под горой в стороне винного завода, трупы убитых ночью людей. Одетые в фуфайки, лежали они, никому неизвестные.

Приходила ночь, и опять слышался гул приближающегося самолета. Вся наша семья спешила под пол – в погреб, так как бомбили большей частью не Сещу, а Дубровку. Половицы над погребом поднимали, когда самолет приближался, и укладывали на место – когда самолет удалялся, выполнив или не выполнив задание. Но через час вновь слышался гул очередного самолета, и вновь все ныряли в погреб. Я или наблюдал за попыткой бомбить аэродром, или продолжал спать, или лежать на своей кровати. Мама беспокоилась и призывала меня последовать за ними в погреб. Но я говорил, что в меня не попадут. Но когда интервалы между попытками приблизиться к аэродрому уменьшились, мои решили проем в погреб не закрывать. Кончилось это тем, чем и должно было закончиться. Мама встала ночью, не включая свет. Про открытый проем она забыла и провалилась в него, больно ударившись грудью. Видимо, она поломала ребра, но рентгена не было, чтобы установить диагноз. Грудь болела несколько месяцев. Но после этого никто не прятался в погребе.

Помню, как мы - обе семьи - завтракали вместе. Мама поджаривала сало с мукой и сметаной, чтобы было побольше. И все макали блины в эту муковню. Однажды Геннадий сказал что-то не то, и Вячеслав треснул его деревянной ложкой по лбу. Ни мама, ни я не возмутились и не сделали никакого замечания, признавая его правоту и верховенство. Но и он не стал читать Геннадию нотаций. Чувствовалось его забота обо всей семье и его ответственность. Не будь у нас старшего брата, нам пришлось бы туго. Сало мама расходовала так экономно, что мы ели его с августа сорок первого года до середины сорок третьего. Но больше всего выручала нашу семью и семью врача корова.

Насколько велики были силы, брошенные немцами и нашими в бои под Курском и Белгородом, мы ощутили, наблюдая за сещинским аэродромом. Мощный гул сотен самолетов за восемнадцать километров от нас предвещал взлет и построение немецкой армады в большую, невиданную ранее стаю. Самолеты, взлетевшие первыми, шли по большому кругу, ожидая всех остальных. Затем они улетали на восток. Теперь и наша авиация стала прорываться днем на небольшой высоте и бомбить. После нескольких минут грохота разрывов бомб и выстрелов по самолетам, мы наблюдали дым на аэродроме – значит, были удачные попадания.

В первые дни войны я видел, насколько неэффективными были наши зенитки, и думал, что зенитная оборона вообще не эффективна, и ничего самолетам она сделать не может. Но прошло два года, и мне пришлось убедиться в несостоятельности такой оценки.

Шло Курское сражение. На сещенском аэродроме базировались сотни немецких бомбардировщиков. Тучами кружились они над нами, собираясь в стаю в сотню и более самолетов, и шли на восток. Однажды, под вечер, в ясный весенний день налетели наши двухмоторные скоростные бомбардировщики и бомбили аэродром. И загорелось что-то. Стали возвращаться в нашем направлении. Вот первый уже над Дубровкой (18 км), над нами. И вдруг на фюзеляже первого самолета что-то заблестело, заискрилось, и самолет задымился и упал. За ним второй, третий, и, наконец, двенадцатый разбился уже за Дубровкой. Говорили, что командиром был Герой советского Союза, и немцы с почестями его похоронили.

Мой юный оптимизм позволял мне всю войну верить, что наши бомбы и пули меня не убьют. Другое дело – немецкие.

Закончилась Курская битва, и улетели армады юнкерсов и хайнкелей, и все ближе фронт, и опять каждую ночь слышался характерный рокот приближающегося на небольшой высоте самолета У-2 (летающей этажерки). Здесь цели были менее значительны, такие, как наш райцентр, а опасность для нас - более реальной. Зажигалась осветительная бомба на парашюте, затихал звук мотора: значит, сейчас сбросят бомбу или гранату. Не успеешь заснуть, как опять слышен несолидный рокот приближающейся этажерки.

За всю войну мне не довелось увидеть ни в воздухе, ни на земле нашу детскую гордость: тяжелые четырехмоторные бомбардировщики ТБ-3. Почти все они погибли на земле в первый день войны, как и тысячи других, на полевых аэродромах у западной границы. Узнал я об этом из воспоминаний одного военного летчика, рассказавшего об истории и пути первых летающих танков – ИЛ-2в книге Емельяненко «В военном воздухе суровом». Он рассказал, что первая партия самолетов ИЛ-2 в количестве 90 штук уже была изготовлена к началу войны. Но при приемке опытных образцов маршал Ворошилов, узнав, что его потолок порядка двух километров, приказал: в серийном самолете для увеличения высоты уменьшить его вес, для чего - убрать стрелка.

В первые дни войны этому соединению было приказано перебазироваться в Оршу, так как для авиационной разведки не было самолетов, и командование не знало, где проходит линия фронта. В первый же полет без сопровождения истребителей (их не было) летчики на бреющем полете с удивлением увидели, что немецкие колонны бронемашин без помех переправляются через Березину! Между прочим, при перелете из Харькова до Орши не долетели десятки самолетов по разным причинам: бензобаки были разной емкости и др. Два самолета сделали вынужденную посадку на пашню за шоссе у деревни Сусняг. И мы, мальчишки, прибежали и увидели моноплан с острым носом, у которого погнулись лопасти пропеллера. Самолеты нам очень понравились.

Но плачевна была судьба первых ИЛ-2: их расстреливали мессершмидты, заходя к ним сзади и с боков. Патриотизм мой, вера в наше могущество, мудрость товарища Сталина и первого маршала – Ворошилова тогда только начала таять. Каждый день бегал я, четырнадцатилетний мальчик, в сельский совет, чтобы из газет узнать об обещанной победе в три дня, узнать, где фронт, и как насчет выполнения обещания бить врага на его территории. Но не было ответа...

Было позорное невнятное бляение об упорных боях, о внезапности удара подлого врага, и «точное» указание о направлении удара и, конечно, о колоссальных потерях противника. А через месяц мы поили молоком усталых солдат у нас, в сотнях километрах от фронта. И не было среди них командиров (оказались изменниками), и шли

они без оружия. Рассказывали нам удивительные вещи: все командиры – предатели, винтовок нет, пулемет взяли в музей, а у него ствол просверлен и т.д. Шли они группами человек по двадцать – тридцать.

Заканчивая воспоминания, связанные с аэродромом и самолетами: я рано понял, что целью мифов, вбитых в наши головы в школе, через газеты и доклады, было воспитать патриотов, которым не жаль и жизнь отдать за Родину, за Партию в лице первых ее руководителей, таких мудрых, которых свет не видел. Мы верили в детстве, что нет лучше наших бомбардировщиков ТБ-3, которые, как уверяли нас взрослые, закончат войну с агрессором в три дня. Позже я видел беспомощность случайно уцелевших ТБ-3 в кинофильме «Живые и мертвые». Большие и тихоходные, без прикрытия истребителями, становились они легкой добычей быстрых мессершмидтов.

Итак, осенью 1942 года я и Геннадий пошли в Дубровскую среднюю школу. Вячеслав, раз или два в неделю, добирался на товарниках до станции Жуковка, получал корреспонденцию из Брянска, газеты, и, с опасностью для жизни, возвращался домой, за что получал какой-то паек. Мать тоже трудилась на ветеринарной лечебнице.

Я все еще смотрел в небо, на облака и мысленно смело летал на моем бесшумном, не требующем топлива, самолете. Небо всегда было разным и красивым. Наверное, этот взгляд в небо питал мой оптимизм и воспитывал смелость. (С другой стороны, мне за всю мою жизнь не довелось найти на дороге ни кошелька, ни даже денег. Однажды, в Донецке, в воскресный день, я не взял с собой деньги, и заплатить за проезд в двух трамваях, от Путиловки до Боссе, было нечем. Я решил: пойду пешком, пока не найду три копейки. Был праздничный день и много людей. Но сколько я ни смотрел на дорогу, так ничего и не нашел, пройдя весь путь в двадцать километров. А смелость во время войны подтверждена была и в мирное время: ночью приходилось ходить по городу с ножом в Красноярске, когда в 1951 году хлынул поток заключенных, выпущенных на свободу. Они грабили и убивали людей от Норильска до Москвы. И еще факт: однажды я летел в самолете и заметил, что из одного люка вырывается топливо. Когда стюардесса проходила мимо меня, я показал ей на это и сказал, чтобы летчики при заходе на посадку не наклоняли это крыло, так как топливо попадет на выхлоп турбины. Пришел летчик, посмотрел на крыло, кивнул мне, и полет закончился благополучно. Мой друг после этого случая не хотел летать, предпочитая ездить на поезде.)

В свободное от учебы время я все более посвящал себя чтению литературы: художественной, технической, о жизни замечательных людей, исторической, приключенческой и др. Для другой деятельности - было жаль времени. И не покидала меня мысль – стать писателем, а для этого критически и самостоятельно оценивать жизнь простых людей, действия власти, пытаться определять истинные мотивы поступков и т.д.

Какова же была обстановка в нашем поселке? Немцев было мало. Их можно было увидеть на дорогах при въездах в поселок и на вокзале. Где у них была комендатура - я не знал. На моих маршрутах в школу и к друзьям - их не было. Была наша администрация. Предприятия не работали. Магазинов я не помню, был базар, где обменивали один товар на другой. Но уже не перехватывали на подходах к базару любители кур. Они исчезли еще до нашего переезда в Дубровку, в сорок первом. Говорят, что было расстреляно или отправлено в лагерь все наше еврейское население. Это было человек триста. До оккупации они были парикмахерами, сапожниками, портными и руководителями всех учреждений, в том числе и НКВД.

Мой друг Саша Стиплин написал сочинение на свободную тему, где он описывал, как гнали немцы прекрасную девушку на расстрел. Возможно, он видел, как это было. Написал хорошо. Саша был тоже отличником и моим конкурентом за лидерство в классе. Он был единственным сыном у матери. Отца не было. Мать его мне очень нравилась. Это была красивая, лет сорока, женщина, с пышной копной волос, веселая и общительная. Ей нравилась, что ее сын подружился со мной.

Еще я познакомился с двумя братьями по фамилии Кубекины, жившими без родителей. Старший - Анатолий, мой ровесник, был серьезным мастеровым, кормильцем своего младшего брата Виктора. Не имея ни от кого помощи, зарабатывал на хлеб свой насущный изготовлением ведер, их починкой, ремонтом замков, примусов, изготовлением буржеек. Рассчитывались за работу, как правило, натурой – продуктами. Причем, никакой паники или жалоб от него я не слышал. Мама посылала им то молочка, то блинов. Блины у нас были каждый день. Я не помню, чтобы мы покупали хлеб. Паек работавшим давали мукой. На вес золота была соль. Городские жители носили по домам и на базар подержанные вещи, чтобы поменять на продукты питания.

Старший брат был занят на работе. Геннадий дружил со мной, мы вместе ходили в школу: я в 8-ый, а он в - 6-ой класс. Поселок был многолюдным - население пополнилось такими же, как мы, приезжими из деревень. Интенсивно работала железная дорога: везли вооружение, боеприпасы, топливо, войска. По ночам гудели одиночные самолеты У -2, но никто уже не прятался в подвалы и погреба. И это не мешало мне и моим друзьям по вечерам заходить к нашим одноклассникам. Мне нравилась серьезная, немногословная девушка с темными волосами и карими глазами. Но эта девушка была не первой, которой я очень симпатизировал. Первой была дочь того фельдшера в Рябчах по фамилии Портнов, который отказался перевязывать наших раненных. Отличница в 7-ом классе, как и я, красивая и гордая, мне она очень нравилась, но показать это было бы ошибкой. В те времена любовь в 14 лет была бы осмеяна. «Тили- тили тесто, жених и невеста!» Да и позже, в институте, жениться могли себе позволить фронтовики, а не мы, салаги 18-20 лет. Я женился, когда мне исполнилось 22 года, и нужно было разъезжаться на работу по назначению.

Пришла весна, но с месяц мы не доучились, так как наших учителей арестовало гестапо.

Результаты обороны сецинского аэродрома я уже описал ранее. Помимо них разлагали нас, городских жителей, газеты. Мы узнали многое из того, что жители свободных территорий еще долго – многие десятилетия - не будут знать: о Катыхни, об убийствах соратников Сталина, (например, Фрунзе), о коллективизации, индустриализации, о концентрационных лагерях... Население оккупированных районов уже было настроено против коммунистической власти. Например, говорили, что под Москвой и Сталинградом Жуков обещал, что колхозов больше не будет...

Еще помню, что по Дубровке часто маршировала рота азербайджанцев в форме РОА. Что они делали, я не знаю. Маршировали они под одну и ту же песню: «Кавказус дол ларус чача ли Хасан, Кавказус дол ларус чача ли Хасан! Ау види щордэ Айзербайджан!» Были слухи, что всех украинцев-военнопленных отпустили по домам. Но, будучи в Украине, этот слух я не проверял. Может быть, отпустили тех военнопленных, кто согласен был воевать с немцами?

В середине сентября 1943 года наши прорвали фронт на северном направлении и неожиданно для нас, и, наверное, для немцев, мы услышали взрывы и звуки

приближающего к нам фронта. Это были не сплошной грохот и шум, а отдельные взрывы, пролеты, без стрельбы над нами, штурмовиков Ил-2 без сколько-либо больших перемещений войск. Как это было при прорыве нашего фронта под Смоленском, так теперь при прорыве немецкого фронта. Распространился слух, что немцы будут выселять все население и угонять на запад. Конечно, своим ходом! Ужас, да и только! Но пока ничто не предвещало, что уже завтра будет все не так, как сегодня.

Наш дом располагался почти на самой нижней отметке низины вдоль небольшой речушки – притока реки Десна. Выше метров двести-триста по речушке была плотина, благодаря которой образовалось озеро. Мимо озера шла дорога из Дубровки в деревню Давыдичи, а дальше - до деревни Алешня, что располагалась на шоссе Брянск – Смоленск. Дорога от плотины шла круто в гору. Под вечер солнечного сентябрьского дня, где-то на востоке, послышались крики: «Ура!», производимые тонкими, жидкими голосами, похожими на детские во время военизированных игр, практиковавшихся в школах. В ответ: стрельба из стрелкового оружия. И тишина. Заходящее осеннее солнце освещало всю долину и нас, обитателей дома, с беспокойством ожидавших, что произойдет дальше.

И вдруг просвистели пули, срезая ветви и листья на березах, над нашими головами. Немецкая пулеметная очередь напомнила нам, что радоваться еще рано. Стреляли напротив пригорка от деревни Давыдичи. Как стая куропаток, вспугнутая выстрелом, мы бросились в близко расположенную щель, и тут же услышали стон старенького санитаря. Он зажимал руку выше локтя – пуля прошла мягкие ткани, не задев кости. Только мы столпились около него, укрывшись за домом, как увидели, что из-под крыши здания ветеринарной лечебницы, где уже хранилось сено для коровы, пошел дым. Затем пламя охватило все здание. Брат поспешил вывести корову. И тут вблизи нас разорвался минометный снаряд, затем еще и еще. Разрывы приближались, осколки разбили ступу. Хотя до щели было не более нескольких метров, я и мама бросились на землю, и осколки пролетели мимо нас. Было выпущено около семи-восьми снарядов. Мы думали, что это немцы хотели нас наказать за то, что мы с нетерпением ждали нашу армию.

Опять все стихло: ни криков «ура», ни выстрелов. Солнце зашло, погода стала портиться: похолодало, начало подмораживать. К нашему дому подъехали немецкие танки. Их было пять. Среди них был и «Фердинанд». Они разместились за западной стороной дома. Даже нам, невоенным, стало ясно, что мы, и наш дом, обречены, если начнется перестрелка. Немцы зашли к нам в дом, но нас не выгнали. Перекусили и вернулись к танкам. Перед рассветом моторы взревели, и они уехали в направлении деревни Давыдичи, на господствующую высоту. Что делать нам - мы не знали.

Забрезжил рассвет, и мы увидели, что по низине из тумана показались два высоких человеческих контура, в длинных одеяниях и на тонких ногах. Когда они приблизились, мы увидели двух красноармейцев в шинелях и ботинках. Ноги их были забинтованы обмотками. На плечах они несли вдвоем противотанковое ружье. Мы очень обрадовались, предложили поесть молочка. Они не отказались. Отдохнули. Мы им рассказали о немецких танках и направлении, в котором они уехали. Всю ночь мы не спали. Наш добрый доктор с женой и ребенком уехал еще вчера на запад. Мы искренне ему сочувствовали и желали ему не попасть в застенки НКВД. Практически, он не работал на немцев, и ему ничего бы не грозило в любой другой стране, при любой власти, кроме советской и гитлеровской.

Только рассвело, как со стороны плотины раздались выстрелы и взрыв. По низине, около нашего дома, хлынула вода из водохранилища, но вскоре речка опять вошла в свои

берега. К нам в дом зашел один из тех солдат, что утром несли противотанковое ружье. Он был ранен. Мама перевязала его. Он нам рассказал, что они залегли недалеко от плотины и стали ждать. Вскоре по дороге от деревни Давыдчичи показался «Фердинанд». Он остановился у плотины, из люка вылез танкист. В этот момент наши бронейщики выстрелили и убили немца. Но тот успел взорвать плотину. Сделали еще один выстрел по танку, но он пополз в гору, развернул пушку, и выстрелил по бронейщикам. Одного убил, второго ранил.

Когда мама перевязывала солдата, увидели мы между рваными краями раны пульсирующее легкое. Попив молочка, он ушел, как будто не очень огорченный своим ранением. Прошло немного времени, и опять, как вчера, послышалось тонкоголосое «ура». Опять выстрелы на востоке за бугром - и ничего масштабного. Только по низине бегут несколько немцев. Один упал, другие пробежали мимо нашего дома. Наконец, появились и наши солдаты. Их было не более десяти, они шли не спеша, на довольно большом расстоянии друг от друга. Один из них шел вдоль реки. Не дойдя метров пятьдесят до лежавшего на земле немца, он увидел, что тот приподнялся и, став на колени, поднял руки вверх. Наш солдат вскинул винтовку и выстрелил. Немец упал лицом вниз. Не останавливаясь, эта группа солдат прошла мимо нас.

Так буднично произошло освобождение от оккупации немецкими захватчиками нашего поселка Дубровка Брянской области. И опять не по моему сценарию: не было крупных боев. Я же предполагал, что массы войск с обеих сторон сойдутся в битве, а с тыла на них обрушат огонь наши доблестные партизаны. Конечно, нам повезло, что прорыв фронта был вдали от нас, и немцы откатывались, как обычно говорилось, «на заранее подготовленные позиции». И еще – значительного количества немецких войск в нашем районе вообще не было. Поэтому не было особо ни выстрелов, ни взрывов. Только пролетали на бреющем полете отдельные штурмовики ИЛ-2.

Уже на следующий день немцы были в Рославле. Но где же наши доблестные партизаны? Преследуют немцев? Или празднуют победу? Это мы узнали от нашего родственника – партизана через неделю после освобождения.

Со знаменами и оркестром вступали они в поселок Дубровка на ВОССОЕДИНЕНИЕ с Красной Армией! Но соединиться было не с кем: она неделю назад ушла на запад, не дождавшись Воссоединения. Но до этого нас посетил какой-то представитель, не представившийся. Он опросил, кто мы и чем здесь занимались, где ветврач. Предложил старшему брату посетить какого-то представителя НКВД, увидел выдавший виды немецкий велосипед и конфисковал его, как немецкую технику. Вячеслав, с брезгливой миной, сказал дома: «Скорее бы забрали в армию!» После этого мы могли бы, как многие, говорить: «Брат добровольцем ушел на фронт»!

После митинга в центре поселка по поводу ВОССОЕДИНЕНИЯ партизан с Красной Армией к нам зашел наш родственник Коломонов, партизан. За обедом он вздохнул и сказал: «Всех молодых партизан в армию забирают, на фронт. Чем в армию, то лучше было бы нам еще три года партизанить!»

Погода совсем испортилась: похолодало, пошли почти непрерывные морозящие дожди, репродуктор восторгался колхозным крестьянством, обеспечившим армию продовольствием. И все поняли, что все возвратилось на круги свои. Никто не будет отменять колхозов. Бедные люди опять будут работать за пустой трудодень, без права выхода из колхозного ярма, без паспортов, без отпусков, без пенсий. Видимо, ложными были слухи о том, что Жуков обещал на фронте солдатам, что колхозов не будет.

Хорошо, что удалось кое-что посеять и убрать за эти два года оккупации и спрятать. Но что будет, когда эти запасы иссякнут? Опять по осени заскрипят колеса несмазанных телег с урожаем в закрома Родины. Опять будут бить колхозных кляч толстыми палками у нас под горой, где нет сил тянуть груженный воз по рыхлому песку. А весной на посев с элеваторов повезут зерно в обратную сторону, выделенное в долг колхозам. Но при этом самая незавидная доля будет у малосильных истощенных лошадей, которых будут нещадно погонять озлобленные возницы не кнутом, и не хворостиной, а толстым дрыном, и не по мягкому месту, а по ребрам и голове. Все как три года назад.

Не прошла и недели, как Вячеслава мобилизовали в армию. Команду таких же парней, как и он, восемнадцатилетних, направляли пешим ходом вслед за наступающей армией. В чем пойдет он в дождь и осенний холод? Какая-никакая, но одежда есть, а ботинки у нас только одни – новые, добротные, кожаные, непромокаемые, с металлическими шипами – немецкие, что офицер маме дал. Но вряд ли ему придется их носить – дадут кирзовые, родные. Жаль, если так будет. Они и меньшим братьямгодились бы. На семейном совете решили, что Вячеслав пойдет в этих ботинках. А Толик и Геня, если и промочат ноги, то дома высушат.

В хмурый день с мелким осенним дождем, ближе к вечеру, по булыжной мостовой вверх к Давыдчичам, я и Вячеслав догоняли ушедшую вперед группу призывников. Я нёс рюкзак с небольшим содержимым. Когда осилили крутой подъем, мы попрощались, я передал ему нетяжелый рюкзак, и он быстрым шагом пошел дальше – догонять группу призывников. Больше мы его не видели. И писем от него много месяцев не получали. Было это в последних числах сентября 1943 года.

Мама работала по-прежнему санитаром в ветеринарной лечебнице и получала небольшую зарплату. Школу должны были открыть в октябре. Встал вопрос: считать ли прошедший учебный год нормальным, если он был в условиях немецкой оккупации? Посоветовавшись, выслушав наши комментарии, и приняв во внимание, что за это преподавание были расстреляны учителя, начальство разрешило перевести нас в 9-ый класс.

Этот период запомнился как один серый осенний день - ничего приятного и выдающегося. От отца и брата известий не было. Пошли первый день в школу, но учиться не пришлось.

Учеников 7-ых, 8-ых и 9-ых классов вывели из школы и повели через всю Дубровку на Сещу: кто-то приказал срочно восстановить посадочную полосу аэродрома. Вывели нас после двенадцати часов. Плохо одетые, в рваной обуви, мы шли растянувшейся кучкой по проселочной дороге, перепрыгивая через лужи, ежась от холодного осеннего ветра. Прошли километров десять, и вышли на шоссейную дорогу Брянск – Смоленск. Раньше эта дорога называлась старой Смоленской. Наверное, так же шли по этой дороге солдаты Наполеона домой во Францию.

Когда нас вывели на взлетно-посадочную полосу, мы увидели на ней воронки от авиабомб диаметром до пяти метров. Мы были обессилены переходом. Стали ждать подвоза лопат. Нас бил озноб, а лопат все не было. Близился вечер. Нас повели в какое-то помещение. Я решил идти в деревню Радичи, где жили братья нашего отца, у которых наша семья в период раскулачивания нашла и хлеб, и кров.

Как и восемь лет назад нас радушно приняла семья Павла. Тетя Анюта приказала разуться, дала обоим валенки и покормила. Какая же была вкусная капуста, горячая,

только что из русской печи. И вспомнились прошлые годы, когда она наливала в полумисок молока и мы, детвора, крошили хлеб и по команде ели как можно быстрее.

Давно это было, но вспомнилось тогда в сорок третьем году и не забылось и до сего времени.

Утром тетя Анюта достала новенькие шерстяные носки, ручной вязки, и отдала их Гене, так как она увидела вчера его рваные ботинки, молча покачав головой. Мы были очень благодарны за этот бесценный подарок. Однако этот «поход» в поддержку Красной Армии доконал-таки Генины ботинки. Купить новые было негде, да и денег таких не было. То ли братья Кубекины надоумили, то ли потому, что ходить в школу было не в чем, но во всяком случае, не с моей подсказки, Геннадий отрезал подошву и стельку ботинка и сделал вместо них новые. Причем кожаные подметки прибил к кожаной стельке самодельными деревянными гвоздями, как это делал отец по возвращении с Беломорканала. Я был удивлен. Это было началом многочисленным вещам, сделанным им собственными руками. А я как был «теоретиком», так и остался таким всю мою жизнь. Правда, около меня всегда были талантливые люди с «руками», которые могли и открыть замок в сейфе, и наладить сложные устройства, и изготовить новые приборы. Таких, как я, мой друг-умелец называл «однорукими». Писать мог, а делать – не очень.

Зимой сорок третьего года ничего запоминающегося в школе не происходило. Ничего интересного - только то, что написано в учебнике. Никаких лабораторных работ, никаких приборов. Запомнились лишь вечера общения с двумя одноклассниками. Это были зачатки симпатий. Мы с другом приходили по вечерам к ним на дом и беседовали. Весной мы прочитали объявление, что Бежецкий институт транспортного машиностроения (БИТМ) набирает на подготовительное отделение учеников девятого класса, чтобы за три месяца усвоить материал за 10-ый класс. Результаты экзаменов будут засчитаны как вступительные для зачисления в институт. Общежитие предоставляется бесплатно, питание трехразовое, стипендия 350 – 450 рублей. Но ведь я хотел учиться на писателя или на художника! Для этого, вероятно, нужно ехать в Москву, но это далеко, и денег нет даже на дорогу. А здесь реальная возможность получить хорошую профессию.

Не сдавая экзаменов за 9-ый класс, я с двумя друзьями - Шуриком и Вениамином - уехал на подготовительные курсы для поступления в БИТМ на факультет паровозостроения. Здание института и большинство частных домов сохранились. Разрушены или повреждены были заводы и вокзал – нашими, при отступлении в 1941-ом году. Сгорело и общежитие института. Поэтому нас селили в домах частного сектора. Мы оказались в хорошем каменном доме фотографа, только что приехавшего с женой из эвакуации. Жена фотографа Софья Моисеевна была худощавой, высокого роста, энергичной женщиной, с большой любовью властвовать. Кроме безоговорочной власти над мужем Абрамом Яковлевичем, особое удовлетворение ей доставляла должность уличкома. Должность была бесплатная. Чтобы получить от нее справку, которая была в ее компетенции, проситель должен был неоднократно к ней навестись.

В доме было чисто, но всегда пахло рыбой и чесноком. Нам было неплохо у них. Было в доме радио. Каждый раз, когда передавали сообщение от Советского информбюро и заканчивали фразой: «Вечная память погибшим в боях за Родину!» – Софья Моисеевна восклицала: «Абрам, где-то теперь наши Пима и Миля»!

В свободное время я с Шуриком играл в шахматы. Он играл быстро, я же долго обдумывал, прежде чем сделать очередной ход. Это его раздражало и он, как правило, проигрывал. Требовал, чтобы я продолжил игру, но мне уже было достаточно, одна

партия меня уже утомляла, да я и не хотел, чтобы результат изменился. Он сердился, выходил из себя, и начинал показывать свое превосходство в силе. Брал меня за кисти рук, я старался вырваться, но безрезультатно. Это не нравилось мне и подрывало нашу дружбу. Был я худ и слаб. Но это было не только по причине малых физических нагрузок и большого увлечения чтением книгами, рисованием и игрой на гармонии и балалайке с мандолиной. Это был также результат дважды перенесенного воспаления легких на первом году жизни и в шестом классе, а позже и сухого плеврита.

Как гром среди ясного неба, пришла к Шурику беда: его мама, еще молодая и красивая, вдруг умерла от остановки сердца. Мне было очень ее жаль. Материальное положение Шурика сильно ухудшилось. Моя мама помогала продуктами ему и мне, как могла. Хорошо, что мы не платили ни за питание, ни за жилье. За отличную учебу мы получали стипендию на 25% больше, чем другие. Деньги тратили, в основном, на проезд до дома. Несколько раз летом нас, абитуриентов, возили поездом до станции Нетвинка на уборку урожая.

Я боялся перегрузиться, но все обошлось. На работу и с работы мы ходили строем, с песнями типа: «И бабки нет, и дедки нет, и некого бояться: приходи ко мне, студент, и будем мы ...» и т.д.. К осени я и Шурик сдали все экзамены на «отлично» и были приняты на первый курс Бежицкого института транспортного машиностроения по специальности «паровозостроение» (конструирование).

Шел 1944 год. Шла война, и требовались еще и еще подкрепления. Хорошо, что на оккупированной территории уже подросли пацаны – дешевое пушечное мясо. Это они кричали тонкими голосами «ура» при освобождении нашего поселка. Нас, семнадцатилетних, тоже не забыли: вызвали в военкомат, сделали медицинское освидетельствование, поставили на военный учет. При обследовании выявили у меня многочисленные точечные потемнения - следы перенесенных ранее воспалений легких и предвоенного сухого плеврита. В результате выдали белый билет и справку об освобождении от работ по уборке урожая и лесозаготовкам. Болезнь называлась фиброзным туберкулезом. На учет не поставили, а лечение порекомендовали: есть пищу пожирнее или ложку меда с внутренним салом перед завтраком. Реальным было: в столовой жидкий суп с пшенкой с блесками какого-то жира (возможно, солидола) и сладкий чай с соленым салом. Мать, наверно, сохраняла сало еще того поросенка, что заколол или застрелил денщик немецкого генерала.

Большинству ребят, родившихся в 1927 году, повезло, что не пришлось им показать свой патриотизм и положить души наши на алтарь Отечества. Но не всем. Вместе со мной закончил подготовительные курсы один парень 1926 года рождения. Его призвали в армию, и он оттуда уже не вернулся.

В это лето, наконец, мы получили письмо от отца. Нам передали его от Павла Кирилловича, так как отец не знал, куда мы уехали из нашей деревни. Писал он с фронта под Курской дугой, где получил медаль «За боевые заслуги» при взятии Калининской, что было вблизи Прохоровки, где произошло знаменитое танковое сражение. Он писал, что его поход с колхозным скотом закончился в Саратовской области, где его мобилизовали в армию, несмотря на его напоминание, что он судим по 58-ой статье как «враг народа». Его успокоили: здесь каждый второй такой же враг. Но этого не было в письме. Только жив и здоров, чего и вам желаю. О своей заботе о том, чтобы Советскую власть защищали бы только настоящие патриоты, и чтобы власти не рисковали доверять оружие политическим противникам, осужденным ранее, рассказал он после войны.

Второй треугольник переслали из Радичей. Это писал мой брат Вячеслав из госпиталя в Москве. Письма нам в Дубровку он писал, но они до нас не доходили. Почему? То ли написал, что хорошо кормят: тушенкой, консервами, омлетом - и все американское. Но почему-то лежал в сорока километрах от дома в госпитале с диагнозом «бери-бери» – ослеп из-за недостатка витамина Б. А что же легендарное колхозное хозяйство - ничего не поставило защитникам Родины? А какая забота: только, чтобы солдат не сообщил чего-либо негативного! Сколько их - цензоров? Не успевают разворачивать письма – треугольнички? Не успевают. Лучше их уничтожить – и проблем не будет. Зачем огорчать патриотов тыла? Ведь, может, этот треугольник последний?

С сентября 1943 года по июнь 1944 года получили мы с фронтов от отца и брата по два письма. И радость: отец и сын тоже обменялись письмами. Отец на Курской дуге, а сын – в Прибалтике, в Литве. Отец в артиллерии, при лошадях, а Вячеслав – на переднем крае наступающих войск – разведчик-корректировщик артиллерийского огня.

Виктор Астафьев в книге «Прокляты и убиты» - сам связист - описал, как работает на переднем крае корректировщик, и почему убить его - главнейшая задача противника.

Передо мной пожелтевший лист белой бумаги, сложенный треугольником. На лицевой стороне адрес: Обл. Орловская, Дубровский район, Радический с/с, д. Радичи. Новикову Павлу Кирилловичу.

И обратный адрес: Москва, 44. 4-ый Крутицкий пер. Дом 5, школа 608 Новиков Вячеслав Ф.

Здесь же два штампа: почтового отделения – Москва 114. 04.44. 13 и второй штамп - ДОСМОТРЕНО.

На задней стороне треугольника: герб, ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой 21168. Письмо написано карандашом.

«8/ 04-44 г.

Добрый день, дорогой дядя Павел, тетя Анюта, Наташа, Толя и Витя. Я шлю вам чисто сердечный красноармейский привет. Я сейчас нахожусь в Московском госпитале. Чувствую себя хорошо, и скоро должно быть выпишут. Я заболел на фронте под Витебском 23 января. Врачи признали у меня элементарную дистрофию из-за нехватки витамина Б. В Москве я лежу с 18-го февраля. Сейчас в Москве еще идет снег и холодно. Я прошу вас сообщить, где находятся наши. Сколько я не писал и из Москвы, и с фронта, но ответа не получал, или письма приходили назад. Слышно ли что о Мише, о дяде Мише. Пишите, как вы живете. На этом я свое маленькое письмо кончаю. Передайте привет тете Арине, Жене, Нине и Марии.

С приветом Новиков Вячеслав.»

Мы написали ему письмо и сообщили адрес отца. Он обрадовался, что у нас все нормально, что я поступаю в институт. А главное - он получил письмо с фронта от отца. И было досадно, что его учили на корректировщика-разведчика недалеко от нас – в Рославле, но его письма до нас не доходили. Может быть, кто-либо съездил бы к нему.

В июне он написал, что идут тяжелые бои на подступах к Восточной Пруссии.

В июле студенты работали на полях по уборке урожая, а в августе нас отпустили на каникулы. Дома мне и Геннадию предстояло заготовить на зиму сено для коровы. Мы попросили у соседей велосипеды, косы, мама положила в вещмешок хлеб и кусочек сала, и мы поехали в наш родной край. Проехали Рябчи, Соплевку и остановились за деревней на развилке дорог. Нельзя сказать, что там была большая трава, но попробовать где-то надо. Позже мы узнали, как называлась эта трава. Небольшой высоты, густая и, как

оказалась, совершенно непокорная нашим косам. Скосили мы площадь не более десяти кв. метров под палящим солнцем, то и дело отбиваясь от больно кусающихся водней (оводов). Устали. Пот лил с нас ручьем. Сели, перекусили и поняли, что задачу нам мать дала неподъемную, невыполнимую. Решили ехать к нашим родственникам Коломоновым в деревню Соплевка, в последнее время названную Красной Москвою.

Евграф Евграфович, пенсионного возраста, с красивой русской бородкой, встретил нас приветливо. Его жена Устинья покормила нас отварной картошкой. Обследовав наши косы, он вынес приговор: такими косами травы на корову не накосят. А тем более, если косить свиннух – ту траву, которую мы хотели скосить, но которую, оказывается, не едят коровы. И еще: или ездить из Дубровки сюда и назад, но тогда не работать, или если работать, то жить у них. «Сегодня поезжайте домой, я налажу косы, а завтра приезжайте - я отведу вас на луг. Да, привезите кусочек сала. Сделаем за жарку (сало пережаренное с луком) – будет у нас суп. Картошка и молоко у нас есть».

Еще только час назад мы не знали, что делать, ведь денег на покупку сена у мамы нет. Теперь, счастливые, возвращались мы домой. Евграф Евграфович рассказал нам, что в 1905 году плывал на военном корабле, кажется, «Кореец», или на крейсере «Варяг». В Цусимском сражении корабль потопили. Его подобрала японцы, и какое-то время он был интернирован и жил в Японии. Меня он поразила как своей речью, каким-то особым произношением, так и необычным построением предложений. Где он приобрел такие особенности – я не узнал в свое время, но это придавало его рассказам какую-то основательность и убедительность. У меня осталось в памяти очень теплое воспоминание о нем и его семье. Старший сын - Владимир - в то время работал председателем колхоза, меньший – Граня - выучился на прокурора, старшая дочь – Анна (Нюра) - осталась в родной деревне, вышла замуж за хорошего человека, заведующего магазином, а младшая – Катя - уехала на стройку в Москву,

На второй день мы приехали, косы были отбиты и отрегулированы, за жарка сделана. Втроем мы пришли на полигон, где до войны проводили бомбометание тяжелые бомбардировщики ТБ-3. Сенокосная пора уже закончилась в июне – июле, но травы было много, а людей – никого. Мало осталось коров и лошадей. Травы было больше, чем требовалось. Учитель прочитал нам лекцию, как налаживать косу, чтобы было легко косить. Как двигать корпусом и руками. Прижимать пяточку. Точить. Заклинивать и становить в круг. У меня, как у старшего, была коса самого большого размера – девятка, у Геннадия – семерка.

«Толя, тебе нужно только занести косу направо, а налево она сама пойдет, только прижимай пяточку косы к земле. Молодец, ты уже все понял. А вот Геннадий работает не плавно, а с наскоком, как петушок. И ребра у него, как у волка, не дают телу поворачиваться». Было ясно, что Геннадию не хватало не только умения, но и силы. Трава была высокая и жесткая, да еще переплетенная повиликой. Сила нужна была, чтобы срезать траву и оторвать повилику. Такая работа не могла понравиться Геннадию. К вечеру он заявил, что завтра 1-ое сентября, и ему необходимо явиться в школу. Так я остался один и за две недели накопил достаточное количество сена. И, как ни странно, несмотря на рекомендации врачей, я окреп. Когда в октябре начались занятия в институте, и мой товарищ, в свободное время захотел поиздеваться надо мною и захватил мои руки, я без труда освободился и сделал ему то же, что делал раньше он. Это был мой триумф - главное достижение «летнего отдыха».

Из событий периода занятий на подготовительном отделении «судьбоносными» оказались два. Занятия начались в марте. Погода была морозная, и я заботился, чтобы не замерзнуть в непредсказуемых условиях поездки, возможно, даже товарными поездами. Мой комплект верхней одежды состоял из хорошо поношенной шапки-ушанки и полушубка, покрытого «чертовой кожей» - черным плотным материалом, не выдержавшим встречу с каким-то гвоздем и зашитым мною по краям разрыва. Полушубок был пошит за год или два до войны, и поэтому был мне короток. Для красоты и тепла на талии полушубок туго затягивался узким кожаным ремнем, что ранее носил отец. Ноги были в тепле благодаря добротным валенкам и мамой надшитыми к ним матерчатými голенищами. За обрезанные валенки я был благодарен немецкому офицеру, который, уезжая на фронт, подарил их нам в 42-ом году. Теперь-то я вижу, что мы с мамой опередили модную ныне модель комбинированной обуви на целых пятьдесят лет. Но в то время обыватель, увидев меня в таком одеянии, в лучшем случае – улыбался. Среди абитуриентов я не встретил таких оборванцев. Особенно были модными приезжие из эвакуации.

Но этот оборванец не чувствовал себя униженным или обиженным судьбой. Я никогда не укорял мать, что она посылала меня в люди в таком одеянии. Она не была портнихой, но с детства работала, как рабыня, в усадьбе Каменецких. Она никогда не ахала, не причитала, чтобы ни случилось. Даже зная, что я иногда откашливался с небольшими кровинками в мокроте, не возражала, чтобы я работал, в том числе, на покосе, уверенно полагаясь на свою Матку Боску. И лечила сама, как могла. Старалась получше накормить. И как бы плохо мать не одевалась по дому, в ее прямой осанке, спокойном поведении, преисполненном чувства собственного достоинства, чувствовалась ее порода польской дворянки. Любила читать в зимние вечера вслух нам – детям. С любовью рассказывала о своих родных дворянского сословия, их взаимоотношениях.

В первый день моего появления в институте я обратился с каким-то вопросом к заведующему хозяйством, парторгу, только что привезшему из Красноярска часть оборудования. Вместо ответа на мой вопрос он осмотрел меня с ног до головы и сказал: «Тебе не в институт нужно поступать, а работать в колхозе – восстанавливать сельское хозяйство!» В ответ я послал его не только в его хозяйство, но и далеко дальше. Это во мне заговорила не дворянская кровь, а другая часть – русско-мужицкая. Но польская часть крови тоже была всегда готова постоять за себя, несмотря ни на что. Никогда я не забывал пророчества нервного математика в Рябчинской школе: «Он всегда и всюду будет первым!» И пока все это сбывалось. Но эти успехи не были результатом больших трудов, это были дары моих родителей (генов), моих предков. Так думал я и тогда.

Другой случай характеризовал мои взаимоотношения с коллегами. В магазине стоял я в очереди за хлебом. Впереди меня человек десять. Но я никак не приближался к прилавку. То и дело, прибежали, в основном, девушки, и пристраивались к своим знакомым. Этот беспорядок и наглость бесили меня. Но я, молча и медленно, приближался к цели. Теперь ко мне подбежала хорошенькая толстушка, в модной шляпке с полями, в легком пальто из такого же материала, в новых сапожках. Я видел ее на занятиях в нашей группе. Она, как и некоторые другие девочки, сидела в непосредственной близости от преподавателя за единственным столом с чернильницей и конспектировала лекцию. Мое же место на лекциях было на самом верху лекционного зала. Мне не нужен был стол и чернильница, так как я не писал, а только внимательно слушал. Около меня – никого. Однажды, правда, ко мне подседа хорошо одетая девушка.

Я спросил ее: «Что, для вас нет места другого? Ведь полно свободных». Я неуютно чувствовал себя в моей одежде с такой расфуфыренной девицей! А теперь и эта – знакомая! Хочет побыстрее получить желаемое «по благу»! Ни совести, ни чести! В ответ на ее просьбу я показал ей на хвост очереди и посоветовал приучаться к порядочности. Она покраснела и стала в очередь. «Мне никакие девицы не нужны. У меня не будет жены. Не будет и детей», - так думал я, помня о своей болезни.

Как же я пожалел о случившемся, когда девушка эта стала старостой группы и отмечала в журнале, кто отсутствует на занятиях. А отсутствовал я часто. Если лектор мне не нравился, а учебники были, то я уходил в библиотеку или читальный зал. Но когда нависла угроза лишения стипендии за пропуски занятий, то пришлось ближе познакомиться с Владленой Ильиничной Аниконовой. Выяснилось, что она живет в Клетне, и мы ездим вместе до станции Жуковка на товарных поездах, а затем наши пути расходятся.

К лету отец писал, что он уже в Польше и вот-вот соберет посылку и пришлет нам. Мать на это обещание никак не прореагировала. Чуть позже он сообщил, что передал одним земляком из Рогнедино посылку, которую тот обещал завезти по пути домой к нам в Дубровку. Однако мы ее не получили. А так хорошо было бы получить что-либо из одежды, хотя бы и военной.

За отличные успехи на подготовительном отделении меня премировали женскими туфлями с довольно узкими носами. Так как мои ботинки, довоенных времен, полностью развалились, то я надел эти туфли, и ругал их изготовителей, испортивших новую вещь: пальцы ног болели нестерпимо. На ехидные замечания друзей я не обращал внимания, но улыбки девушек мне не могли нравиться.

Многие семьи военных получали аттестаты, которые присылали из действующей армии, и по ним выплачивали какие-то суммы денег. Отец предполагал, что и он сможет помочь семье. Однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Почему? Мать ни тогда, ни после, по возвращении отца с фронта, не спрашивала его об этом. Переписку с отцом и братом вел я, но никаких просьб или плохих вестей из дома им не сообщалось. Письма писались на одной странице, сворачивались треугольником и не заклеивались, чтобы облегчить работу цензорам.

Однажды, приехав из Бежицы, я застал Геннадия за изготовлением приклада для ствола старинного шомпольного ружья, которое он где-то нашел. Это ружье заряжалось через дуло ствола: сначала засыпали порох, чтобы он не высыпался - шомполом забивали пыж, затем опускали дробь или пулю и опять удерживали пыжом. В задней части ствола было отверстие, через которое порох поджигался пистолетом при ударе по нему курка. Приклад Геннадий собственноручно выстругал, оставалось только закрепить к нему гладкий ствол. Мое участие в этой конструкции свелось к авторитетному для брата согласию на реализацию его предложения – припаять к стволу гайку. Конец ствола, в виде заостренного копья должен был дополнительно упираться в выступ приклада. Чтобы ствол закрепить к прикладу предусмотрели болт и сверху металлическую полосу. Здесь же у дома, на огороде Геннадий испытал конструкцию: лег, прицелился в мишень и выстрелил. Я стоял рядом. Выстрел. Ствол оторвался от приклада и заостренным концом ударил брата в лоб. Геннадий лежал лицом вниз. Наконец он приподнял голову, и я увидел большую рану и кровь. Почувяв неладное, мать уже спешила от ветлечебницы к нам. Брат продолжал лежать, зажимая рану рукой. «Вставай!» - закричал врач,

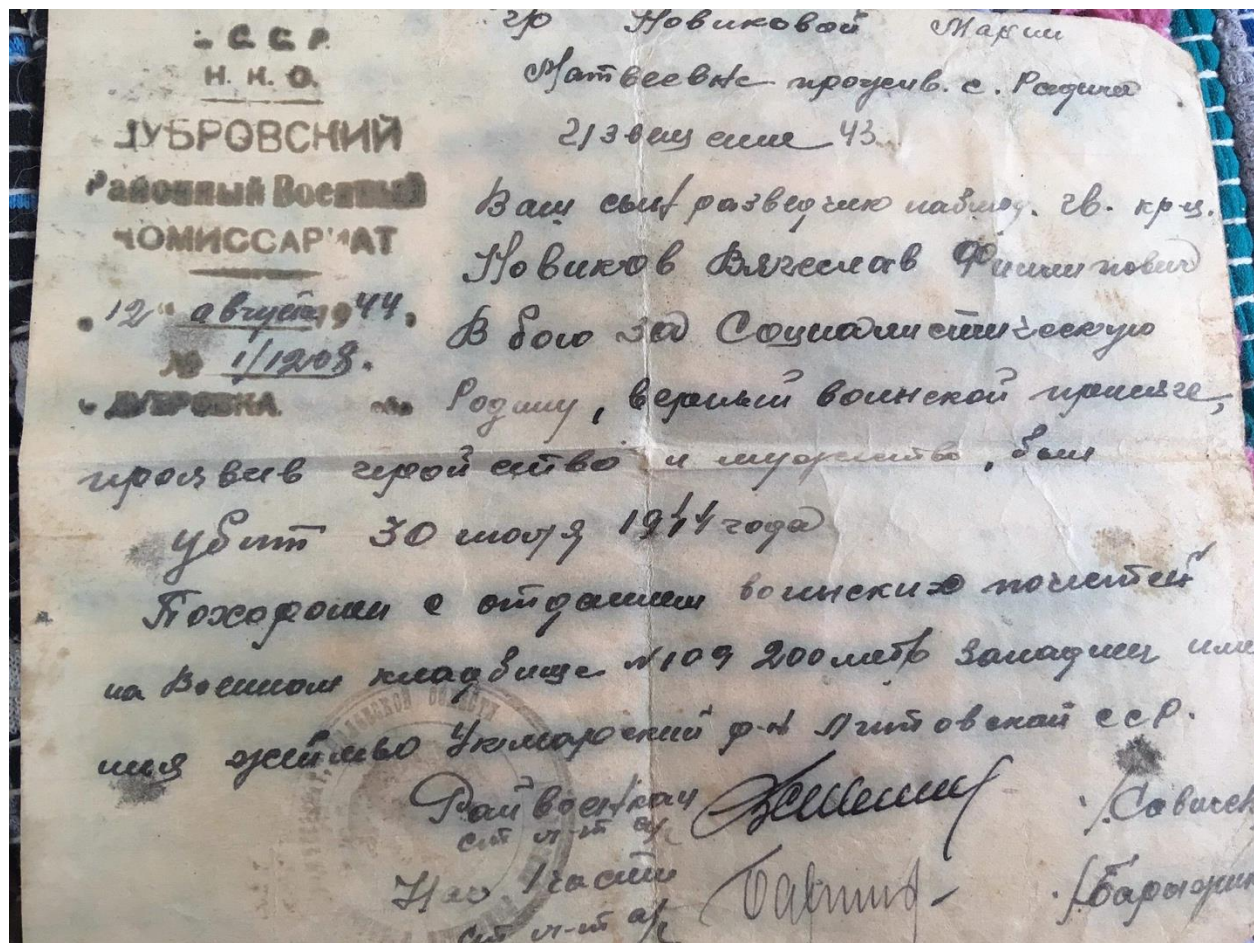
оказавшийся поблизости. - Не пугай мать!» Качаясь, брат встал. На всю жизнь у него остался шрам, а также любовь к ружьям.

Однако все наши огорчения и переживания – ничто в сравнении с горем, постигшим нашу семью.

В первых числах августа из Радичей от дяди Павла принесли письмо с вложением, написанным карандашом на половине тетрадного листа, испачканного масляными пятнами. Карандаш, видимо, плохо писал, поэтому текст можно было прочитать с большим трудом. Или командир - лейтенант - устал писать такие письма:

«Привет, Новиков Анатолий. Ваше письмо Новиков Вячеслав получил, но не успел ответить. Сообщаю: ваш брат разведчик-наблюдатель, гв. кр-ц Новиков Вячеслав Филиппович героически погиб 29-го июля, проявив героизм и мужество на подступах к Восточной Пруссии, в Литве. 30-го июля похоронен на военном кладбище № 109 в 200-х метрах западнее имения Жейство, Униморочный р-н, Литовской ССР».

13-го августа 1944 года, опять-таки из Радичей, принесли похоронку на Вячеслава. Дубровский районный военный комиссариат на четвертушке листа более основательно уточнял, что в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив «героизм и героизм», мой брат был убит 30 июля 1944 года.

Получилось так, что оба сообщения принесли мне, когда мамы не было дома, и мы с Геннадием решили: пока маме не говорить. Мало ли почему писем нет? Может быть, ранен, может быть, попал в плен... Потом узнает. Военкомат больше беспокоить не будет, и власть - тоже, так как компенсировать потерю не намерена. Все для Родины. Народ и партия – едины! - читаем мы на каждом шагу.

Здесь я приведу рассказ нашего односельчанина Леонида Осиповича Сергеева о том, как сложилась его жизнь после мобилизации.

«Село Рябчи освободили 18.09.43 года, Брянск – 17.09.43 года.

До оккупации села была проведена мобилизация мужского населения возрастов от 22 до 40 лет. Так как в наш район и село немцы прорвались 8 августа 1941 года, на оккупированной территории осталось значительное количество мужчин.

Пятнадцатилетние парни за время оккупации подросли и были уже пригодны для войны. Администрация района 21 – 22-го сентября призвала в Дубровский районный военный комиссариат мужчин, которым исполнилось 17 лет и более – вплоть до 50 лет.

27 сентября все мужчины прошли собеседования в органах НКВД и получили назначения в воинские части, действовавшие в направлении Смоленска – Витебска, а также Невеля и Пскова. Команды комплектовались по возрастам: от 17-ти до 18-ти лет – отдельно от остальных. Только что вышедшие из лесу партизаны тоже были мобилизованы в армию. Всем было приказано выдвигаться в пешем порядке. Нашу команду повели в направлении Клетни. Вывели нас поздно - во второй половине дня, и ночевать пришлось в поле. У многих одежда была никакая – фуфайки, пиджаки, а на ногах у кого что: некоторые были в галошах и даже – в лаптях. Утром к нам подъехали верхом на лошадях двое военных, и мы продолжили пеший поход до Клетни. Но и там нас ничем не накормили. В наших котомках тоже было не густо. Коржики, вареная картошка. Редко у кого было что-нибудь еще: сало или сахар.

Создавалось впечатление, что нас спешили направить в поход, все равно - куда. В Клетне нас не ждали, и мы потопали по шпалам в поселок Жуковка. Почему не сразу в Жуковку? Это же ближе, и дорога лучше. И только оттуда пошли в Брянск. Там нам выдали обмундирование и несколько дней учили, как действовать под обстрелом, в наступлении, при налете авиации. Потом приехали «купцы» с фронта и отобрали меня и многих из нашей деревни в артиллерию. Попал я в артиллерию с 76 мм орудиями, стреляющими с закрытых позиций. Это было не так опасно, как на фронте. 7-го ноября нас посадили в теплушки и отправили на фронт в район Невеля и Пскова. Перед этим дали немного сухарей, которые мы сразу же съели, а потом три дня голодали, не получая пищи. С поезда погрузили нас на американские «Студебеккеры» – грузовые машины и привезли на позиции, к артиллерийским орудиям. Сказали: «Здесь вас научат воевать!». Видим: горит Невель, впереди - Псков!

Сперва выучился окапывать орудие – это первым делом, а потом, нужно отрыть окопы для снарядов и для себя. Во время боя подносил снаряды, а когда ранило наводчика – поставили меня наводчиком, как грамотного: 8 классов закончил! С 11-го ноября 1943 года по 25 февраля 1945 года прошел с боями, пока не был ранен. Лечили. Домой вернулся 25 июня 1945 года».

Вот еще один рассказ о первых днях другой команды, которая была направлена из Дубровки в направлении Могилева. В партию призывников включили ребят и мужчин зрелого возраста: от 20 -22 лет до 40. В том числе и ребят, которые были в партизанах.

Большинство из них, возможно, и не участвовали в боевых операциях, но варили обеды, топили бани, рыли землю, помогали строить землянки. Среди них были и знакомые нам парни с деревни Чет: Проничев Василий Прокопович, Салтыков Иван Никитич и др. Они-то и рассказали после войны о первом бое, в котором они участвовали, Сергееву Леониду Иосифовичу.

Шли пешком. Не кормили, не переодевали. Когда прибыли на фронт, им раздали винтовки и по несколько патронов. «Отдыхайте, завтра на рассвете наступление, перед вами река Проня, на противоположном высоком берегу – немцы. Переправляться через реку после артиллерийской подготовки. Не отставать от фронта разрывов наших снарядов», – проинструктировали призывников. Наступающие были одеты в фуфайки и пиджаки, выдавшие виды за годы войны, многие в лаптях и галошах с портянками, некоторые – практически босые. Леонид Иосифович, опытный солдат, сделал вывод из этого рассказа, что их зачислили в штрафники.

Закончил рассказ о первом бое Проничев Василий Трофимович словами: «Помесили нас немцы. Из 240 человек в нашей роте осталось только 12 человек. И то – все были ранены».

Может быть, такое отношение к призывникам, подвергшимся тлетворной агитации в период оккупации, единичное, случайное?

Приведу рассказ моего сотрудника – главного конструктора проекта шахтных подъемных машин института НИПТИгорМАШ при Донецком машиностроительном заводе – Александра Волохова. На Украине, так же, как и у нас в России, после освобождения Донбасса, мобилизовали всех молодых. Ему было 18 лет. И без подготовки, без обучения, не затрачиваясь на обмундирование, выдали некоторым призывникам винтовки. Тем, кому винтовок не досталось, сказали, чтобы они подобрали винтовки у товарищей, которые будут убиты.

«Всем приказали садиться на броню танков – и в атаку: вскрывать хорошо укрепленную немецкую оборону. Мы – в низине, немцы – на горе. Вижу сплошную стену огня перед нашими танками. Они горят – один за другим. «Это верная смерть!» – подумал я. И, недолго думая, прыгнул с танка в воронку от снаряда.

Атаку немцы отбили. Впереди горели танки. Весь день, до темноты, лежал в воронке, даже не выглядывая. Ночью отполз к своим. Утром некому было продолжать атаку – большинство ребят погибли».

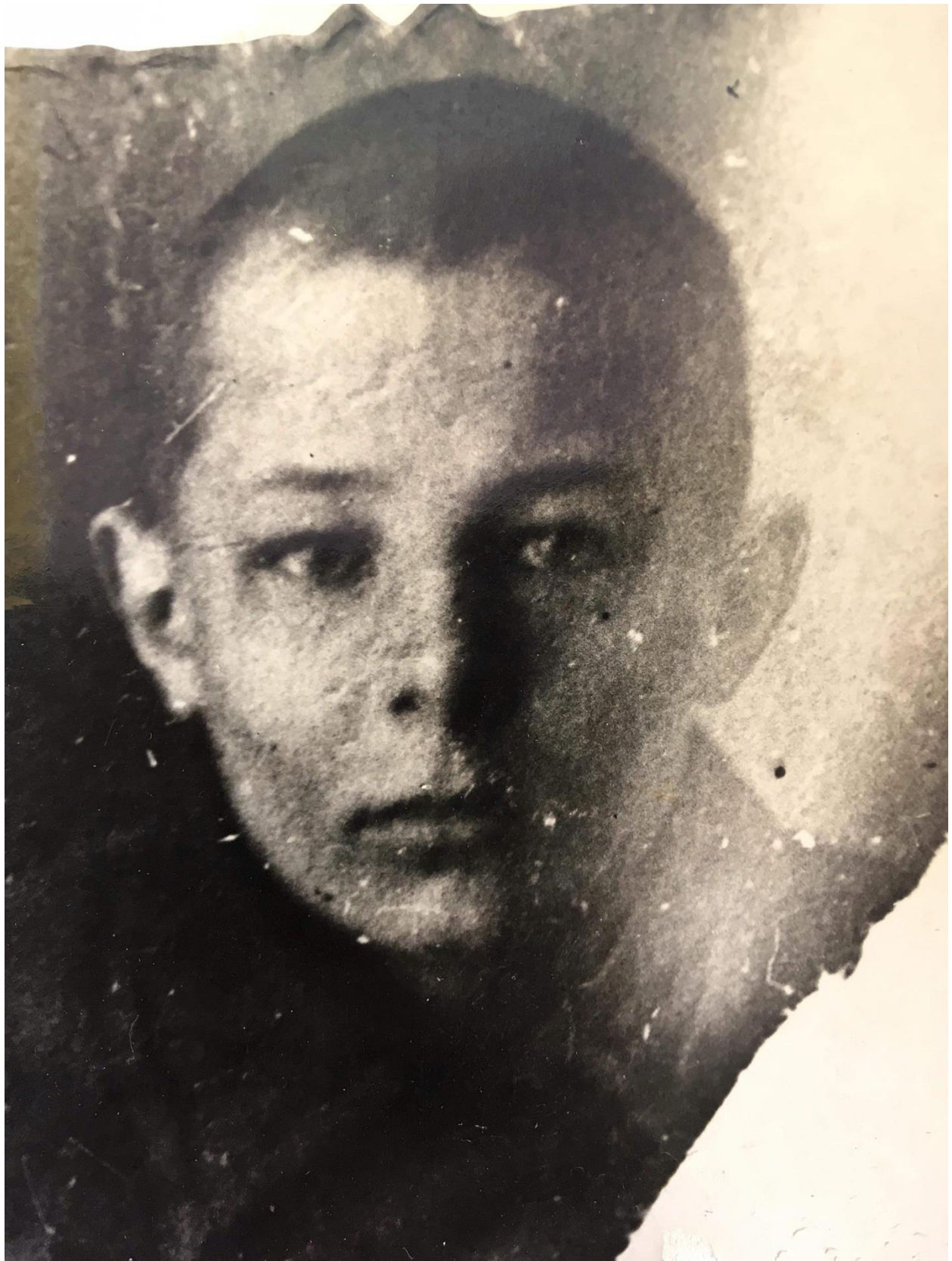
Уцелевших отвели в тыл, чтобы пополнить их вновь прибывающими призывниками с оккупированных территорий. «Нет, здесь не дадут уцелеть!» – подумал Саша. Но подъехал «купец» и обратился к призывникам: «Кто играет на каком-либо музыкальном инструменте, выходи!» Саша в своей молодой жизни не встретился ни с одним музыкальным инструментом, но он понял: «Вот шанс покинуть эту компанию. Ведь они не остановятся! Завтра опять посадят на броню танка!»

И он смело шагнул вперед. После войны, в мирной жизни, он также будет изобретателем: спроектирует шахтную подъемную машину, для безбедной эксплуатации предусмотрит приспособления, два комплекта ключей. Изготовят первый опытный образец, который будет государственная комиссия принимать, в полном соответствии с проектом. А машины серийного производства Александр предложит поставлять и без приспособления, и только с одним комплектом ключей. Для завода будет экономия. А ему, за рационализаторское предложение – вознаграждение, правда, мизерное.

И тут, после первого боя, расчет его оказался верным. В духовом оркестре он стал барабанщиком. И прошел Саша Волохов с этим оркестром до Берлина. Есть фотография, на которой он и оркестр у стен Рейхстага.

Неудивительно, что писатель, участник Отечественной войны, связист Виктор Астафьев в конце своей жизни напишет: «При Сталине советская армия была самой бездарной армией в мире, армией рабов, предназначенной для взлома укреплений противника собственными телами».

Тяжела была война, внезапным было ее разгромное начало, невосполнимы были потери армии, страны, в которой народ, ее населяющий, гордился ее мощью и мудростью руководителей, преисполненный веры в их непогрешимость, но только в условиях оккупации стала просачиваться правда. Выяснилось, что все было ложью и надувательством. Безграмотные экспериментаторы!

Мой брат Вячеслав

